ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП (б)

159 5/94

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИСТОВКИ ПЕТЕРБУРГСКОГО „СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА“

1895 — 1897 г.г.

Составил С. Н. Валк
Под редакцией И. Товстухи

1221

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
449859 м

449859

Ответственный редактор И. П. ТОВСТУХА. Техн. редактор И. Д. Галактионов.
Инд. П. Д. Книга сдана в набор 23/XI 1933 г. Подписано к печати 3/II 1934 г.
Партиздат № 2083/м. Тираж 10375 экз. Ленгорлит № 2866. Заказ № 1288.
Бума а 62×94 см. 1/32. 10 1/4. п. л. (80256 тип. зн. в 1 бум. л.) Бум. л. 5 1/8.
Бумага Вишерской (500 экземпл.) и Каменской (9875 экземпл.) бумажных фабрик.
Каленкор Щелковской фабрики.
Вышла в свет — февраль 1934 г.

2-я типогр. „Печатный Двор" треста „Полиграфкнига". Ленинград. Гатчинская, 26.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемые в настоящем сборнике листовки — яркие документы того периода в истории русского рабочего движения, когда руководимый Лениным петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» перешел от господствовавшей до того системы кружковых занятий с отдельными, наиболее толковыми, рабочими к новым методам работы — к непосредственной агитации среди рабочих фабрик и заводов Петербурга на почве их повседневных нужд и интересов. Агитация эта совпала с массовым стачечным движением, вызванным нестерпимыми условиями труда, господствовавшими на фабриках и заводах, достигшим своего высшего развития в грандиозных летних стачках 1896 г., когда в Петербурге бастовало несколько десятков тысяч ткачей. Руководивший движением «Союз борьбы» развил необычайную деятельность и завязал на этой почве широкие связи с рабочей массой, послужившие основой для всей дальнейшей работы революционных марксистов Петербурга.

Написанные вначале от руки, отпечатанные потом гектографским и мимеографическим способом, листовки эти разными путями проникали на фабрики и заводы. «Были это линючие лиловые маленькие листочки, но несли они новые смелые слова, простые и правдивые, близкие и понятные каждому», — рассказывает один из членов «Союза борьбы» З. П. Невзорова (Кржижановская). «Правда, вначале листковая агитация была весьма скромна. Так, например, за Невской заставой решено было распространить листок у Семянникова. Листок написал Ленин, переписал его от руки печатными буквами в четырех экземплярах, Бабушкин разбросал по заводу. Два листка подняли сторожа, а два подняты были рабочими и пошли по рукам — это считалось большим успехом тогда... На Васильевском острове, например, Якубова и Невзорова нагружались листками, отправлялись к воротам фабрик и быстро, идя навстречу выходившим из фабрик работницам, всовывали им в руки листок. Иногда кто-нибудь из распропагандированных рабочих пробирался в заводскую раздевальню и там

рассовывал их по карманам» (Н. Крупская). Постепенно, однако, техника печатания и распространения листков совершенствовались и майский листок 1896 г. удалось размножить уже в огромном по тому времени количестве — свыше 2000 экземпляров и распространить его по 40 фабрикам и заводам Петербурга.

Выставляя насущные нужды и требования рабочих, листки «Союза» формулировали наряду с этим и политические требования. Влияние их на сознание петербургских рабочих было громадно. По поводу того же майского листка 1896 г. З. Невзорова говорит: «Когда через месяц после этого вспыхнули знаменитые стачки 1896 г., рабочие говорили нам, что первым толчком к их объединению был этот маленький скромный майский листок». «Многие рабочие потом говорили, что если бы не майский листок, то, может быть, не было бы и летних стачек» (К. Тахтарев).

Но не только на рабочую массу имели влияние листки «Союза». Они вынудили и хозяев и царское правительство признать, что кончился «патриархальный склад отношений между хозяином и рабочими», как утверждал незадолго до того царский министр финансов, старая лиса Витте, что в России также имеется «рабочий вопрос» и, как его непременный спутник, — «подстрекатели» и «злонамеренные личности», которые пользуются «подметными» листками для достижения своих «преступных целей».

И хотя «злонамеренные личности», во главе с Лениным и другими «стариками» (как назывались члены основной группы «Союза») были уже в декабре 1895 года упрятаны в тюрьму, они и оттуда не прерывали своего руководства «Союзом», посылая листовки, брошюры, давая указания и пр., — до тех пор, пока царское правительство не упрятало их еще дальше — в далекую Сибирь.

* *
*

В настоящий сборник вошли листовки петербургского «Союза борьбы» за период 1895 — январь 1897 гг., т. е. за время, когда «Союз» работал под руководством группы «стариков» во главе с Лениным. Для составления сборника были обследованы московские и ленинградские собрания. Основная масса листовок находится в Институте Маркса—Энгельса—Ленина (ИМЭЛ), остальные найдены в Архиве революции и внешней политики (Москва), Государственном

Музее революции (Ленинград) и Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

При издании листовок исправлялись без каких-либо оговорок те описки в словах или ошибки в пунктуации, которые не придавали тексту иного смыслового значения. Все остальные случаи, а также замена шрифтов и подстановка восклицательных знаков, оговорены в сносках. Курсивом набран текст, принадлежащий составителю сборника.

Сборник составлен тов. *С. Н. Валком*, которому принадлежит и вся трудная и кропотливая работа по определению дат, авторства листовок, составлению примечаний, карты и пр.

И. Т.

15 января 1934 г.

1895 г.

1. Январь 1895 г.

К рабочим Семянниковского завода.

. . . . . [1]

Итак, понимающий рабочий в каждом из подобных многочисленных бунтов, во-первых, находит лишний пример безобразий со стороны заводского начальства всякого рода по отношению к его... [2] собратьям рабочим, — это раз. Во-вторых, он еще раз убеждается, что как ни темен бунтующийся только таким образом люд, а все же самый пример подобного взрыва показывает, что в нем живет недовольство и рад бы он многим пожертвовать, чтобы выбиться из своей проклятой доли, да только не знает, как; это — два. В-третьих, поневоле приходится сознаться, что еще мало сделал и он, и его близкие по развитию товарищи для облегчения доли всех рабочих, когда еще не придумало большинство русских рабочих другого способа для борьбы. А разве все это не грустно?

Но грусть-то грустью, а работа работой. Работаем мы всю жизнь на капиталистов, поработаемте-ка и на себя. Будем помнить, что первая наша обязанность заранее узнавать о всех таких обстоятельствах, вмешиваться в случае их проявления в толпу, которая только расчитывает на свои кулаки, и разъяснять ей, как и почему все это происходит и почему надо действовать не так, а иначе. Это вовсе не так трудно, а главное — без этого доля рабочих не переменится. Возьмем хоть бы наш пример. Здесь заранее можно было сказать, что разгром хозяйских построек поведет только к быстрому вмешательству полиции, рабочим заткнут рты, и дело кончится так, как оно кончилось.

Ведь все знают, что и заводчики, и полиция, и вся государственная власть — все они заодно и все против нас.

---

[1] *Начало листовки не сохранилось.*
[2] *Выцвело одно слово.*

Они рады, что мы пустили в ход кулаки; вышлют они потом тех, кто знает не одну только силу своих кулаков, а вслух объявят: «как же с такими скотами поступать? распусти их, так они только и станут, что бить!»

И будто бы вышли правы те, к[ото]рых самих надо бы судить, да повыгнать из Питера за то, что не платят вовремя заработную плату, берут рабочее время сверх уговора, берут и издеваются. Вот и наш пример показывает, как все эти чистые господа спелись!

Знаете, есть такая игрушка: подавишь пружину и выскочит солдат с саблей. Так оно вышло и на Семянниковском заводе, так будет выходить везде: заводчики и заводские прихвостни, это — пружина: подавишь ее разок, — и появятся те куклы, которых она приводит в движение: прокуроры, полиция и жандармы.

Возьми стальную пружину, надави ее разок, да отпусти — она тебя же ударит и больше ничего. Но всякий из нас знает, что если постоянно, неотступно давить эту пружину, не отпуская ее, то слабеет ее сила и портится весь механизм, хотя бы и такой хитрой игрушки, как наша. Это надо записать каждому рабочему в своем мозгу.

Мы давим на эту пружину толчками, а она на нас давит постоянно: во-первых, нам надо перенять эту ее манеру. Как ни как, а пружина уступает только одному давлению: подавили семянниковские рабочие, глядь, и жалованье выдали, и куколок своих, струхнув, прислали; сам г-н градоначальник послал офицера с деньгами. Поослабла сила давленья, — пружина снова оттопырилась и г-н градоначальник, сидя в своем уютном кабинете, распоряжается, кому куда из лучших рабочих ехать из Питера. Значит, давить-то нужно, но уж давить, так давить дружней, всем в одну сторону, и не отпускать, а то опять только еще больней ударит.

Много дела еще предстоит русскому рабочему, много будет жертв с его стороны, но не безнадежна его работа, и пора, уже давно пора к ней приступить. Да и какой ему выбор ставит сама жизнь? Превратиться совсем в вьючного животного, которое только тупо смотрит, как на него все накладывают одну непосильную тяжесть за другой, — да разве это не равносильно умерщвлению в себе человеческого образа, да и не только в себе, а и в своих ближних, всех, для кого живешь и работаешь?... Уехать в другое место? Но куда? В родной деревеньке одна нищета, кулаки да розги г-д земских начальников; не туда, а оттуда бежит народ в город. Уйти на другой завод или в другой город?

7

Если бы на томъ же самомъ Семянниковскомъ заводѣ рабочіе, кторые уже тамъ давно терпѣли утѣсненія выдачи жалованья, обманы и недѣятельство заводскаго начальства, сговорились бы вправѣ въ какъ можно большемъ числѣ или совсѣмъ бросить работу или добиться исполненія хотя-бы нѣсколькихъ маленькихъ требованій, вродѣ немедленной выдачи жалованья по субботамъ или разъ послѣ шабашъ, выдачи всего заработка передъ Рождествомъ, - то дѣйствуя не кулаками, а такимъ общимъ, опредѣленно высказаннымъ фабрикату заявленіемъ, они навѣрно добились-бы этой уступки безъ столькихъ напрасныхъ жертвъ. Тутъ же бы они увидѣли, на кого въ товарищѣ можно больше положиться, кто постоитъ за себя и другихъ не выдастъ, кто другъ рабочихъ и кто ихъ врагъ, кто больше знаетъ и можетъ помочь своими знаніями и совѣтомъ; глядишь, на слѣдующій разъ вести борьбу было-бы и легче, и можно было-бы добиться еще большаго облегченія своего положенія. „Борьба и знаніе!" - вотъ чего требуетъ отъ русскаго рабочаго русская жизнь.

К РАБОЧИМ СЕМЯННИКОВСКОГО ЗАВОДА. ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА.
АВТОР: Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ.

Да разве там не то же? Уехать некуда и приходится колотиться изо дня в день и ждать не сегодня, так завтра расчета из-за какого-нибудь пустячка или просто потому, что нашелся другой или еще более дешевый заместитель, или заместитель с «протекцией». И если поглубже заглянешь в жизнь, то увидишь, что так будет и впредь, будет расти голодная безработица, увеличиваться число лиц, готовых за грош итти на каторжный труд, будут пользоваться этим всякие хозяева, и полиция и вся государственная власть будут помогать им в этом, по нашим временам «законном», стремлении (как-же — всякий свой барыш соблюдает!).

И будет это так до тех пор, пока рабочие не поймут, что не откуда и негде им ждать спасенья, как только в самих себе, и дружно и неотступно не надавят на ненавистную толпу лиц, живущих чужим трудом.

В борьбе соединенными силами западный рабочий добился уже теперь бесконечно лучшей доли, чем наша доля: в такой же борьбе и нам надо искать спасения. В Англии рабочий получает в 3 раза, а в Америке в 6 раз более, чем наш рабочий, и рабочий день у них меньше, а в Англии жизнь немного лишь дороже, чем в таких местах, как Питер и Москва, в Америке же даже дешевле. О прочем же нечего и говорить: тамошние рабочие свободно собираются и говорят о своих делах, имеют большие кассы для поддержки товарищей на случай стачек и безработицы, издают свои газеты и участвуют даже в управлении государством! Но и там всего этого добились не сразу, и там сначала рабочих гнали и преследовали за попытки к соединению, а фабриканты так же томили их в своих заведениях, как и наши. Но рабочие неустанно боролись и теперь заставляют уже трепетать перед своей силой всякие тамошние власти.

Способность же бороться можно выработать только борьбой.

Чем большее число лиц примет участие в каждом случае ее, чем разумнее и хладнокровнее обсудят они начинаемое дело, тем будет и бо́льший успех всего общего дела рабочих.

Как только где-нибудь на заводе становится невыносимо тяжело, растет общее недовольство, — обязанность каждого понимающего рабочего вмешаться в это дело, соединить желающих бороться, показать, какие требования нужно им выставить всем своим угнетателям, и при уменьи всегда дело пойдет на лад, так что и положение рабочих сейчас

же хоть сколько-нибудь улучшится, и увеличится число лиц, понимающих выгодность такой борьбы.

Если бы на том же самом Семянниковском заводе рабочие, которые уже так давно терпели оттяжки выдачи жалованья, обманы и издевательства заводского начальства, сговорились бы заранее в как можно большем числе или совсем бросить работу, или добиться исполнения хотя бы нескольких маленьких требований, в роде немедленной выдачи жалованья по субботам как раз после шабаша, выдачи всего заработка перед Рождеством, — то, действуя не кулаками, а таким общим, определенно высказанным фабриканту, соглашением, они, наверно, добились бы этой уступки и без стольких напрасных жертв. Тут же бы они увидели, на кого из товарищей можно больше положиться, кто постоит за себя и других не выдаст, кто друг рабочих и кто их враг, кто больше знает и может помочь своими знаниями и советом; глядишь, на следующий раз вести борьбу было бы и легче, и можно было бы добиться еще большего облегчения своего положения. «Борьбы и знаний!» — вот чего требует от русского рабочего русская жизнь.

По фотокопии. Библиотека ИМЭЛ 45. 1895. 1.
Автор: Г. М. Кржижановский (е г о: Письмо в редакцию, «Летописи марксизма», 1927, № 4, стр. 140).
Основание датировки: события на заводе происходили в конце декабря.
Напечатано: «Летописи марксизма», 1927, № 3, стр. 64—66.

2. *10 ноября 1895 г.*

РАБОЧИЕ И РАБОТНИЦЫ ФАБРИКИ ТОРНТОНА!

6-е и 7-ое ноября должны быть для всех нас памятными днями... Ткачи своим дружным отпором хозяйской прижимки доказали, что в нашей среде в трудную минуту еще находятся люди, умеющие постоять за наши общие рабочие интересы, что еще не удалось нашим добродетельным хозяевам превратить нас окончательно в жалких рабов их бездонного кошелька. Будем-же, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линию до конца, будем помнить, что улучшить свое положение мы можем только общими дружными усилиями. Прежде всего, товарищи, не попадайтесь в ловушку, которую так хитро подстроили гг. Торнтоны. Они разсуждают таким образом: «теперь время заминки в сбыте това-

ров, так что при прежних условиях работы на фабрике не получить нам нашего прежнего барыша... А на меньший мы не согласны... Стало быть, надо будет поналечь на рабочую братию, пусть-ка они своими боками поотдуваются за плохие цены на рынке... Только дельце это надо обстроить не кое-как, а с умением, чтобы рабочий по своей простоте и не понял, какую закуску мы ему подготовляем... Затронь всех сразу — сразу все и поднимутся, ничего с ними не поделаешь, а вот мы сначала объегорим бедняков ткачишек, тогда и прочие не уверпутся... Стесняться с этими людишками мы не привыкли, да и к чему? У нас новые метлы чище метут...» Итак, заботливые о благах рабочего хозяева, потихоньку, да полегоньку хотят подготовить для рабочих всех отделений фабрики такое же будущее, которое они осуществили уже для ткачей... Поэтому, если мы все останемся безучастны к судьбе ткацкого отделения, то мы выроем своими руками яму, в которую в скором времени вышвырнут и нас. Ткачи зарабатывали в последнее время, почитай что на круг, по 3 р. 50 к. в полумесяц, в течении же этого времени они ухитрялись жить семьями в 7 человек на 5 р., семьей из мужа, жены и ребенка всего на 2 р. Они поспустили последнюю одеженку, прожили последние гроши, приобретенные адским трудом в ту пору, когда благодетели Торнтоны наращивали миллионы на свои миллионы. Но и этого всего было мало и на их глазах выкидывались за ворота все новые и новые жертвы хозяйского корыстолюбия, а прижимка росла своим чередом с самой бессердечной жестокостью. В шерсть стали валить безо всяких оговорок поллеса и кнопа, отчего страшно замедлялась выработка товара, проволочки на получение основы будто ненароком увеличились, наконец, прямо стали сбавлять рабочие часы, а теперь вводят куски из 5 шпиц вместо 9, чтобы ткач дольше и чаще возился с хлопотами по получению и заправке [1] основ, за которые, как известно, не платят ни гроша. Измором хотят извести наших ткачей, и заработок в 1 р. 62 к. в полумесяц, который уже стал появляться в расчетных книжках некоторых ткачей, может стать в скором времени общим заработком ткацкого отделения... Товарищи, хотите ли и вы дождаться такой хозяйской ласки? А если нет, если, наконец, не совсем окаменели ваши сердца к страданию таких же, как вы, бедняков, сплотитесь дружно около

[1] *В подлиннике:* **получении и заправки.**

наших ткачей, выставим наши общие требования, и при каждом удобном случае станем отвоевывать лучшую долю у наших угнетателей. Рабочие прядильного отделения, не самообольщайтесь устойчивостью и некоторым повышением вашего заработка... Ведь почти $^2/_3$ вашего брата уже расчитаны с фабрики и ваш лучший заработок куплен ценою голода выкинутых за ворота ваших же прядильщиков. Это опять таки хитрая уловка хозяев и понять ее не трудно, если только подсчитать, сколько вырабатывало все льнопрядильное отделение прежде и сколько оно вырабатывает теперь. Рабочие новой красильни... Вы вырабатываете ценою 14 с $^1/_4$ час. ежедневного труда, пропитываемые с ног до головы убийственными испарениями красок, уже и теперь всего 12 р. в месяц, обратите внимание на наши требования, мы хотим положить в них конец и тем незаконным вычетам, которые производятся с вас за неумелость вашего мастера. Чернорабочие и вообще все не специальные рабочие фабрики! — Неужели вы надеетесь удержать свои 60—80 коп. поденной, когда специалисту ткачу придется довольствоваться 20 коп. в сутки? Товарищи, не будьте слепы, не попадайтесь в хозяйскую ловушку, крепче стойте друг за друга, иначе всем нам плохо придется в эту зиму. Самым зорким образом следите за маневрами наших хозяев по части понижения расценок, и мы должны сопротивляться всеми силами этому гибельному для нас стремлению... Будьте глухи ко всем их отговоркам о плохих делах: для них это только меньшая прибыль на их капитал, для нас — это голодные страдания наших семейств, лишение последнего куска черствого хлеба, а разве можно положить то и другое на одни и те-же весы? Теперь жмут в первую голову ткачей, и мы должны добиваться:

1) Повышения ткацких расценок до их весенней величины, то-есть приблизительно на 6 коп. на шпиц.

2) Чтобы исполняли и для ткачей закон о том, что рабочему должна быть перед началом работы объявлена величина того заработка, на который он идет. Пусть табель, подписанный фабричным инспектором, не будет только на бумаге, но и на деле, как того требует закон. Для ткацкой, напр., работы к существующей расценке должны быть добавлены указания о качестве шерсти, количестве в ней поллеса и кнопа, должно быть присчитано время, идущее на подготовительную работу.

3) Рабочее время должно быть распределено так, чтобы с нашей стороны не являлось невольных прогулов; теперь,

РАБОЧИЕ И РАБОТНИЦЫ ФАБРИКИ ТОРНТОНА! ПЕРВАЯ СТРАНИЦА.
АВТОР: В. И. ЛЕНИН.

напр., подстроили так, что ткач на каждом куске теряет день на получение основы, а так как кусок станет меньше почти вдвое, то ткач и на этом будет нести, независимо от табели расценок, двойную потерю. Хочет у нас хозяин грабить заработок таким образом, так пусть идет в чистую, так, чтобы мы твердо знали, что от нас хотят отжилить.

4) Фабричный инспектор должен следить за тем, чтобы в расценках не было обмана, чтобы они не были двойными. Это значит, напр., что в табели расценок за один и тот же сорт товара, но только с различными названиями, [не должно] допускать двух различных цен. Напр., бибор мы ткали по 4 р. 32 к., а урал всего по 4 р. 14 к. — а разве по работе не одно и то же это? Еще более наглым надувательством является двойная цена работы при товаре одного наименования. Таким путем гг. Торнтоны обходили законы о штрафах, в которых сказано, что штраф можно наложить только на такую порчу работы, которая зависела от небрежности рабочего; в таком случае вычет должен заноситься в рабочую книжку под графою штрафов не позже 3-х дней со дня его наложения. Все же штрафы должны находиться на строгом отчете и сумма, из них составляемая, не может итти в карман фабриканту, а должна итти на нужды рабочих этой фабрики. А у нас — посмотри в наши книжки — чисто, нет штрафов, можно подумать, что наши хозяева изо всех хозяев предобрейшие. На самом же деле они обходят по нашему незнанию закон и легко обстраивают свои делишки... Нас, видите ли, не штрафуют, а у нас производят вычет, платя по меньшей расценке, и пока существуют [1] две расценки — меньшая и большая — придраться к ним никак нельзя, они себе вычитают да вычитают в свой карман.

5) Вместе с введением одной расценки пусть каждый вычет заносится в графу штрафов, с обозначением, почему он произведен. Тогда нам будет видна неправильная штрафовка, меньше будет пропадать даром нашего труда и уменьшится число таких безобразий, которые творятся в настоящее время, напр., в красильной, где рабочие вырабатывали меньше по вине неумелого мастера, что по закону не может быть причиной неоплаты труда, так как тут небрежность рабочего не при чем. А мало ли у всех нас таких вычетов, в которых мы ничуть не виноваты.

6) Мы требуем, чтобы за квартиру с нас брали столько,

---

[1] *В подлиннике:* существовали.

сколько брали до 91 г., то есть по 1 р. с человека в месяц, потому что платить 2 р. при нашем заработке положительно не из чего, да и за что?.. За эту грязную, вонючую, тесную и опасную в пожарном отношении конуру? Не забывайте, товарищи, что во всем Питере плата 1 р. в месяц считается достаточной; только одни наши хозяева заботливые не довольствуются ею и мы должны заставить их посократить и здесь свою алчность. Защищая эти требования, товарищи, мы вовсе не бунтуем, мы только требуем, чтобы нам дали то, чем пользуются уже все рабочие других фабрик по закону, это отняли у нас, надеясь лишь на наше неуменье отстоять свои собственные права.

Докажем же на этот раз, что наши «благодетели» ошиблись.

По подлиннику; гект., 2 стр. на развернутом листе, 31,5 × 19 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1895. XI. 12.— Экземпляр Государственного Музея революции в Ленинграде напечатан с того же трафарета, но на двух сторонах одного полулиста.

Автор: В. И. Ленин (Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине. М., 1930, вып. I, с. 18).

Основание датировки: общепринятая дата — 10 ноября указана В. Акимовым-Махновцем, Очерк развития социал-демократии в России. Спб., 1906, стр. 52.

Напечатано: Петербуржец, Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. Лондон, 1902, стр. 92—95 (и во всех последующих изданиях, вплоть до последнего: К. Тахтарев, Рабочее движение в Петербурге. 1895—1901. Ленинград, 1924, стр. 48—51); В. И. Ленин, Собрание сочинений, изд. 1, т. I, стр. 289—292 (изд. 2 и 3, стр. 449—452); М. Шагинян, Фабрика Торнтон. М.—Л., 1925, стр. 50—54; Б. Струмилло, Старая гвардия. Ленинград, 1926, стр. 245—248; Н. Лебедев, Русский текстильщик в революционном движении. М. 1928, ч. II, стр. 189—195.

5. Не позже 18 ноября 1895 г.

ЧЕГО ТРЕБОВАТЬ РАБОТНИЦАМ ФАБРИКИ «ЛАФЕРМ»?

Требуйте освобождения всех арестованных, так как никаких зачинщиков не было и беспорядки были вызваны наглостью хозяев.

Требуйте повышения расценки до 40 коп. с тысячи при машине.

Требуйте, чтобы не было притеснений на фабрике, чтобы не смели браковать товар, идущий в продажу.

Требуйте уничтожения незаконного сбора в 10 коп. в месяц (за хранение платья, кипяток и проч.).

По подлиннику; гект., 1 стр., 15 × 15 см. Архив революции и внешней политики, дело департамента полиции, 2 дел., 1895 г., № 26, ч. 33, л. 22.

Основание датировки: отношение градоначальника об обнаружении листовки 18 ноября (то же дело, л. 21).

Напечатано: Ф. Матасова, Стачки 1881—1895 гг., М., 1930, стр. 375.

4. 4 декабря 1895 г.

К рабочим Путиловского завода.

Товарищи! [1]

В паровозомеханической мастерской сбавка. Сбавлено с каждого паровоза с токарной работы 200 рублей, со слесарей на цилиндрах 20 р. с 70, на дышлах 22 р. с 132, на кулисах 20 р. с 51, и так далее со всех работ. Эти сбавки являются у нас самым обыкновенным делом не только в паровозомеханической мастерской, но и по всему Путиловскому заводу и вообще на всех заводах. Сбавляли раньше, сбавляют теперь и будут сбавлять до тех пор, пока мы сами не положим предел алчности наших хозяев. Напрасно мы утешаем себя тем, что найдем лучший заработок на других заводах. Только там, где рабочие борятся со своими хозяевами, где, пользуясь каждым удобным случаем, они требуют увеличения платы, можно надеяться на хороший заработок. В 1884 году на нашем заводе тоже хотели сбавить плату, но рабочие прекратили работу и добились отмены сбавки. И в нашей паровозомеханической мастерской, при прежних расценках в тех партиях, где рабочие дружно протестовали против введения пониженных расценок, им всегда удавалось отстоять прежнюю плату. В тех же случаях, когда рабочие действовали разрозненно, плата понижалась, чему примером могут служить кулисная, дышловая, рамовая, цилиндровая и другие партии.

Товарищи! Нынче рабочие рамовой и заготовочной партий прекратили работу, требуя отмены сбавки, а рабочие медницкой мастерской заявили несогласие работать по новым расценкам. Товарищи! Мы создаем своим трудом все, и это все берут у нас богачи, отдавая лишь жалкие гроши для поддержания нашей рабочей силы, нужной им для

[1] *В подлиннике разрядке соответствует пропись.*

новой наживы. Товарищи! прекратим работу и не будем работать, пока не согласятся ввести старые расценки, которые должны вывесить в мастерской, на основании закона.

Товарищи! Не уступайте новой прижимке!

По подлиннику; гект., 1 стр., 25 × 19½ см. Библиотека ИМЭ.1 45. 1895. XII. 4.

Автор: Б. И. Зиновьев (по его показаниям в Докладе по делу о социалдемократических кружках. «Сборник материалов и статей». Ред. журнала «Исторический Архив». М. 1921, стр. 132).

Напечатано: «Красная Летопись», 1925, № 2 (13), стр. 205 Б. Струмилло, Старая гвардия. Ленинград, 1924, стр. 292—273.

5. 4 декабря 1895 г.

К рабочим Путиловского завода.

Рабочие паровозомеханической мастерской Путиловского завода требуют:

1) Чтобы объявленная сбавка была отменена.

2) Чтобы впредь исполнялся закон о вывешивании на стене расценок. Мы требуем этого для того, чтобы нельзя было постепенно и незаметно понижать расценки при сдаче работы.

Товарищи! Если наши требования не будут исполнены, бросайте работу!

По подлиннику; гект., 1 стр., 18×8 см. Библиотека ИМЭ.1 45. 1895. XII. 4.

Напечатано: «Красная Летопись», 1925, № 2, стр. 205; Б. Струмилло, Старая гвардия. Ленинград, 1926, стр. 273.

6. 15 декабря 1895 г.

ОТ СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Товарищи рабочие[1], стачки последнего времени привели в необычайное смущение наших капиталистов хозяев. С ужасом увидали они, что петербургские рабочие начинают бороться против невыносимого гнета. Под влия-

[1] *В подлиннике прописью.*

нием страха товарищества Лаферм и Торитон попытались кое-какими уступками успокоить выведенных из терпения рабочих; при виде волнения, вызванного появлением на Путиловском заводе листков, заводское управление поспешило уменьшить объявленную сбавку. Сама фабричная инспекция стала тщательнее относиться к своим обязанностям: на днях в особом циркуляре фабричный инспектор признал незаконность тех браковок, против которых поднялись мастерицы фабр. «Лаферм». Но уступив там, где опасно было не уступать, капиталисты обратились к правительству за помощью против осмелившихся пошевелиться рабочих. Верные своему долгу — оберегать интересы богачей — власти горячо взялись за дело, чтобы на будущее время избавить гг. Торитонов от неприятных уступок ненавистным рабочим. Как же сделать, чтобы впредь не было таких стачек? По мнению жандармов стачки и беспорядки вызываются нищетой и страданиями тех, чьим трудом живет все общество, по их мнению все это — дело «подстрекателей», беспокойных людей. Еще бы. Кто, как не подстрекатели распространяют при каждой новой прижимке те воззвания, от одного вида которых у капиталистов дыбом встают волоса. И вот, чтобы разом вырвать с корнем зло, в ночь с 8 на 9 декабря по всем концам города жандармы произвели набеги: десятки подозреваемых людей брошены в тюрьму, фабрики наводнены шпионами. «Порядок водворен, стачек более не будет, листки исчезнут», так думают капиталисты, в то время как их полицейские друзья облизываются при мысли о предстоящей праздничной награде за дикое усердие. Сейчас же после арестов гг. Торитон[ы] выбрасывают перед праздниками на улицу несколько десятков ткачей из числа стач[еч]ников, вымещая на них свою вынужденную уступчивость. Новый градоначальник любезно предлагает им единственную помощь — даровой билет на родину, в голодающую деревню... Денежный кошель и полицейский мундир не знают жалости. Тем не менее стачки не прекращаются. Поговаривают о новых волнениях на фабр. Лаферм, о стачке на лесопилке Лебедева и на Самсониевской мануфактуре. А листки появляются по прежнему, читаются и встречают повсюду сочувствие, а Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класса, который их распространяет, остается невредим и будет продолжать свое дело. Полиция ошиблась в адрессе. Арестами и высылками не подавят рабочего движения: стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса

из под гнета капитализма. Товарищи, будем по прежнему дружно защищать свои интересы[1].

По подлиннику; мим., 1 стр., 25½ × 18½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1895. XII. 15.

Автор: Ю. О. Мартов (его Записки социал-демократа. М., 1924, стр. 292)

Напечатано: Петербуржец, Очерк петербургского рабочего движения девяностых годов. Лондон, 1902, стр. 22—25 (и во всех последующих изданиях, вплоть до последнего: К. Тахтарев, Рабочее движение в Петербурге. 1895—1901. Ленинград, 1924, стр. 52—53.)

7. 18 декабря 1895 г.

КО ВСЕМ ПЕТЕРБУРГСКИМ РАБОЧИМ.

Товарищи рабочие! Последний месяц был полон событиями в нашей жизни. Трижды поднимались в течение месяца петербургские рабочие против хозяйских притеснений, трижды пытались борьбой добиться лучших условий жизни.

Первыми[2] встали ткачи на суконной фабрике Торитона. Все, вероятно, знают, как круто пришлось в последнее время ткачам сукна, как, благодаря страшному падению заработной платы, они обнищали и раззорились. Долго подготовляемое недовольство, наконец, вспыхнуло и ткачи восстали против нового понижения платы.

Почти в то же время произошли беспорядки на табачной фабрике Лаферма. Тут точно так же долго испытывали терпение работниц, пуская в ход самые мошеннические приемы, чтобы урвать несколько грошей из их голодной платы. Завели новые машины, благодаря которым в товаре стало попадаться много неудачных папирос; за несколько плохих штук браковали всю тысячу, лишая за нее платы мастерицу, и тут же, на глазах у ограбленной работницы, запечатывали эту тысячу и отправляли в магазин. Наконец, пошел слух, что понизят плату, введут еще много новых машин и выгонят на улицу самых старых работниц. Терпению настал конец и работницы задали-таки страху товариществу Лаферм, разгромив всю фабрику и избив ненавистного прикащика.

Третий случай был на фабрике То-ва механического про-

---

[1] *В подлиннике прописью.*

[2] *Б: машинописное* Правыми *от руки исправлено на:* Первыми.

изводства обуви. Это богатейшее товарищество, не довольствуясь законным грабежем и притеснениями, не стесняется донимать рабочих самыми противозаконными средствами: из заработка рабочих вычитают за материал и орудия, что прямо запрещено законом (статья 102 Устава о промышленности). 40 рабочих в отдельной мастерской устроили стачку, требуя отмены строгой браковки и, так как они, бросив работу, вызвали остановку всей фабрики, то хозяева уступили после трехдневной стачки.

Три раза в течение непродолжительного времени пришлось петербургским рабочим столкнуться с хозяевами, три раза они имели случай приглядеться к тому, в какие условия они поставлены при попытках помочь себе, не дать себя в обиду. Посмотрим-же, каковы эти условия, посмотрим, на кого мы можем расчитывать в деле улучшения нашей жизни.

Как отнеслись к бедствиям рабочих гг. капиталисты? Обратили-ли они хоть малейшее внимание на жалобы своих рабочих?

Тронула-ли их сердца вопиющая нужда раззоренных разными вычетами рабочих?

Нет, тщетно ткачи, сапожники, папиросницы взывали к чувству своих хозяев, и немудрено: ведь именно нужда рабочих создает богатство капиталистов, наш голод создает их изобилие, наши страдания порождают их счастие, наш каторжный труд — их праздную роскошь.

А начальство? Как оно отнеслось к рабочим в эти дни?

Припомним сначала, что делала фабричная инспекция, поставленная для того, чтобы установить на фабриках и заводах законность в отношениях между фабрикантами и рабочими. На Торнтоновской фабрике инспектор пошумел, покричал, обругал рабочих бунтовщиками и объявил, что их положение вовсе не так плохо, как они говорят. Придя на Лафермовскую, он ни единым словом не подтвердил того, что беззаконны вычеты за товар, признанный годным к продаже. Не заметил инспектор и того, что на сапожной фабрике в течение многих лет противозаконно вычитают с рабочих за материал и орудия [1]. Не больше пользы мы видели от высшего начальства во главе с г. фон-Валем [2]. Гг. Торнтонам он запретил соглашаться на какие-бы то ни было уступки, чтобы «не баловать» рабочих.

---

[1] *Б: далее новый абзац.*
[2] *Б:* Вальем.

Он нагнал на фабрику кучу шпионов и велел арестовать нескольких якобы зачинщиков. В ночь на 17 и 18 ноября, когда ожидали возобновления стачки, по распоряжению властей в казармах 145 Новочеркасского полка (что на Охте) стоял под ружьем батальон, готовый напасть на «бунтовщиков». А на Лафермовской фабрике, куда мастерицы пригласили его для разъяснения недоразумения, господин генерал-лейтенант фон-Валь позволил себе укорять и издеваться над работницами по тому поводу, что среди них некоторые (не от сладкой жизни) промышляют своим телом. Он-же, храбрый генерал, нагнал против работниц полицию и дворников, чуть что не артиллерию, и с торжеством арестовал и продержал в части многих работниц, из которых 2—3 десяткам предписал выехать из города [1]. Вот она, помощь от нашего начальства... Вот на какое отношение мы можем расчитывать от всех этих властей. На наши жалобы они отвечают смехом, на наши просьбы — бранью, на наши заявления — арестами и насилием.

Мы просим хлеба и получаем камни [2]. Ни от кого не нашли рабочие поддержки во время этих событий, только свой брат-рабочий отозвался сочувственно на страдания товарищей, сознавая, что хорошо для всех рабочих, когда где-нибудь зашевелится, подымется рабочий люд. Да, дело тех, кто участвовал в стачках у Лаферма и Торитона, есть наше общее, рабочее дело. Всякий, кто борется против безобразного понижения платы, кто сопротивляется незаконным, мошенническим вычетам, тем самым защищает общие интересы всех рабочих. Стоит только на одной фабрике показать капиталистам, что и терпению рабочих есть тоже предел, и на других фабриках не так-то легко решатся на новую прижимку. Капиталисты наши так привыкли к молчанию и смиренню рабочих, что первое их выступление на защиту своих интересов нагоняет на хозяев страх и заставляет молчаливо идти на уступки. До сих пор ни у Лаферма, ни у Торитона не понижается плата. В последние-же дни, гг. Торитоны, испугавшись продолжающегося волнения рабочих и особенно того, что рабочие с радостью встретили листки, призывавшие их на новую борьбу, стали «добровольно» отдавать рабочим то, чего требовали эти листки [1]. Так, уже объявлено, что плата за квартиру будет по-

[1] *Б: далее новый абзац.*
[2] *А и Б: разрядке соответствует пропись.*

нижена с 2 руб. до 1 руб. в месяц, как требовалось в листках. Но и листки не помогли-бы, если-бы на стачке 6 ноября хозяева не убедились, что ткачи не дадут себя в обиду [1]. Чего не могли сделать долгие просьбы, то, смотрить, сразу достигнуто одним решительным шагом, когда рабочие смело заявляют свои требования. Нас боятся, товарищи. Боятся настолько, что, когда Торнтоновские рабочие потребовали освобождения арестованных, то полиция поспешила сделать это. Наши враги и грабители чувствуют, что против нашей силы у них нет средств, что приходится уступать. Мы же, которых ежечасно грабят, мы только в крайних случаях, когда жить станет не в терпеж, прибегаем к этой силе, мы только изредка показываем свои когти. А между тем, чуть-ли не на каждом шагу, нас всех без исключения постигают новые беды, все новые притеснения, новые формы грабежа изобретаются капиталистами, все туже и туже затягивается петля на шее рабочего человека. Кому сегодня легче, чем рабочим Лаферма или Торнтона, для тех завтра наступит такое-же положение. Присмотритесь к своей жизни, товарищи, и вы увидите, что условия жизни всех нас плохи. Разве не совершается уже 2—3 года постоянное, быстрое понижение платы на Путиловском заводе, разве у Максвеля не делают того же, что у Торнтона, пуская под видом нового сорта с более дешевой оплатой труда старый сорт ткани [2], разве на казенных заводах, на Балтийском, Александровском, Патронном, в порту [3] не уменьшают заработки тем или иным способом. Всюду одно и то же, пусть же всюду рабочие следуют примеру своих товарищей, работающих у Торнтона, Лаферма и т. д. Нас везде норовят прижать — будемте повсюду давать отпор. Не потому ли мы до сих пор так мало боролись со своими хозяевами, что слишком еще мало столковались между собою, слишком еще мало между нами единения, слишком мало веры в то, что сообща съумеем добиться лучшей доли, что в соединении наша сила [1]. При каждом новом набеге наших благодетелей на наши карманы будем сговариваться о том, как дать отпор, будем бороться единодушно, не будем прекращать борьбы, пока не добьемся своего.

---

[1] *Б: далее новый абзац.*

[2] *Б: далее*—разве у Кенига не ввели, как и у Лаферма, новых усовершенствований, при которых заработок прядильщиков упал на 10 к. с рубля.

[3] *Б:* в порту *отсутствует.*

Чтобы избежать поводов для вмешательства грубой военной силы, будем вести свою борьбу спокойно, без беспорядков и насилий [1]. Держитесь дружно, товарищи. Не давайте себя в обиду и пусть всякая новая прижимка хозяев застигнет вас единодушными и готовыми к борьбе [2]....

От Союза борьбы за освобождение рабочего класса [3].

По подлиннику; мим., первые две страницы зеленого цвета, 5 стр., 28 × 19 см. Библиотека ИМЭЛ 45.1895. XII.18₁ (А). — Другое издание: мим., 5 стр., 25 × 19 см. Библиотека ИМЭЛ 45.1895. XII.18₂ (Б).

Автор: Г. М. Кржижановский (по указанию М. А. Сильвина).

Напечатано по А: «Красная летопись», 1924, № 1 (10) стр. 59—61; Б. Струмилло, Старая гвардия. Ленинград, 1926, стр. 249—255 (здесь также дано фотомеханическое воспроизведение).

8. *Конец декабря 1895 г.*

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИСТ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРЕСТУПНИК?

Братья товарищи [4], как тяжело видеть, что мы так низко стоим в своем развитии. Большинство из нас даже не имеет понятия о том, что такое «социализм». Людей, которых называют «социалистами» и «политическими преступниками», мы готовы предать поруганию, осмеять и даже уничтожить, потому что считаем их своими врагами. Правда ли, товарищи, что эти люди — наши враги? Присмотримся к ним поближе, и мы наверное увидим, что они вовсе не так страшны, как это нам кажется. Эти люди, которых мы поносим и предаем в руки наших врагов за какую-то ожидаемую и неполучаемую от них благодарность, отдают свою жизнь для нашей же пользы. Вы сами, товарищи, знаете, что нас грабит хозяин фабрикант или заводчик, сторону которого держит правительство. Социалисты — это те люди, которые стремятся к освобождению угнетенного рабочего народа из-под ярма капиталистов хозяев. Называют же их политическими или государственными преступниками потому, что они идут против

[1] *Б:* без излишних беспорядков и насилий над отдельными лицами. *Далее новый абзац.*

[2] *Б:* готовыми бороться.

[3] *Б: подписи нет.*

[4] *В подлиннике разрядке соответствует пропись.*

целей нашего варварского правительства, которое защищает интересы фабрикантов и заводчиков и желает удержать бедняка рабочего в своих руках, чтобы спокойно отымать от него на роскошь и животные прихоти чиновников последние кровные гроши. Подумайте, товарищи, хорошенько, и вы поймете, как печально, что люди по своему незнанию готовы предать своих защитников в руки врагов. Не будем же, братья товарищи, поддаваться обманным речам тех, кто нас держит во тьме невежества, будем стараться выяснить себе истину, чтобы идти к освобождению от теперешнего рабского состояния.

Силы наши велики, ничто не устоит перед нами, если мы будем идти рука об руку все вместе.

Ваш товарищ рабочий.

Издано Союзом борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 1 стр., 21 × 19 см. Государственный Музей революции в Ленинграде.

Автор: П. В. Бабушкин (Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине. М., 1930, вып. I, стр. 19; Ю. Мартов, Записки социал-демократа. М., 1924, стр. 295)

Основание датировки: указание Мартова (стр. 295) на время издания; в обращении была замечена 5 января (В. Федорова, „Красная Летопись", 1925, № 2, стр. 204).

Напечатано: „Красная Летопись", 1925, № 2, стр. 208; Б. Струмилло, Старая гвардия. М.-Л., 1926, стр. 256 (здесь же, на стр. 257, воспроизведена фотомеханически); Ш. М. Левин и И. Л. Татаров, История Р. К. П. (б.) в документах. Ленинград) 1926, т. I, стр. 58.

1896 г.

9. 1 января 1896 г.

К ТКАЧАМ ФАБРИКИ ЛЕБЕДЕВА.

Товарищи![1] 20-го декабря Вы доказали, что безжалостная хозяйская прижимка еще не окончательно Вас придавила, что Лебедеву не удалось еще сделать Вас своими крепостными. Вы доказали, что всякому терпению есть конец: на его бесчеловечный поступок вы ответили забастовкой. Круглый год Вы выбивались из сил, стараясь увеличить его богатство, и в награду за Ваше усердие он к празднику преподнес Вам подарок: Ваш заработок понижен почти в два с половиной раза. Благодарный хозяин не счел даже нужным сдержать свое слово и прибавить по пятачку на заработанный рубль — зачем? Ведь ткачи безропотно, по первому его слову, согласятся терпеть нужду и голод. Когда же он ясно увидел, что ткачи, отказавшись работать до полуночи, стали требовать увеличения расценка, хозяин нашел против непокорных хорошее средство — натравил на них полицейских псов. В ночь на 22-ое декабря незаконно, без всякого повода, полиция задержала многих ткачей — для острастки другим.

Товарищи, на стороне[2] Вашего грабителя — хозяина была сила его капитала, к его услугам фабричный инспектор, полиция, жандармы, на его стороне и наши русские законы, которые запрещают рабочим сговариваться о своих делах и совместно бросать работу, когда работать более не в терпеж. На Вашей же стороне не было ни дружной помощи рабочих других отделений, которым никто не разъяснил, что им следует поддержать товарищей; не предвидя подобного случая, Вы не устроили между собой товарищеский рабочий союз, чтобы на соб-

[1] *Разрядке соответствует в подлиннике пропись; восклицательного знака нет.*

[2] *В подлиннике:* на вашей стороне.

ранные в спокойное время деньги продержаться во время стачки.

Ничего этого у Вас не было; не мудрено, что понуждаемые голодом и холодом Вы временно подчинились хозяйскому произволу и работаете, сколько он приказывает и за какую цену он хочет. Но не забывайте, что дружными действиями при первом удобном к тому случае Вы легко можете добиться успеха. Готовьтесь к борьбе и, когда она станет возможна, Вы все должны, как один человек, бросить работу и спокойно, но твердо заявить свои желания.

Держитесь дружно, товарищи, и мужественно защищайте свои интересы.

К Новому году шлет Вам свой привет и пожелание успеха и обещает постоянное содействие

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

С.-Петербург. 1-ое января 96-го года.

По подлиннику, мим., зеленого цвета, 1 стр., 25 × 18½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. I. 1.

Автор: Я. М. Ляховский (Доклад по делу о с.-д. кружках, «Сборник материалов и статей», т. I. М., 1921, стр. 151—152)

Напечатано. „Красная Летопись“, 1925, стр. 207; Б. Струмилло, Старая гвардия. Ленинград, 1926, стр. 276—277.

10. 1 января 1896 г.

ТРЕБОВАНИЯ ТКАЧЕЙ НА ФАБРИКЕ ЛЕБЕДЕВА.

Мы требуем[1]:

1. Чтобы наши арестованные товарищи были немедленно выпущены и приняты вновь на фабрику.

[2.] Чтобы был восстановлен старый заработок, бывший до 15-го декабря. Для этого пусть хозяин введет прежнюю длину куска и плату на кусок набавит. На 40 коп. в день мы жить не можем.

3. Чтобы расчетные книжки выдавались рабочим на руки, как требуется законом.

Товарищи всех отделений, поддерживайте наши справедливые требования[1].

Издано Союзом борьбы за освобождение рабочего класса.

[1] *В подлиннике прописью.*

По подлиннику; мим., зеленого цвета, 1 стр., 10½ × 18½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. I. 1.

Напечатано: «Листок работника», 1896, № 1, стр. 6—7; «Красная Летопись», 1925, № 2, стр. 207; Б. Струмилло, Старая гвардия. Ленинград, 1926, стр. 277.

11. Конец января 1896 г.

КО ВСЕМ ПЕТЕРБУРГСКИМ ПАПИРОСНИЦАМ.

(По поводу последнего циркуляра фабричной инспекции).

Еще у всех свежо в памяти последнее происшествие на Лафермовской фабрике. Еще не забыто мужественное и стойкое сопротивление папиросниц, вызванное бессовестной браковкой товара и произвольным наложением штрафа: 30 работниц тогда было прогнано с фабрики и всю эту историю начальство объявило делом глупых баб, взбунтовавшихся просто из за введения новых машин.

И вот теперь настал для Лафермовских папиросниц час, когда дело признается иным: бабий бунт оказывается правым делом, а требования папиросниц справедливыми требованиями.

Как же это случилось? Откуда такая перемена? Дело вот в чем: месяц тому назад петербургская фабричная инспекция разослала всем табачным фабрикантам циркуляр (распоряжение). (Смотри «Новое Время», «Новости» и другие газеты 20-го декабря 1895 года).

Послушаем, что предписывает фабричная инспекция табачным фабрикантам:

«Нельзя произвольно браковать товар. Если хозяин признает товар негодным, то он не имеет права из за нескольких испорченных папирос браковать всю сотню. Такая браковка совершенно произвольна. Только за испорченные папиросы (от небрежной или неумелой работы) хозяин может налагать штраф по табели, порчу же материалов взыскивать только по суду, самый штраф следует записывать в расчетную и особую шнуровую книжку с изложением каждый раз повода штрафа. Все штрафные деньги образуют особый капитал, который расходуется исключительно на нужды рабочих»[1]. Наконец, в циркуляре прямо

[1] *В подлиннике прописью.*

сказано, что «жалобы работниц верны, а положение их очень бедственно»[1].

Петербургские папиросницы![2]. Слышали ли вы что-нибудь об этом распоряжении? Вероятно, нет. Но вы, наверно, уже заметили перемену в штрафовании, сравнительно с прежним. Чем же это объяснить? Ведь для хозяев ваших это очень невыгодное распоряжение: ни одна штрафная копейка не попадет теперь в карман хозяина; у него, значит, не будет и причин налагать тяжелые штрафы. Деньги штрафные будут расходоваться только на рабочие нужды: на школы для детей рабочих, на выдачу вознаграждения в несчастных случаях или во время болезни, на обеспечение старости. Таким образом руки хозяйские, загребущие, укорочены. Сидит табачный фабрикант, злой на фабричную инспекцию за это распоряжение и думает такую думу: «пусть, по крайней мере, папиросницы не знают об этом предписании, — авось втихомолку удастся его обходить». Мы знаем, что хозяйский интерес противуположен рабочему интересу[1], что у фабриканта всегда одна цель: платить поменьше, заставлять работать на себя побольше, чтобы получать побольше. Значит, не добровольно хозяин оказался таким милостивым, значит, его заставили так поступить.

Но вот, почему фабричный инспектор стал в этот раз на нашу сторону и издал такое распоряжение не в пользу хозяев? И отчего это случилось именно теперь, после громкой Лафермовской истории? Многие бунтовщицы ответили бы на этот вопрос так: да именно потому и издано это распоряжение, что мы бунтовали, именно потому теперь фабричная инспекция вынуждена была издать такое распоряжение, что мы сами громко заговорили о своих нуждах и резко заявили свое недовольство. Наше терпение истощилось и мы забастовали. Но если бы мы молча стали терпеть хозяйские прижимки, если бы мы и в этот раз покорно перенесли черезчур усилившиеся строгости фабрикантов, то распоряжение не было бы издано и мы не добились бы и тех небольших облегчений, которые приносит нам этот циркуляр.

Петербургские папиросницы! Все вы, работающие у господ Богдановых, Лафермов,

---

[1] *В подлиннике прописью.*
[2] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

Шаншалов, Босфоров, Шапошниковых, и т. д. и терпящие от тех же хозяйских притеснений!

Берите пример с ваших Лафермовских товарок. Подобно им выступайте против грабителей хозяев. Не обольщайтесь мелочью, теперь завоеванною для всех вас Лафермовскими папиросницами. Ваши хозяева станут осторожнее, они будут стараться незаметнее вас прижимать. Поэтому следите за каждой новой хозяйской мерой, которая готовит вам новые беды, новое несчастье. Не соглашайтесь на понижение расценка при задельной работе, требуйте уничтожения произвольных штрафов[1]; добивайтесь, чтобы их и совсем не стало. Ведь штрафы для рабочего человека это вырывание из рук куска заработанного хлеба, это палка, страхом перед которой хозяин держит рабочего в повиновении.

Снова и снова восставайте на защиту своего бедственного положения, сами выступайте в борьбу за рабочее дело, но выступайте дружно, как один человек, потому что только в единении ваша сила. Устраивайте поэтому на каждой фабрике Союзы папиросниц против хозяев, собирайте деньги для помощи друг другу и на случай нового столкновения с фабрикантами. Тогда только вы завоюете себе лучшую долю, тогда только настанут для вас лучшие дни.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 28 × 19 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. I_1.

Основание датировки: указание листовки на месячный срок, истекший после циркуляра 20 декабря.

Автор: С. А. Гофман (по указанию М. А. Сильвина).

12. Конец января 1896 г.

К ПАПИРОСНИЦАМ ФАБРИКИ ЛАФЕРМА.

(По поводу последнего циркуляра фабричного инспектора).

Когда несколько месяцев тому назад вы бросили работу, возмущенные грубою хозяйскою несправедливостью, началь-

[1] *В подлиннике здесь и далее разрядке соответствует пропись.*

ство объявило вас бунтовщицами, возмущающимися из-за введения новых машин.

Ваше сопротивление бессовестной браковке товара и произвольному штрафованию работниц назвали тогда бунтом строптивых баб, не ведающих, по глупости своей, что творят.

А чтобы вас усмирить и должным образом проучить, явилась на помощь вашим хозяевам тьма полицейских, арестовала несколько сот человек, загнала их, как стадо баранов, в холодный сарай и, наконец, прогнала 30 работниц, как зачинщиц, дабы и прочим впредь не повадно было.

И вдруг теперь настал для вас час, когда на дело посмотрели иначе. Вы все, конечно, знакомы с циркуляром, читанным вам фабричным инспектором в декабре месяце, — тем самым инспектором, который прежде ни пальцем не пошевелил для работниц, усовещая их покориться хозяйской воле.

Ведь в этом циркуляре прямо сказано, что все жалобы папиросниц справедливы, а положение их очень бедственное.

Папиросницы фабрики Лаферма! [1]

Ваш бунт оказывается правым делом, а ваши требования — справедливыми.

Почему же произошла такая перемена?

Хозяева ли смилостивились над вами, или фабричный инспектор усовестился? И почему же это произошло именно теперь, после вашего открытого сопротивления? У всех вас готов ответ. Вы, наверное, скажете: конечно, потому и издано такое распоряжение, что мы бунтовали, что мы не согласились безропотно переносить хозяйские притеснения.

Наше положение было слишком бедственно, наше терпение истощилось и мы забастовали. Но если бы мы могли перенести черезчур усиливающиеся строгости и согласились бы безропотно переносить все притеснения хозяев, то мы не добились бы и тех небольших уступок, которые приносит нам этот циркуляр.

Папиросницы! Вы видите, что на этот раз вы добились своего: бессовестное штрафование работниц запрещено и браковка целых сотен папирос из-за нескольких десятков испорченных признается незаконной. Знайте же, что и

---

[1] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

всякий раз, когда хозяйские меры будут грозить вам новыми бедами, новым несчастьем, когда вам станет не в терпеж, у вас есть только одно средство добиться своего: не надейтесь ни на милость хозяйскую, ни на совесть инспекторскую. Только сами себе вы можете помочь.

Помните, что хозяйский интерес всегда противуположен рабочим интересам[1] — у хозяина всегда одна цель: платить поменьше, заставлять работать подольше, чтобы получать побольше.

Восставайте, поэтому, на защиту своего бедственного положения. Снова и снова выступайте против ваших грабителей хозяев, но выступайте дружно, как один человек, потому что только в единении ваша сила. Устройте, поэтому, у себя на фабрике союз напросниц против хозяев, собирайте деньги для помощи друг другу и на случай нового столкновения с вашими хозяевами.

Таким только способом вы завоюете себе лучшую долю.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр. на развернутом листе, 27 × 18½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. I₂.

Основание датировки: совпадение содержания и ряда выражений с № 12.

Автор: С. А. Гофман (по указанию М. А. Сильвина).

15. Не позже 12 февраля 1896 г.

К РАБОЧИМ БУМАГОПРЯДИЛЬНОЙ ФАБРИКИ КЕНИГА.

Товарищи, чего же молчать то? Или дожидаться, когда с голоду помирать будем? Работай целый день, спины не разгибая, рук не покладая, и за этакой то каторжный труд господин Кениг нам жалкие гроши бросает, да еще говорит: «ты будь благодарен, я тебя кормлю». Наши то тысячи к нему в толстый карман сыпятся, а ему все мало: как бы еще поприжать рабочего, думает последнюю копейку из него выжать. Разве мы люди для него? Вымотает всю душу, последнюю кровь выпьет, изломает, исковеркает рабочего, а потом и на улицу выбросит: лентяй дескать, к работе не способен. Обсчитывает, обворовывает,

[1] *В подлиннике прописью.*

обвешивает нас на каждом шагу. Хозяин он расчетливый — нечего сказать: утром, в обед и вечером он урывает у рабочего по 5 минут. За свои гроши закабалил он рабочего. Даже когда машина стоит, и тут не смей итти домой, стой без работы, — потому время твое куплено. По какому же праву, спросим мы Кенига, заставляет он рабочего отрабатывать это время по часу, или по получасу в день? Ведь один раз рабочий отстоял свое время; зачем ему еще раз его отрабатывать?

На стене фабрики висит табель расценок, утвержденная фабричным инспектором. Посмотрим, сколько там обозначено и сколько нам платят на деле. За № 8-й назначена по табели плата 12 коп. с пуда, а расчитывают по 11 коп.; значит, хозяин уворовывает у каждого рабочего с пуда по 1 коп. А сколько это составит со всех?

Но этого мало. Идет рабочий свешивать съем; думает, что свесил правильно, а на деле то с каждого съема хозяину в карман идет 5—6 фунтов пряжи. На таре написано, что в ней 30 фунтов, а на деле на 5—6 фунтов меньше; да и весы то неверны. И хозяин и мастера про то знают, да молчат — свои интересы соблюдают. А подойдет время к расчету, глядишь, писарь с каждой машины с месячной выработки пудов 20—30 пряжи скостил «для круглого счета».

Вот как, товарищи, бессовестно мошенничают, вот как дерут с нашего брата. Нынче Кениг новую экономию выдумал: вводит патроны на шпинделя. Ему то больно выгодно, да рабочему то солоно приходится. Прежде на каждый съем шло 5 минут, а теперь с патронами и все 15 минут. Так то за день мы теряем задаром 2 часа. И за этот невольный прогул уплывает у нас часть заработка. А рабочий виноват, что ли? Коли хозяину патроны выгодны, так пускай расценок повысит, чтобы прежняя плата вышла. А он еще понижает: взял, да сбавил с № 9-го с 12 коп. на 11 с половиной. За что же рабочим то страдать? Сегодня ввел патроны на одну пару машин, а завтра на другую. Каждый рабочий думает: мое дело сторона, а завтра и его черед придет.

Так то хозяин помаленьку до всех и доберется.

Помните, товарищи, что наши интересы одинаковы: все мы должны стоять друг за друга; тогда только мы добьемся, чего нам надо. Заявим хозяину, да не в одиночку, а все вместе, разом, чтобы 1) расценка была повышена, 2) чтобы заведены были новые верные

тары и весы, 3) чтобы пряжа принималась и взвешивалась при рабочих, и чтобы вес записывался в особую книгу.

Коли добром не согласится хозяин, бросим работу.

Ведь вот в 1893 году отстояли же мы все 5 праздников, которые хозяин хотел украсть у нас. А почему? Потому что мы действовали дружно. Итак, сплотимся, товарищи.

Стачка сделает хозяина уступчивее.

Союз борьбы за освобождение
рабочего класса.

По подлиннику: мим., 2 стр. на развернутом листе, 28×18 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. II. 12.

Основание датировки: сообщение о распространении листовки 12 февраля в Секретном журнале входящих и исходящих бумаг пристава 3 уч. Нарвской части, № 46 от 22 февраля (Ленинградское областное архивное бюро).

Автор: вероятно, С. А. Гофман (по указанию М. А. Сильвина).

Напечатано: «Летучие листки» Фонда Вольной Русской Прессы, № 34, стр. 5—6.

14. Не позже 16 февраля 1896 г.

К РАБОЧИМ НОВОГО АДМИРАЛТЕЙСТВА.

Всем вам известно объявление командира порта об изменении сроков расплаты. Прежде нам выдавали плату 2 раза в месяц. Теперь будут выдавать только 1 раз. За каждый проработанный месяц мы будем получать плату только в половине следующего месяца. Нам и без того невыгодно оставлять за конторой двухнедельный заработок; а новое распоряжение принуждает нас кредитовать начальство на полтора месяца, заставляет нас самих залезать в долги, кредитоваться у лавочников, идти в кабалу к ростовщикам и т. д. Мало того, долгие сроки расплаты усиливают нашу зависимость от портового начальства: они свяжут нас по рукам и ногам. Рабочему трудно будет уйти, когда он захочет: за конторой много будет оставаться денег. Начальство хочет такой мерой сделать из нас покорных, безответных скотов. Начальство не думает о рабочих; оно заботится только о том, чтобы получить побольше прибыли.

Товарищи, новое распоряжение начальства — насмешка над рабочими. Эта новая прижимка — прямое нарушение закона. В законе говорится, что при найме рабочих на срок неопределенный выдача заработанной платы должна производиться не реже двух раз в месяц[1]. Ст. 97 Устава о промышленности.

Но закон сам по себе, а порядки в порту сами по себе.

Когда начальство нарушает закон, это ничего, а когда рабочие пробуют защищать свое право, говорят: «скандал, бунт». Но к чему начальству порта соблюдать законы, полезные рабочим, когда рабочие еще не научились требовать их исполнения. И покуда мы не научимся стойко защищать свои права, покуда не будем сплачиваться вместе и действовать дружно, все за одного и один за всех, до тех пор законы всегда будут оставаться пустой бумажкой.

Если мы будем потакать сквалыжничеству начальства, его прижимкам не будет предела. Мы должны дать новому притеснению дружный отпор; станем требовать соблюдения закона; станем требовать, чтобы сроки расплаты остались прежние, двухнедельные[1]. Каждый из нас порознь — бессилен, а все вместе мы непобедимая сила. [И]так, товарищи, действуем дружно и не поддадимся новому надругательству.

Союз борьбы за освобождение
рабочего класса.

По подлиннику; мим., 1 стр., 25×19 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. II. 16.

Основание датировки: письмо министра внутренних дел Горемыкина морскому министру Чихачеву об обнаружении этой листовки 16 февраля (Ленинградский центральный исторический архив, дело Главного военно-морского судного управления, 1896 г., № 8, л. 7)

Напечатано: «Каторга и ссылка», 1931, № 6, стр. 66—67.

15. 1 марта 1896 г.

К рабочим Нового Адмиралтейства.

Товарищи[1], неужели мы так и позволим начальству делать с нами, что оно только хочет, позволим ему стричь

[1] *В подлиннике прописью.*

нас, как глупых овец. Вспомним, товарищи, разве мало прижимок терпели мы от Верховского? Разве при нем не понизились расценки против прежнего? Разве до него мы знали, что такое прогар? Если мы теперь ничего не заявим, этот скряга будет прижимать нас, чем дальше, тем больше. Защищать нас никто не будет; нравится нам или нет новые правила — о том нас не спрашивают, никому нет дела до того, что нам живется все хуже да хуже; мы можем рассчитывать только на самих себя.

Как же нам быть?

Командир лицемерно заявил нам, что для кого новые правила неудобны, тот может взять расчет. Как будто этому Иуде неизвестно, что рабочему взять расчет не так просто, как переменить службу какому-нибудь богатенькому подлипале? Ясно, что пока мы будем иметь дело с начальством по одиночке, нами всегда будут вертеть и прогонят нас, когда им угодно. А если мы дружно, все вместе, заявим о расчете, начальство должно будет уступить [1]. Им без нас не обойтись. Ведь от нашего каторжного труда они и прибыль то получают. Заяви один или два, их расчитают, а заявим все вместе, так посмотрим, что будет. Только трусы могут ждать, кто начнет. Начинать надо всем вместе [2], — ведь весь завод недоволен. При этом надо вести себя спокойно, с достоинством, ничего не разрушать и никого не оскорблять действием.

Только действуя сообща, сможем мы отстоять свои интересы.

Смелей, товарищи! Не поддавайтесь!

Стачка заставит начальство пойти на уступки! [3]

Союз борьбы за освобождение
рабочего класса.

СПБ. 1-го марта 1896 г.

По подлиннику; мим., 1 стр., 23½×18½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. III. 1.
Автор: М. А. Сильвин (по его указанию).

[1] *В подлиннике прописью.*
[2] Начинать... вместе *в подлиннике прописью.*
[3] Не поддавайтесь... на уступки *в подлиннике прописью; восклицательных знаков нет.*

16. 3 марта 1896 г.

АДРЕСС ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ ФРАНЦУЗСКИМ РАБОЧИМ.

Заунывная песнь русского крестьянина давно долетала до слуха европейских народов. А буржуазная Франция, братавшаяся с царским правительством, оповестила весь мир о победном шествии русской буржуазии. Пусть же в приснопамятный день 18-го марта, в 25-ти летнюю годовщину дня, дорогого для социалистов всех стран, далекий голос России, задыхающейся под ярмом деспотизма, России пролетарской, донесется до пролетариата Франции. Пусть знает французский рабочий, что за затворами царской тюрьмы бьется в тисках свободолюбивая мысль русского пролетария.

Русский пролетариат начинает свое движение при исключительно тяжелых условиях. Над ним тяготеет капитал, к услугам которого все средства полицейского государства, его давит абсолютизм, вооруженный всеми усовершенствованиями конца XIX в., абсолютизм, братски протягивающий руку русской буржуазии. Русскому пролетариату приходится мерить свои успехи числом братьев, павших в бою. Истекший год безпримерен в летописях русской истории по количеству стачек и других проявлений классовой борьбы, безпримерен он также и по числу жертв, понесенных русской социал-демократией.

Оглянувшись взад, мы смело можем заявить нашим товарищам [во] Франции, что русскому рабочему движению положено прочное основание, и никакая сила в мире не в состоянии задержать его поступательного хода. Не даром русский царь торопится опубликовать свою «величайшую благодарность» войскам за избиение безоружных рабочих во время ярославской стачки 1895 года. Не даром русский министр финансов издает циркуляры, свидетельствующие о той тревоге, которую подняли в русском правительстве «козни злоумышленников, подстрекающих рабочих».

Царизм чует, что его враг растет не по дням, а по часам, что этот враг его — не бессильный либерализм русских образованных классов, а подымающаяся волна социал-демократического движения. Русский рабочий люд, стоящий под знаменем научного социализма, спокойно смотрит в будущее, уверенный в своей конечной победе. Он с полным правом может говорить любимую фразу одного из предтеч русского социал-демократического движения: «будь, что

будет, а на нашей улице будет праздник». А первым праздником русского рабочего класса будет падение[1] абсолютизма.

И тогда исполнятся слова одного из мучеников русского движения, сказанные им еще в 1877 году. Он говорил, что настанет, наконец, день и «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах».

Русские рабочие шлют горячий привет своим французским собратьям. Пусть в годовщину того дня, когда пробита французским пролетариатом первая брешь в твердыне буржуазного мира, положено будет основание более деятельным сношениям пролетариата всех стран. Пусть они вспомнят завет своего великого учителя: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»[2]

Да здравствует французский пролетариат, да здравствует французская революция!

Союз борьбы за освобождение
рабочего класса.

С.-Петербург, 3 (15) марта 1896 года.

По подлиннику; мим., 2 стр., 32 × 18 см. Архив революции и внешней политики, отдел печати, № 11457.

Автор: А. Н. Потресов (по указанию М. А. Сильвина).

Напечатано: «Работник», 1896 г., № 1—2, стр. 103—105; «Социал-демократический календарь на 1902 г.». Женева, 1902, стр. 204—205.

17. 5 апреля 1896 г.

ОРУЖЕЙНИКАМ СЕСТРОРЕЦКОГО ЗАВОДА ОТ СОЮЗА РАБОЧИХ В ПЕТЕРБУРГЕ

Товарищи![3] Хотя на вашем заводе идет спешная работа, однако, как слышно, зарабатываете вы мало. Причина, конечно, та, что расценки слишком низки и неправильны. Есть такие разработки, на которых, как ни старайся, а больше 7 р. не получишь. Особенно скверно в ножевой и приборной мастерской, на минных станках.

В других мастерских сделаны большие сбавки: в инстру

---

[1] *В подлиннике:* нападение.

[2] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

[3] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

ментальной, напр., за что недавно платили 5 р. 60 к., теперь дают 2 р. 20 к. (№ 6 коробки); за полировку зуба вместо 10 к. платят 3, за резы вместо 10 к. — 6,[1] вместо 4 к. — 3, за райбы вместо 7 к. — 5 и т. д. Жалуются на сбавки также в магазинной и ствольной мастерских.

Начальство ваше зазналось и не желает даже слушать справедливые жалобы рабочих. Особенным нахальством отличается помощник начальника, а негодяй Халтулари получил к пасхе награду (около 500 руб.) за то, что сделал новые сбавки и завел при заводе целый штаб дармоедов. Начальство не входит в нужды рабочих; оно старается только о том, как-бы самому получить побольше. Когда-же увидит, что рабочий хорошо заработал, сейчас сбавка. Всяк, мол, сверчок, знай свой шесток.

Много еще безобразий творится на вашем заводе: целую зиму половина рабочих остается без обеда из-за того, что в полдень машины останавливаются только на полчаса. Ради экономии начальство заставляет вас вместо обеда довольствоваться закуской. У нас в Петербурге такого порядка нет ни на одном заводе и ни на одной фабрике. Видно, что начальство обращается с вами, как с рабочим скотом и думает, что Сестрорецк — это такая деревня, где из рабочих можно хоть веревки вить.

Товарищи! Скоро-ли будет конец вашему долготерпению? Повсюду и на других казенных заводах начальство понижает плату, стараясь отнять у рабочих последние гроши, но далеко уж не везде рабочие теперь покорны и часто подымаются на защиту своих прав.

Пора-же и вам, товарищи, взяться за ум и оказать сопротивление. Каждый из вас в одиночку ничего поделать не может, но если вы будете действовать сообща и дружно, то выйдет совсем другое. Примеры тому были недавно у нас в Петербурге. Так, на фабрике Торнтона рабочие, выведенные из терпения хозяйскими прижимками, забастовали и дружными усилиями отстояли свою заработную плату, которую им хотели понизить. На фабрике механического производства обуви рабочие одной мастерской, в числе 40 чел., устроили стачку из-за незаконных браковок товара и тоже добились своего. Наконец, вы, может быть, слышали о беспорядках на табачной фабрике «Лаферм», где 1500 папиросниц бросили работу из-за безсовестного понижения платы; несмотря на все преследования полиции, смелые

---

[1] *Повидимому, здесь пропуск.*

работницы добились таки восстановления прежней платы и отмены незаконных штрафов и браковок. Во всех этих случаях рабочие имели успех только потому, что понимали свои интересы и стойко защищали их. Заграницей же (в Англии, во Франции) не проходит почти дня без стачек. Там рабочие давно сознали свою силу и устроили даже особые союзы для борьбы с хозяевами. За то и плату получают они гораздо большую, чем мы.

Оружейники! Смело подымайтесь за свои права!

Во 1) не соглашайтесь на новые сбавки в расценках[1]; и без того они слишком низки, если же будете уступать, то настанет время, когда вам придется работать даром. Необходимо дать отпор, и вы увидите, что начальство волей неволей умерит свою жадность.

Во 2) потребуйте, чтобы начальство дало вам время на обед.

Если оно не согласится на ваши требования, то бросайте работу: только стачка может посбавить спеси у ваших притеснителей и сделать их сговорчивее. До свидания, товарищи! Помните, что ваша сила в вас самих, и действуйте дружно. Присоединяйтесь к нашему союзу и будем сообща выбиваться из горькой нужды.

5 апреля 1896 года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 27×18½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. IV. 5.

Автор: Б. И. Горев (см. Из партийного прошлого. Ленинград, 1924, стр. 79).

Напечатано: Б. Горев, Из партийного прошлого. Ленинград, 1924, стр. 84—86; Б. Струмилло, Старая гвардия. Ленинград, 1926, стр. 278—279.

18. Не позже 12 апреля 1896 г.

К РАБОЧИМ НОВОГО АДМИРАЛТЕЙСТВА.

Товарищи, у нас, что ни день, то новая прижимка, новое притеснение со стороны начальства. Верховскому мало выжимать из рабочих все соки, ему недостаточно обратить нас в своих крепостных; нет, он еще самым наглым образом издевается над нами.

---

[1] *Разрядке в подлиннике соответствует пропись.*

Разве не издевательство этот штраф, которым угрожают товарищам, ушедшим с работы в среду 28-го марта по разрешительным запискам мастеров. Они имели полное право уйти, так как обязаны спрашивать разрешение только у мастера и исполнили это. На каком-же основании Верховский штрафует их? Этот случай касается всех нас. Если мы оставим его теперь без внимания, если позволим начальству произвольно помыкать нами, как пешками, то всегда нам будет угрожать такая же несправедливость, такое же издевательство. Мало-ли что может еще придти в голову Верховскому, если он будет знать, что мы не умеем настоять на своем праве, заставить уважать наши справедливые требования.

А заводская потребительская лавка, разве это не самая грубая насмешка над нами? Лавка устроена якобы для того, чтобы давать припасы в кредит. А что же выходит на самом деле. Выдают, например, книжку рублей на 8—9 и, хотя-бы ты ничего еще не забрал на какой-нибудь целковый, при первой же получке вычитают все 8—9 рублей; потом, мол, доберешь. Кто-же тут кому кредит оказывает, лавка нам или мы лавке? Выходит, ведь, что еще у нас начальство в долг берет; мало ему, бедненькому, своих денег.

Таким способом хотят заставить нас брать товар непременно в заводской лавке, понравилась-ли она нам или нет, удобно ли нам ходить туда или нет. Начальство хочет постоянно забирать у нас деньги вперед, чтобы вернее наживать на нас в лавке, которая, ведь, продает все припасы не дешевле, чем во всяком другом магазине.

Товарищи, покажем, что нельзя безнаказанно издеваться над нами, что терпение наше имеет предел; покажем начальству, что мы не бессловесная скотина, которою можно помыкать, сколько угодно.

Потребуем: 1) Чтобы не ставили штраф за вполне законный уход с разрешения мастера.

2) Чтобы при получке вычиталось лишь столько, сколько за это время действительно было забрано в лавке.

Будем настаивать на исполнении наших требований. Будем действовать дружно, потому что в единении наша сила, и начальство должно будет уступить.

Союз борьбы за освобождение
рабочего класса.

По копии. Ленинградское отделение Центрального исторического архива, дело Главного военно-морского судного управления, 1896 г., № 8.

Основание датировки: указание на распространение листовок в ночь на 12 апреля («Каторга и ссылка», 1931, № 6, стр. 67).
Напечатано: «Каторга и ссылка», 1931, № 6, стр. 66—67.

19. 13 апреля 1896 г.

ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЧУГУННОГО ЗАВОДА.

В правилах сказано: выдача заработной платы должна производиться два раза в месяц, не позже 12-го числа и не позже 22-го. А у нас получка выходит все 14, 15, 16, и 24, 25, 27 числа, за вторую же половину марта она выйдет 19-го апреля и за вторую половину декабря — 18-го января, то есть почти через три недели после сдачи... Так противозаконно распорядился наш начальник Герц: вывешено за его подписью распределение сроков получки на этот год. Товарищи, долго-ли мы будем безропотно сносить всякие несправедливости. Долго-ли будем позволять урезывать на каждом шагу наши и без того малые права. Если мы можем получать свой заработок не позже как 12 и 22 числа каждого месяца, то будем требовать, чтобы это так и делалось [1].

Будем, товарищи, требовать еще и того, чтобы мастера не смели произвольно сбавлять со штучной платы, а для этого нужно потребовать, чтобы правильно велась расценочная книга. Теперь она ведется у нас так, что и доказать то мы не можем, какова на самом деле расценка: тебе, примерно, известно, что за какую-нибудь штуку полагается полтина; когда сдаешь ты свою работу, мастер вдруг расценивает тебе по 45 коп., ты говоришь, что, дескать, неверно, а он тебе сует расценочную книгу, в которой ты видишь, действительно, написано 45 коп., да только написано то карандашем, да карандашем же зачеркнута и прежняя цифра... Что тут тебе делать? Мастер доказал тебе на бумаге, ты должен молчать и лишаешься части своего заработка. Конечно, этого не было-бы, если бы правильно велась расценочная книга. Будем же требовать, чтобы никто не смел зачеркивать в ней раз написанное [1].

Кроме того, необходимо требовать, чтобы расценка устанавливалась заранее. Это необходимо в особенности вот по-

---

[1] *В подлиннике прописью.*

чему: теперь управители сбавляют не спеша — один месяц сбавят одному рабочему, другой — другому и постепенно доводят цену до того, что наш брат должен и обеденное время проработать, чтобы только заработать себе на жизнь. Наши управители отлично поняли, что если они сбавят сразу многим, то наживут себе большую беду, потому что тогда рабочие, пожалуй, и забунтуют, и вот стали они пощипывать понемногу то тех, то других из нас и бессовестно уменьшают наш заработок, понижая расценки; так, за одну и ту же штуку платили нам то 75 коп., то 65 и 55, а теперь даже 50 и 45 к., в строгальной — за золотник вместо 1 р. 75 коп. — всего 1 р. 10 к.

До чего же начальство этак доводит нас и наши семьи, товарищи? Неужели мы не сумеем постоять за себя, неужели нам остается только сказать: «Да, видно, ничего не поделаешь, оно сильнее нас, видно, приходится делать все, как оно хочет?»...

Нет, товарищи, и у нас есть сила, которою мы можем заставить наше начальство сделать то, что мы хотим, а мы хотим на первый раз немногого: мы хотим, чтобы оно исполняло то, что обязано исполнять и не своевольничало нам в ущерб и обиду. Сила же наша в том, если мы будем единодушно действовать[1] во всех мастерских.

Уже была на нашем заводе как то попытка устранить это своеволие. В одной мастерской кончили работать 12-го числа в 4 часа и пошли требовать жалованье.

Товарищи, поступим так же: забастуем сразу по всем мастерским и потребуем дружно получки и правильной расценки.

Будем действовать дружно и посмотрим тогда, долго ли еще будут над нами своевольничать[2].

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

13 апреля 1896-го года.

По подлиннику; мим., 2 стр., 27 × 19 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. IV. 13.

---

[1] *В подлиннике прописью.*
[2] *В подлиннике последний абзац прописью.*

20. Не позже 16 апреля 1896 г.

К РАБОЧИМ РЕЗВО-ОСТРОВСКОЙ МАНУФАКТУРЫ А. И. ВОРОНИНА.

Товарищи! Не так давно, в январе, мы заставили хозяина прибавить нам 4 коп. на кусок миткаля. Хозяин тогда струсил, увидав, что тут не двое-трое рабочих заявляют свое неудовольствие, а, чего доброго, и вся фабрика забастует, и повысил расценку на миткаль до 40 коп. Но вот рабочие, довольные своей победой, успокоились, и хозяин, которому каждая переданная рабочему копейка (а тем более вытребованная) не дает спать спокойно, устраивает нам в отместку новую штуку: миткальное производство он заменяет бумазейным. Что же это, товарищи? За кого же он нас считает? Уж не думает-ли он, что мы так ослепли от хлопковой пыли, что не в состоянии разглядеть его проделок? Ну, пока еще мы не так слепы, как он думает, и видим, что буксин-то мы почти тот-же самый работаем, что и раньше, только получаем-то мы за кусок не 70 коп. (как раньше), а только 54 коп., а стало быть 16 коп. с куска ни за что ни про что хозяину дарим. Не слишком ли жирный это подарок, товарищи? Но этого мало. Посмотрите, сколько из-за утка еще ему попадает в карман. Уток ведь, что у нас употребляется, из последних сортов брака берется, такой уток ни на одной Питерской фабрике, кроме нашей, не идет; самая что ни на есть гниль... Вот и изволь теперь эту гниль всю сработать; не сработал — штраф, сработал, да чуть-чуть не ладно, (а где из этакой гнили ладно-то сработать?) — опять 30—40 коп. штрафу. Это из 50-то коп.? А то так и совсем в счет не идет.

Что-же это, товарищи? Это значит — не мытьем, так катаньем; прямо с одного вола две шкуры: и штрафом дерет, да и расценком крадет. Так покажем-же ему, товарищи, как показали в январе, что мы не стадо баранов, не бессловесная скотина, которую, как ни бей — все молчит, а люди, которые не позволят над собой издеваться. Заметьте еще, товарищи, что эти штрафы незаконны. 1) По закону (Уст. о пром., ст. 143) можно штрафовать только за «неисправную работу», а не за негодный материал. 2) В толковании к ст. 142 сказано: «удержание с рабочих, в случае совершенной порчи какого-либо изделия, всей причитающейся за выработку этого изделия платы — возбраняется». Заметьте, даже «в случае совершенной порчи»,

а не то что при маленьком браке. Выходит уж, товарищи, что это не просто издевательство, а прямое нарушение закона. По закону мы можем жаловаться на хозяина фабричному инспектору, но, как показал нам недавний случай, от него ждать нечего. Ведь все, небось, помните, как недавно ходили 8 наших товарищей жаловаться инспектору на самовольное удержание при расплате денег за харчи в лавочке Бумагина. Инспектор им ответил, что это дело не его, а хозяина с лавочником. Он не имел права так ответить, потому что лавка это не фабричная, а вольная. По ст. же 100 Уст. о пром. делать вычет при расплате можно только за снабжение предметами потребления из фабричных лавок, а не из вольных, в пользу которых «не может быть делаемо вычетов на уплату долгов по забору» (Уст. о пром., ст. 141, прим.). Следовательно, это опять дело незаконное, которое фабричный инспектор должен бы преследовать, но мы видим, чью руку тянет инспектор, сумеем же сами за себя постоять. Итак, товарищи, если мы не хотим, чтобы хозяин издевался над нами, чтобы он из нас веревки вил, воровал у нас заработанные каторжным трудом копейки, так потребуем от него дружно все разом[1], чтобы он:

1) Повысил расценок на 2-ой сорт буксину до прежних размеров[2] — 70 к.

2) Переменил уток.

3) Сократил штрафы.

4) Не делал вычетов в пользу Бумагина при расчете.

А не исполнит наши требования, так и работать бросим. Не забывайте только, товарищи, что надо действовать не по одиночке, а всем зараз[3]. Только тогда мы и можем чего-нибудь добиться, как это было в январе. По одиночке же мы ничего не добьемся, как ничего не добились недавно наши 8 товарищей.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр. на развернутом листе, 27½ × 19 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. IV. 19 (А). — Другое издание: мим., 2 стр. на развернутом листе. Архив революции и внешней политики, отдел печати, № 10048 (Б).

Основание датировки: отношение градоначальника об ее распространении 16 апреля (Дело департамента полиции, 5 дел., 1896 г., № 580, т. I, л. 114).

Автор: вероятно, Л. Г. Попов (по указанию М. А. Сильвина).

---

[1] *А и Б: прописью.*

[2] *Б:* размеров *отсутствует.*

[3] *А и Б: прописью.*

21. 19 апреля 1896 г.

«РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК 1-ого МАЯ»

(по нашему 19-го апреля).

Товарищи, посмотрим внимательно на наше положение, оглянемся на ту обстановку, где мы проводим свою жизнь. Что мы увидим? Мы работаем много, мы создаем несметные богатства, золото и ткани, парчу и бархат, добываем из недр земли железо и уголь, строим машины, сооружаем корабли и дворцы, проводим железные дороги. Все богатство мира создано нашими руками, добыто нашим потом и кровью. Какую же мзду получаем мы за наш каторжный труд? По справедливости мы должны бы жить в хороших квартирах, носить хорошее платье и уж во всяком случае не нуждаться в хлебе насущном. Но всем нам хорошо известно, что нашей заработной платы хватает едва на то, чтобы [1] существовать. Наши хозяева понижают расценки, заставляют работать сверхсрочное время, несправедливо штрафуют, словом, притесняют нас всячески, а в случае неудовольствия с нашей стороны расчитывают без рассуждения.

Мы много раз убеждались, что все, к кому мы обращались за защитою, оказываются прислужниками и друзьями хозяев. Нас, рабочих, держат во тьме, нам не дают знания, чтобы мы не научились бороться за улучшение своего положения. Нас держат в неволе, прогоняют с работы, высылают и арестуют всякого, кто дает отпор притеснениям, нам запрещают бороться. Тьма и неволя — вот те средства, которыми держат нас в угнетении капиталисты и все делающее в угоду им правительство. Какое же есть у нас средство, чтоб улучшить свое положение, повысить заработную плату, сократить рабочий день, защищаться от оскорблений, читать умные [2] книги? Против нас все — и хозяева (потому что им жить тем лучше, чем нам хуже), и все их прислужники, все те, кто живет подачками капиталистов и в угоду им держит нас в невежестве и неволе. Нам не откуда ждать помощи, мы можем надеяться только на самих себя. Наша сила в единении, наше средство — дружное, единодушное и упорное сопротивление хозяевам.

---

[1] *Б: далее* — едва.
[2] *Б: далее* — и полезные,

Они-то давно уже поняли, в чем наша сила, и всячески стараются разъединить нас, не дать нам понять, что у нас, рабочих, одни общие интересы. Они понижают расценки, но не всем сразу, а по одиночке; заводят старших; вводят поштучную плату, а сами, посмеиваясь в бороду, видя, как наш брат надрывается над работою, исподволь понижают наши расценки. Ну, да не все коту масляница. Всякому терпению бывает конец. В минувшем году русские рабочие показали своим хозяевам, что покорность рабов сменяется в них стойким мужеством людей, не поддающихся наглости жадных до дарового труда капиталистов. В разных городах возникло множество стачек: в Ярославле, Тейкове, Иваново-Вознесенске, Белостоке, Вильне, Минске, Киеве, Москве и др. городах. Большинство стачек кончилось удачно для рабочих; но и неудачные стачки неудачны только повидимому. На самом деле они страшно пугают хозяев, приносят им большие убытки и заставляют из страха перед новою стачкой идти на уступки. Фабричные инспектора тоже начинают суетиться и замечать бревна в глазу фабрикантов. Они бывают слепы до тех пор, пока рабочие стачкой не откроют им глаз. Где же в самом деле заметить фабричным инспекторам безобразия на фабриках таких влиятельных особ, как господин Торнтон или акционеры Путиловского завода? Наделали мы хлопот хозяевам и у нас в Петербурге. Стачка ткачей у Торнтона, папиросниц у Лаферма, у Лебедева, на фабрике механ[ического] производства обуви, волнения рабочих у Кенига, Воронина и [1] в Порту [2] показали, что мы перестали быть безответными страстотерпцами и принялись за борьбу. Как известно, рабочие со многих фабрик и заводов образовали у нас Союз борьбы за освобождение рабочего класса [3], с целью разоблачать все злоупотребления, искоренять безобразия, бороться с наглыми притеснениями и прижимками наших бессовестных эксплуататоров хозяев и добиться полного освобождения от их власти. Союз распространяет листки, при виде которых трепещут сердца хозяев и их верных прислужников властей. Не листки им страшны, а возможность нашего дружного сопротивления, проявления [4] нашей могучей силы, которую мы им не раз показали.

---

[1] *Б*: и *нет*.
[2] *Б*: *далее* — и наконец недавние волнения в Сестрорецке.
[3] *А и Б*: *прописью*.
[4] *Б*: появления.

Мы, петербургские рабочие, члены «Союза»[1], приглашаем остальных наших товарищей присоединиться к нашему «Союзу»[1] и способствовать великому делу объединения рабочих для борьбы за свои интересы. Пора и нам, русским рабочим, разорвать цепи, которыми опутали нас капиталисты и правительство, чтобы держать в угнетении, пора и нам присоединиться к борьбе наших братьев, рабочих других государств, стать с ними под общее знамя, на котором написано: Рабочие всех стран, соединяйтесь![1]

Во Франции, Англии, Германии и др. странах, где рабочие уже объединились в сильные союзы и завоевали себе много прав, они устраивают 19-го апреля (по заграничному 1-ое мая) всеобщий праздник труда.

Бросив душные фабрики, они, с музыкой и знаменами, стройными толпами проходят по главным улицам города, показывая хозяевам все возрастающую свою силу, они собираются на многочисленные и многолюдные собрания, где говорят речи, пересчитывая победы над хозяевами в минувшем году, и намечают[2] планы борьбы в будущем. Под страхом стачки ни один фабрикант не штрафует рабочих за неявку в этот день на работу. В этот день рабочие также напоминают хозяевам свое главное требование: ограничение рабочего дня 8-ю часами — 8 часов работы, 8 часов сна и 8 часов отдыха, вот о чем заявляют теперь рабочие других государств. Было время, и не так давно, когда они, так же, как мы теперь, не имели права заявлять о своих нуждах, они так же были подавлены нуждой и разъединены, как и мы теперь. Но они упорной борьбой и тяжелыми жертвами завоевали себе право обсуждать сообща свое рабочее дело. Пожелаем же нашим братьям в других странах, чтобы борьба скорее привела их к желанной победе, к тому времени, когда не будет ни господ, ни рабов, ни рабочих, ни капиталистов, а все будут одинаково работать и одинаково разумно наслаждаться жизнью.

Товарищи, если мы будем дружно и единодушно соединяться, недалеко то время, когда и мы, сомкнув в стройные ряды свои силы, сможем открыто присоединиться к этой общей борьбе всех рабочих всех стран[3], без различия

---

[1] *А и Б прописью.*

[2] *Б:* намечая.

[3] *Б: вместо* если... стран *имеет:* если мы будем действовать дружно и единодушно, то недалеко то время, когда и мы, сомкнувшись в стройные ряды, будем в состоянии открыто присоединиться к этой общей борьбе всех рабочих всех стран.

веры и племени, против капиталистов всего мира. И поднимется наша мускулистая рука, и падут позорные цепи неволи, поднимется на Руси рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и правительства, которое всегда им усердно служит и помогает [1].

19-го апреля 1896-го года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 4 стр., 27 × 18 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. IV. 19₁ — Другое издание: мим., 4 стр., 27 × 18 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. IV. 19₂ (Б).

Напечатано: по А — Ленин, Собрание сочинений, т. I, стр. 295—295 (изд. 2 и 3, т. I, стр. 452—454); фотомеханически воспроизведено: Б. Струмило, Старая гвардия. Ленинград, 1926, стр. 260—265; по Б — Петербуржец, Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов, Лондон, 1902, стр. 95—97 (также в последующих изданиях); неоднократно в других изданиях.

22. *Около 19 апреля 1896 г.*

ОТЧЕТ СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

с 1 дек[абря] 1895 г. по 1 апр[еля] 1896 г.

Приход:		Расход:	
Пожертв[овано].	298 р. — к.	Литерат[ура] и пр[очее] .	684 р. 40 к.
	2 » — »	Вспомощ[ествования] . .	317 » 80 »
	300 р. — к.	Организ[ационные] расх[оды]: квартира и пр. . . .	134 » — »
Собрано:	38 р. — к.	Венок на могилу коммунаров в Париже	100 » — »
	33 » — »	Стачечникам .	450 » — »
	55 » — »		
	15 » — »	Итого: .	1686 р. 20 к.
	61 » — »		
	42 » — »		
	4 » — »		
	1 » 10 »		
	27 » — »		
	4 » 50 »		
	4 » — »		
	284 р. 60 к.		

[1] *Б: вместо* правительства... помогает *имеет:* всех прочих врагов рабочего класса.

НН	49 р. — к.
Х	19 » 90 »
П	539 » — »
НН на литературу	50 » — »
С. У.	136 » — »
Б	20 » — »
За литер[атуру]	47 » 50 »
Ц. С.	52 » 25 »
Л.	35 » — »
Р.	20 » — »
Л. Ш.	25 » — »
С. Н. У.	400 » — »
С.	20 » — »
М. Н.	33 » — »
Р.	50 р. — »
Р. С. З.	42 » — »
Л. П.	50 » — »
В. И. М.	125 » — »
Д.	11 » 50 »
Б. Г.	45 » — »
П.	75 » — »
І.	5 » — »
К. К.	10 » — »
Н.	115 » — »
В. Д.	10 » — »
Х.	12 » — »
З.	9 » — »
М.	15 » — »
В.	6 » — »
С. Д.	25 » — »
С. Ф.	36 » — »
Р.	25 » — »
Частное лицо .	5 » — »
С. М.	6 » — »
С. С. В.	6 » — »
С. Т.	12 » — »
—	5 » — »
Р. О. К. . . .	26 » — »
	2173 р. 15 к.

Стачечный фонд	497 р. — к.
Итого: .	3254 р. 75 к.

. . . . .	3254 р. 75 к.
. . . . .	1686 » 20 »
	1568 р. 55 к.
Из них в фонд стачек . . .	600 р. — к.
Оставалось . .	47 » — »
Итого: .	647 р. — к.
В распор[яжении] Союза .	921 р. 55 к.

2173 –
1686
487 +
497
984

По подлиннику: мим., 2 стр. на развернутом листе, $27^1/_2 \times 18^1/_2$ см. Библиотека ИМЭ.I. 45. 1896. IV. 19.

Основание датировки: указание М. А. Сильвина на одновременность обсуждения отчета и первомайской листовки.

23. 27 апреля 1896 г.

К РАБОЧИМ НОВОГО АДМИРАЛТЕЙСТВА.

Товарищи[1], снова нас заставляют ждать заработанных тяжелым трудом денег. В конторе лежит уже наш заработок за месяц и 11 дней. Когда к Верховскому обращаются с требованием произвести расплату в срок, он отвечает, что это от него не зависит. Штрафовать за уход с работы по разрешению мастера, заставить нас работать в воскресные дни, назначать расценки в условиях с полным произволом и прогонять, не дожидаясь положенного законом 2-недельного срока, всех, не соглашающихся работать за невозможно низкую плату, не принимать никаких мер для предохранения от несчастных случаев, повторяющихся у нас чуть не ежедневно — это все от него зависит, это все его дело; исполнение же наших справедливых требований от него не зависит, он тут не при чем, его хата с краю. Покажем же старой лисе, что мы прекрасно знаем, что от него зависят все эти безобразия.

Прежде за день спуска платили всегда полностью. Теперь нам не хотят платить и за $^1/_2$ дня, которые мы прогуливаем не по своей воле и за которые, следовательно, по закону нам должно быть заплачено.

Платили прежде и за все царские дни. Теперь и за них не платят. Теперь в мае вместе с коронационными будет 12—13 праздничных дней. Неужели-же нам придется прожить целый месяц на полумесячный заработок? Будем требовать, чтобы нам платили не за 14-ое только мая, как говорил Верховский, а за все коронационные дни.

Товарищи[1], в четверг 25-го мы начали действовать смело и дружно и мы видели, что Верховский сейчас-же обещал произвести расплату во время. Он обманул нас; тем хуже для него.

Потребуем, теперь, чтобы[1]

1) Расплата производилась в срок.

2) Чтобы платили за спуск и все царские дни.

---

[1] *В подлиннике прописью.*

3) Чтобы условия о расценках писались по соглашению с нами; чтобы мы могли свободно отказаться от невыгодной работы; чтобы нам была обеспечена хоть наша цеховая плата.

4) Чтобы были приняты предохранительные меры от несчастных случаев.

Товарищи [1], начальство торопится окончить постройку, ему нужны суда. Теперь самое благоприятное время, чтобы стачкою заставить исполнить наши требования. Если их не исполнят, забастуем и не встанем на работу, пока начальство не уступит.

Смелей, товарищи, победа за нами.

27-го апреля 1896-го года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр. на развернутом листе, 27 1/2 × 18 1/2 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. IV. 27.
Автор: М. А. Сильвин (по его указанию).

24. 30 апреля 1896 г.

К РАБОЧИМ НОВОГО АДМИРАЛТЕЙСТВА.

Товарищи, снова заставляют нас ждать заработанных тяжелым трудом денег. В конторе лежит наш заработок за полтора месяца. Когда к Верховскому обращаются с требованием произвести расплату в срок, он отвечает, что это от него не зависит. Штрафовать за уход с разрешения мастеров; писать условия по своему произволу и прогонять, не дожидаясь положенного законом двухнедельного срока, всякого, не соглашающегося на эти условия; пытаться заставить нас работать по воскресеньям целый день; не обращать никакого внимания на несчастные случаи, повторяющиеся у нас чуть не ежедневно — это все от него зависит, это его дело. Исполнение же наших справедливых требований от него не зависит, тут его хата с краю. Покажем же старой лисе, что мы хорошо знаем, от кого зависят все эти безобразия.

[1] *В подлиннике прописью.*

Прежде у нас в день спуска платили за целый день, и теперь так делается на всех других заводах, хоть на Балтийском. Мы прогуливаем тут пол дня не по своей воле, и потому по закону нам должно быть заплачено. Если мы не придем на работу после обеда в день спуска, нас штрафуют; когда же начальство заставляет нас гулять до обеда, оно не только штрафа не платит, но и заработка нас лишает.

Платили прежде и за все царские дни; теперь же платят не за все. В мае вместе с коронационными будет 12—13 дней праздников. Неужели же нам придется жить целый месяц чуть не на полумесячный заработок? Потребуем, чтобы нам платили не за 14-ое только число, как говорил Верховский, а за все коронационные дни.

Товарищи [1], в четверг 25-го мы все дружно потребовали у Верховского, чтобы получка была выдана в срок; он сейчас же должен был обещать исполнить наше требование; он нас обманул, тем хуже для него.

Будем попрежнему действовать дружно и потребуем [1]:

1) Чтобы расплата производилась всегда в срок.

2) Чтобы платили за спуск и все царские и коронационные дни.

3) Чтобы условия о расценках писались по соглашению с нами; чтобы мы могли свободно отказываться от невыгодных условий, не опасаясь быть выгнанными с завода; чтобы при увольнении начальство предупреждало за 2 недели, как это требуется по закону.

4) Чтобы были приняты предохранительные меры от несчастных случаев.

Товарищи, начальство торопится окончить постройку, ему нужны суда. Теперь самое благоприятное время, чтобы стачкою заставить исполнить наши справедливые требования.

Смелей, товарищи, и победа за нами.

30-го апреля 1896-го года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 1 стр., 25×19 см. Государственная публичная библиотека в Ленинграде, № 130.

---

[1] *В подлиннике прописью.*

25. Апрель 1896 г.

К РАБОЧИМ КАЛИНКИНСКОЙ БУМАГОПРЯДИЛЬНОЙ МАНУФАКТУРЫ.

Товарищи, на нашей фабрике на одной и той же работе одни зарабатывают в месяц до 40 р., другие — не больше 24 р., то есть почти вдвое меньше. Отчего же такая разница? Разве те, кто зарабатывает 24 р., хуже остальных работают? Нет, товарищи, причина не в этом, она вот в чем: много у нас таких машин, которые от старости ни к чорту не годятся, а хозяин держит их, не заменяет новыми, боясь расхода. Ему, ведь, важно только то, чтобы потуже был набит свой карман, а как живем мы, как изнываем от скудного заработка и непосильной работы, на это он плюет.

Он плюет на то, что мы принуждены прогуливать невольно, пока чиняться его негодные машины. Только починят машину, только станешь ты работать, — ан в скорости опять в ней порча — гуляй снова. Конечно, никому не заработать на такой машине столько, сколько зарабатывают на исправной. Итак, из-за негодности машин нашего скряги-хозяина одни из нас зарабатывают вдвое меньше других [1].

Но наш хозяин не только скряга, он — вор.

Ведь, во первых, не без его ведома обкрадывают нас на тарах: старые железные тары весят на 3—4 фунта меньше показанного, потому что у многих нет ручек и полозьев. Да и новые камышевые не лучше: их взвешивали сырыми, с тех пор они повысохли, пообтерлись и полегчали фунта на 2, на 3 каждая. Каждый день у нас крадут на тарах от 18 до 40 коп., а в месяц это выйдет не меньше пятой части заработка.

Во вторых, не без его ведома писаря списывают в день не меньше 12 коп. с пары машин. Ведь, мы не бываем при том, когда он пряжу взвешивает и записывает вес. Вот и ватерщицы жалуются, что у них точки списывают: когда не отмечали точек, они зарабатывали до 25 руб. в месяц, а теперь только 17—18 руб.

Нас грабят самым бессовестным образом. А теперь еще штрафы придумали за опоздание при отметке подручных в конторе.

Мюльщики должны ходить в контору в рабочее время; надо остановить машину. Опять простой, в котором мы не

---

[1] *В подлиннике разрядке соответствует пропись.*

виноваты. Тут уж с нас 2 шкуры дерут: и при простое теряем на выработке, и штраф должны платить в размере 1 руб. за опоздание на полчаса. Таких штрафов на других фабриках нигде не водится и закона такого нет.

Хозяева и всякое начальство готовы нас уморить, чтобы лишнюю копейку из нас выжать. Никакие просьбы и обращения к администрации не помогали нам. А почему? Потому что действовали в одиночку. Всякого, кто заявит о притеснении, увольняют. Теперь мы хорошо поняли, что только тогда улучшится наше положение, если мы будем все разом настаивать на исполнении наших законных требований.

Смелей же, товарищи, будем требовать единодушно:

1) Чтобы старые, негодные машины были заменены новыми и чтобы до замены их были повышены расценки работающим на старых машинах;

2) Чтобы неверные тары были заменены новыми с правильным весом;

3) Чтобы писаря не убавляли веса пряжи и не списывали точек;

4) Чтобы был уничтожен штраф за опоздание.

Петербург, апрель.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., $24^1/_2 \times 18^1/_2$ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. IV.
Автор: вероятно, М. А. Сильвин (по его указанию).

26. 30 мая 1896 г.

ЧЕГО ТРЕБУЮТ РАБОЧИЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ БУМАГОПРЯДИЛЕН?

1) Мы хотим, чтобы рабочий день у нас везде продолжался от 7 ч. утра до 7 ч. вечера, вместо теперешних от 6 ч. утра до 8 ч. вечера.

2) Чтобы обеденное время длилось $1^1/_2$ часа и таким образом весь рабочий день продолжался $10^1/_2$ час. вместо 13 ч.

3) Чтобы расценки везде были повышены на 1 коп. и, где можно, на 2 коп. против нынешних [1].

4) Чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 часа.

5) Чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали их в ход раньше времени.

6) Чтобы заработок за первую половину месяца выдавали правильно [2] и во время, а не оттягивали.

7) Чтобы было сполна заплачено за коронационные дни.

30 мая 1896 года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим. от руки, 1 стр., 10 × 15½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 18/6. V. 50₁. (А). — Другое издание: мим., 1 стр., 13 × 17½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. V. 50₂ (Б). — Третье издание: перепечатка его — Петербуржец, Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов, Лондон, 1902, стр. 28—29 (и в последующих: К. Тахтарев, Рабочее движение в Петербурге в 1895—1901 гг. Ленинград, 1924, стр. 62) (В).

Напечатано: «Листок работника», 1896 г., № 1, стр. 6 (впоследствии перепечатывалось неоднократно в статьях и работах, касающихся этой стачки).

27. 1 июня 1896 г.

К РАБОЧИМ ВСЕХ ПЕТЕРБУРГСКИХ БУМАГОПРЯДИЛЕН.

Долго терпели мы, рабочие петербургских бумагопрядилен, и наконец не выдержали. Не в терпеж нам больше работать до изнеможения сил, сносить хозяйские прижимки, видеть, как каждый день нас обсчитывают и обвешивают, как чуть не каждые полгода сбавляют расценок. А в последние дни еще пуще прежнего проявилась жадность хозяев: жалко нашим богачам стало даже тех грошей, что причитались нам за коронационные дни; не захотели и отдохнуть то дать хорошенько от работы; такая, мол, это скотина, что в отдыхе особенно не нуждается. Довольно, сказали мы

---

[1] *В*: 3) Чтобы расценки были повышены так, чтобы наши заработки не уменьшились бы; *в экземпляре издания Б, сохранившемся в деле министерства финансов, л. 18 (см. стр. 142, прим.), конец второго пункта зачеркнут и печатными буквами приписано от руки:* чтобы заработок не понизился.

[2] *Б:* выдавали правильно *разрядкою.*

Товарищи! Есть петербургских бумагопрядилен.

Долго терпѣли мы, собравшіе петербургскихъ бумагопрядилен, и наконецъ не выдержали. Не хотимъ мы больше работать до изнеможенія силъ, сносить хозяйскіе прижимки, видѣть, какъ каждый день насъ обсчитываютъ и обвѣшиваютъ, какъ чуть не каждый годъ обкалываютъ расчѣтомъ. А въ послѣдніе дни еще пуще прежняго проявилась жадность хозяевъ: жалко нашимъ богачамъ отдать двѣ тысячи рублей, что причитаются нашъ за мерзопакостные [illegible], но жалобѣли и отдохнуть то дать дорогенько отъ работы; такое, мол, это скотина, что въ отдыхѣ особенно не нуждается. Довольно, сказали мы тогда себѣ, довольно мы молча и безропотно служили нашимъ хозяевъ. Долго мы ждали отъ нихъ сознанія своего положенія, но ничего не дождались. И рѣшили мы тогда сами добиваться всего. Не хотимъ мы уступать, будемъ мы требовать.

А нужно намъ требовать прежде всего:

1) Чтобы рабочій день продолжался съ 7ч. утра до 7ч. веч. съ полуторачасовымъ перерывомъ на обѣдъ, т.е. всего 10 съ половиной часовъ; чтобы въ субботу вовсѣ работали въ 2 часа.

2) Чтобы расцѣнки были понижены такъ, чтобы заработки не уменьшились.

3) Чтобы были уничтожены всѣ несправедливыя и законныя прижимки и чтобы было выплочено за прошлыя дни.

Будемъ [illegible] выжидать, пока хозяева не согласятся на наши требованія. Не уступятъ они сразу всѣмъ, будемъ жать второе, сдадутся на второй, подождемъ третьяго; не согласятся и тогда, еще будемъ жать. Довольно отъ нихъ будетъ нашего каторжнаго труда и времени 10 съ половиной часовъ, достаточно они прибыли и безъ того отъ насъ имѣютъ.

Товарищи, будемъ помнить, что взоры рабочихъ всего міра обращены теперь на насъ; они съ восторгомъ привѣтствуютъ въ насъ борцовъ за рабочее дѣло. Петербургскіе рабочіе всячески стараются придти нашъ на помощь, устраивая по возможности сборы въ нашу пользу. Покажемъ имъ, что рабочій народъ дѣйствительно добивается исполненія своихъ требованій. Будемъ дѣйствовать дружно и спокойно, безъ крикуновъ и насилія, и побѣда навѣрное останется за нами.

Іюня 1896 года.

СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА.

К РАБОЧИМ ВСЕХ ПЕТЕРБУРГСКИХ БУМАГОПРЯДИЛЕН.

тогда себе, довольно мы молча и безропотно слушались наших хозяев. Долго мы ждали от них облегчения своего положения, но ничего не дождались. И решили мы тогда сами добиваться всего. Не хотят они [1] уступать, будем мы требовать. А нужно нам требовать прежде всего:

1) Чтобы рабочий день продолжался с 7 ч. утра до 7 ч. вечера с полуторачасовым перерывом на обед, т. е. всего 10 с половиною часов; чтобы в субботу везде шабашили в 2 часа.

2) Чтобы расценок был повышен так, чтобы заработки не уменьшились.

3) Чтобы были уничтожены все несправедливые [2] и незаконные прижимки и чтобы было заплачено за коронационные дни.

Будем спокойно выжидать, пока хозяева не согласятся на наши требования. Не уступят они через неделю, будем ждать вторую; не сдадутся на второй, подождем третью; не согласятся и тогда, еще будем ждать. Довольно с них будет нашего каторжного труда и в течение 10 с половиною часов, достаточно они прибыли и без того от нас имеют.

Товарищи, будем помнить, что взоры рабочих всего мира обращены теперь на нас; они с восторгом приветствуют в нас борцов за рабочее дело. Петербургские рабочие всячески стараются придти к нам на помощь, устраивая по мастерским сборы в нашу пользу. Покажем же мы, что рабочий народ умеет добиваться исполнения своих требований. Будем действовать дружно и спокойно, без буйства и насилия, и победа наверное останется за нами.

1-го июня 1896-го года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 1 стр., 30½ × 17 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VI. 1.

Напечатано: Петербуржец, Очерк петербургского рабочего движения девяностых годов. Лондон, 1902, стр. 29, и в последующих изданиях, вплоть до последнего: К. Тахтарев, Рабочее движение в Петербурге 1895—1901. Ленинград, 1924, стр. 62—65; Ш. М. Левин и И. Л. Татаров, История Р. К. П. (б.) в документах, т. I, Ленинград, 1926, стр. 61; Альбом по истории ВКП(б). М., Музей Революции СССР, 1928, стр. 20 (фотомеханическое воспроизведение); Н. Лебедев, Русский текстильщик в революционном движении. М., 1928, ч. II, стр. 187—189.

---

[1] *Разрядка в подлиннике соответствует пропись.*

[2] *В подлиннике исправлено из:* несправедливости.

28. 3 июня 1896 г.

КО ВСЕМ ПЕТЕРБУРГСКИМ РАБОЧИМ.

Вот уже целую неделю в Петербурге стачка. Наши товарищи, рабочие на бумагопрядильнях, не выдержали хозяйских притеснений и бросили работу. 27-го числа стала Екатерингофская (Волынкинская) мануфактура из за того, что рабочим не выплатили сполна за коронационные дни: через день к ним пристали рабочие Кенига, Митрофаньевской мануфактуры и др., а в настоящее время уже 17 фабрик не работают.

Чего же добиваются ткачи?

Быть-может, они требуют невозможного, чего-нибудь такого, что принесет смертельные убытки г. г. фабрикантам? Ничуть не бывало.

Послушаем только, чего требуют ткачи:

1) Чтобы рабочий день у нас везде продолжался от 7 ч. утра до 7 ч. вечера, вместо теперешних от 6 ч. утра до 8 ч. вечера.

2) Чтобы обеденное время длилось полтора часа и таким образом весь рабочий день продолжался 10 с половиною часов вместо 13 ч.

3) Чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 часа.

4) Чтобы расценки везде были повышены на столько, чтобы заработок не уменьшился.

5) Чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали их в ход раньше времени.

6) Чтобы заработок за первую половину месяца выдавали правильно и во время, а не оттягивали.

7) Чтобы было сполна заплачено за коронационные дни.

Рабочие всего Петербурга, скажите же, разве много требуют наши товарищи и разве не одно у нас с ними общее дело: когда ткачи требуют сокращения непомерно длинного рабочего дня, вспомним, как многие из нас также надрываются по 12—13 часов над работой; не забудем также и того, что и у нас из году в год везде понижаются расценки, и, наконец, разве мало у нас всяких прижимок и несправедливостей?..

И вот, когда рабочий находит, что маяться день деньской за работой, спины не разгибая, куды как не хорошо, то начальство кричит, что рабочие бунтуют.

Ему, видно, хотелось бы, чтобы рабочий был просто без-

гласным и безответным рабом, назначение которого только в том и состоит, чтобы трудиться до изнеможения и доставлять прибыль фабриканту.

Но не тут то было. Уже давно петербургские рабочие стали подумывать, как бы устроиться по иному, по лучшему. Ткачи первые показали пример.

Петербургские рабочие, поддержим же наших товарищей — протянем же братски руку помощи в их трудной борьбе с грабителями хозяевами; станем у себя устраивать сборы в пользу стачечников, не забудем, что и у нас могут настать такие же тяжелые дни, и тогда ткачи наверняка вспомнят о теперешней нашей поддержке.

Ведь все рабочие братья: суровая доля нас всех сроднила. У всех у нас одни общие интересы, одни общие стремления и цели. И когда мы поймем это, когда мы действительно сольемся в одну душу и одно тело, то никакие силы в мире не одолеют рабочего движения.

3-яго июня 1896 года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 28½ × 17½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VI. 3.

29. 4 июня 1896 г.

К РАБОЧИМ БУМАГОПРЯДИЛЬНИ КЕНИГА.

Братцы, что вы делаете? Зачем изменяете рабочему делу? Не устрашили вас грозные объявления, а подкупили вас льстивые речи градоначальника. Вспомните, каким орлом налетел на вас храбрый генерал, как объявил, что предаст всех суду, вышлет вон из Питера; а теперь... теперь он стал вас просить приняться за работу, когда все ваши товарищи не уступают, не согласны работать.

Ведь это значит изменять своим братьям! [1].

Товарищи! Нет! Снова бросьте работу, ждите, пока не исполнят наших требований. Всем нельзя не уступить. Скоро придет градоначальник и запоет еще другую песню. Он станет еще мягче, еще покорнее; и фабриканты тоже не

[1] *В подлиннике вместо восклицательных знаков многоточия.*

выдержат, они вынуждены будут пойти на уступки. Братцы, бросайте работу, и требуйте своего, справедливого!

4 июня 1896-го года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 1 стр., 14½ × 18 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. IV. 4₁.

30. 4 июня 1896 г.

КО ВСЕМ РАБОЧИМ ПЕТЕРБУРГСКИХ ЗАВОДОВ.

Товарищи рабочие!

Борьба честно трудящихся рабочих с капиталистами хозяевами началась, наконец, и у нас в России. Все рабочие бумагопрядильных петербургских фабрик уже забастовали и требуют сокращения рабочего дня до 10½ часов и повышения расценков.

Товарищи! Ведь и мы тоже рабочие и также находимся под гнетом капиталистов хозяев, которые грабят нас безчеловечным образом, отвергают все наши справедливые просьбы и при малейшем требовании выгоняют рабочего вон из завода.

Друзья, неужели же мы все еще будем терпеть эти притеснения и покорно повиноваться нашим грабителям? Нет, товарищи, лучше соединимтесь дружно, бросимте работу и общими силами потребуем того, что мы вправе получить, а именно:

1) Чтобы везде был введен 8-часовой рабочий день,

2) Чтобы по субботам работы кончались в 2 часа,

3) Чтобы была повышена рабочая плата,

4) Чтобы были назначены прежние расценки, существовавшие до сбавки, а где надо, так и повышены,

5) Чтобы уплату заработка производили правильно и во время, а не оттягивали и не заставляли измученных рабочих чуть не до полуночи дожидаться выдачи рабочей платы,

6) Чтобы за опоздание утром или после обеда на несколько минут после гудка не штрафовали целой четвертью дня, а вычитывали только за пропущенное время,

7) Чтобы из сберегательно-вспомогательных касс, устроенных при некоторых заводах и находящихся в руках на-

чальствующих лиц и хозяев, деньги выдавались рабочим во всякое время, когда они понадобятся им, а не только при получении расчета,

8) Чтобы рабочий, взявший расчет и получивший сбереженную сумму, мог поступить назад на работу во всякое время без взноса полученной суммы,

9) И чтобы сполна было заплачено за коронационные дни.

Лучше, да и необходимо, чтобы все рабочие потребовали право на основание своей собственной кассы, которая находилась бы в руках самих рабочих, и распоряжались бы этою кассою сами рабочие, а не грабители хозяева, которые для нашей пользы ничего не хотят делать, а смотрят, как бы вытянуть из нас последние силы самым бесчеловечным образом, лишь бы только увеличить свою прибыль.

Друзья, мы выступаем за общее рабочее дело. Взгляды всех рабочих других стран устремлены на нас, все они рады, что, наконец, пришло время, когда и русский рабочий проснулся и вступил в борьбу, чтобы сбросить с себя вековые цепи рабства и угнетения.

Товарищи, бросьте работы, откликнемтесь на призыв русских социал-демократов и поведем борьбу дружно и стойко, мирно, без буйства и насилия, братски помогая друг другу, тогда только мы достигнем желаемых требований и не будут нам страшны ни правительство, ни грубая сила солдатов.

4-го июня 1896 года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 29½ × 18 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VI. 4₂.

31. 4 июня 1896 г.

К РАБОЧИМ НЕВСКОЙ ПИСЧЕБУМАЖНОЙ ФАБРИКИ ВАРГУНИНА.

Стачка на всех петербургских бумагопрядильнях показывает, как тяжело живется нашим товарищам ткачам и мюльщикам. Но разве лучше живется и нам? И у нас творятся такие безобразия, что едва ли уступают порядкам бумагопрядилен. Заглянем, например, в тряпичное отделение. Вот грязное зловонное тряпье, побывавшее и в помойном ведре и в навозной куче. Собственными руками мы перебираем,

сортируем и скоблим его. Пыль и зловоние здесь стоят беспримерные. Что, кроме горькой безысходной нужды, может заставить людей тут работать? Казалось, что, по крайней мере, заработок здесь должен быть порядочный; ведь не всякий тут и работать то согласится. А на самом деле, когда работница наберет за целый день трехпудовую корзину тряпья, то ей всего только 8 коп. полагается... 8 коп. — за 12 часовую работу![1] Да ведь на кота нашего мастера француза тратится больше в день на печонку. Вот она заботливость хозяйская.

А пройдемся-ка в тряпковарное отделение: день и ночь кипит в котлах тряпье; от едкого воздуха спирает дыхание в горле; понятное дело, что здесь болезнь постоянная гостья рабочего.

Но не лучше и на грязно-промывных ролях: руки у рольников сплошь покрыты язвами от перенесения вареных тряпок в роли.

А на чистых материальных ролях? Скажите, кто здесь не страдает ревматизмом от вечной сырости[?]

Но, может быть, нет всего этого у бумагоделательных машин?.. Ведь здесь работают уже под присмотром самого управляющего. Быть-может, его попечительное око сбережет нас от напастей? Ошибаетесь! Беда здесь двойная: и жар здесь донекает, и управляющий не отстает, — брань, угрозы и попреки здесь постоянные: чуть-что — штраф, а начнешь объясняться — вон в 24 часа: много вашего брата найдется!

Так вот какие порядки на нашей фабрике, вот как у нас хозяйничают!

Работница, мающаяся по 12 час. над работой, зарабатывает 8 коп. в день, а ничего не делающий управляющий получает 13 000 р. в год; мастер француз, ни звука не понимающий по русски и плохо знакомый с делом, получает 600 р. в месяц и держит при своей особе семидесятирублевого переводчика, а опытный толковый рабочий получает 16—17 р. в месяц и слышит постоянные попреки, что и то много. Мастер испортит бумажную массу, а рабочему за это штраф выставляют. Да не только труд и здоровье рабочего, сама жизнь его оценивается грошами: оторвало рабочему голову, — выдают его матери 25 р., похорони его несчастливца, — сам виноват, что не досмотрел; искалечит рабочего так, что от всего него только левая рука целехонькой останется, и тут ему работу находят, чтобы да-

[1] *Восклицательных знаков в подлиннике нет.*

ром пенсии не платить; пиши левой рукой. Марай бумагу, ту самую, что мы изготовляем; марай, да и получку убавляй. Причитается работнице 20 р. в месяц, находят, что больно много будет; и без того лучше жен многих наших мастеров одеваешься; получай-ка 12 р. и будь благодарна и за это. А когда работницы начинают просить прибавки, то мастер предлагает искать прибавки, торгуя своим собственным телом.

Работницы! Чего же еще ждать, на что еще надеяться? Ведь если им теперь все это спустить, то они, пожалуй, и в самом деле подумают, что мы рады стараться.

Зачем нам молчать? Объявим нашему управляющему, что мы не согласны работать на нынешних условиях: находили же возможным прежде сортировщицам платить 30 коп. за три[1] пуда, а теперь нам за 3 пуда полагается всего 8 коп. Напомним ему также, что прежде рабочий получал наградные, а теперь болезни — самая большая награда для рабочего.

Еще заставим его отменить незаконное требование являться вместо 7 час. в 6 ч. утра на работу, и уходить вместо 7 ч. в 8 вечера.

Потребуем, значит, увеличить расценок, правильно работать от 7 ч. утра до 7 ч. вечера, давать полтора часа времени на обед. Всего этого добиваются и наши товарищи-рабочие бумагопрядилен. Присоединимся к ним и станем вместе добиваться исполнения наших требований. Бросим все вместе работу и объявим, что не станем до тех пор работать, пока не добьемся своего. Смелей и дружнее, братцы!

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

4-е июня.

По подлиннику; мим., 2 стр., 29 × 18 см. Государственная публичная библиотека в Ленинграде, № 128.

32. 5 июня 1896 г.

К ПРЯДИЛЬЩИКАМ, ВОЗОБНОВИВШИМ РАБОТУ.

Братцы, значит, все пойдет по старому, что ли? Снова вам, что ли, захотелось работать по 13—14 часов в сутки,

---

[1] *В подлиннике первоначальное* полтора *чернилами исправлено на:* три.

терпеть от начальства всякие обиды, переносить всякие надругательства, питаться всегда впроголодь, никогда не досыпать, получать такие низкие заработки, что на них заживешь скоро совсем по звериному? Или и в самом деле хотите есть только селедку и лук, да и того скоро лишиться, как обещает Кениг.

Ведь наши расценки все будут понижаться, если мы уступим, наше положение все ухудшаться, наша жизнь все скверней, наша доля все суровей.

Нет, братцы, так не годится; бросать работу надо непременно.

Разве мы не решили все сообща добиваться исполнения наших справедливых требований[?] Рабочие на прочих бумагопрядильнях держатся стойко. Стоят Новая Бумагопрядильня, Кожевникова, Жукова, Максвелля и Паля, Новосамсоновская и Лебедева, а вы уже начали работать.

Разве мы не порешили не приниматься за работу, пока не исполнят наших справедливых требований[?]. Вспомните-ка, как сначала напустился на нас храбрый генерал, как в своих объявлениях он обещал отдать всех под суд, выслать вон из Питера, чуть не казнить. А теперь... теперь он стал просить, чтобы вы работали. Еще бы прошла неделя и он стал бы еще помягче. А вы и соблазнились его речами. Прогнать бы вам надо этого сладкоречивого искусителя.

Нет, братцы, лучше бросайте работу. Нам обещают поддержку и рабочие других заводов — Путиловские, Семянниковские, Балтийские, и Варгунинские — все рабочие всего Петербурга скоро бросят работу и потребуют облегчения. А наши заграничные товарищи, немецкие рабочие, уже шлют нам помощь.

Братцы, продержимся еще, разве рабочий люд и без того не доедает и не терпит лишений [?] Потерпим еще, а добьемся своего. Пусть ни на одной прядильне не загудит гудок, пока не уступят. Братцы, бросайте работу, присоединяйтесь к нашему союзу, к рабочим всего Петербурга. Держитесь дружно и стойко, и наша возьмет...

5-го июня 1896-го года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 1 стр., 30½ × 18½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VI. 5.

Напечатано: Петербуржец, Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. Лондон, 1902, стр. 98—99.

33. 9 июня 1896 г.

К РАБОЧИМ НОВОЙ БУМАГОПРЯДИЛЬНИ.

Товарищи, 17 лет прошло с нашей последней стачки. Все время мы покорялись начальству. Что же мы видим? Какое наше житье? Всем известно, как управляющие нас притесняют. Он думает только о том, как бы поменьше платить рабочим и урвать из тощих рук последнюю копейку. Лет 15 тому назад у нас была мера в 50 аршин. По жадным глазам управляющего она показалась малой. Как же ее увеличить, чтобы рабочие не заметили? Иначе они опять забастуют, как сделали в 1878 и 1879 г.г. Говард на хитрости горазд. Он велел передвинуть дальше метку, а рабочим этого не объявлять. Эта уловка ему раз удалась, и он ее повторяет и поныне. Дошло до того, что теперь кусок уж не в 50, а в 71 аршин. Плата же за меру осталась та же, что 17 лет тому назад, и наш заработок все падает и падает. Около месяца тому назад набавили на меру еще 7 аршин.

Мы не стерпели такой обиды и отправили товарищей к фабричному инспектору, объявить ему о новой прижимке. Что же он? Пришел на фабрику, выслушал наши справедливые жалобы и... ничего не сказав, ушел. Да что ж ему было и говорить? Ведь не рабочие пошли против закона, нарушал своевольно условия найма сам хозяин. Фабричный же инспектор стоит не за рабочих, а за капиталистов. И Говарда не привлекли, как вора и мошенника, к суду за утайку многих лишних аршин на меру, за утайку заработанных рабочими денег. Видно, рабочих обкрадывать можно, ведь они покоряются [1] всяким прижимкам.

Утайка меры — не последнее мошенничество Говарда. Он решил совсем нас закабалить. Правила о найме рабочих говорят: «при найме рабочих на неопределенный срок, расплата должна производиться не реже двух раз в месяц, при найме же на определенный срок, не реже одного раза в месяц». И на всех бумагопрядильнях в Петербурге получка бывает два раза в месяц.

У нас же платят только раз в месяц. Что же придумал хозяин, чтобы обойти закон и обмануть рабочих? В рабочих книжках каждый раз в конторе кладется штемпель, будто нас нанимают на пять недель; выходит, что мы наняты на определенный [2] срок, и платят только один раз в месяц.

---

[1] *В подлиннике:* он покоряется.
[2] *В подлиннике:* неопределенный.

Но и этого мало, нас штрафуют на каждом шагу, бракуют не по нашей вине испорченный товар и вычитают последние гроши из нашего заработка. Всех бессовестных проделок управляющего не сосчитаешь. Понятно поэтому, как нам живется. Собаке Говарда и той лучше. Мы не доедаем, не допиваем, не успеваем передохнуть от каторжного, иногда бесплатного труда.

Нет, так дальше идти не может! Мы решили сами раз на всегда покончить с гнетом управляющего, если фабричный инспектор и правительство тянут его руку. Мы присоединились ко всем Петербургским ткачам и прядильщикам, вместе с ними мы забастовали. Никакие хитрости и строгости хозяев и полиции не заставят нас приняться за работу, пока наши требования не будут исполнены.

Мы требуем немногого. Мы хотим:

1) Работать только от 7 часов утра до 7 часов вечера,

2) Чтобы на обед нам давали полтора часа,

3) Чтобы в субботу шабашили в 2 часа,

4) Чтобы повысили нам расценок настолько, чтобы заработок не уменьшился,

5) Чтобы на книжки нам не клали штемпелей, будто мы наняты только на пять недель и, как на всех прочих бумагопрядильнях, платили два раза в месяц.

Товарищи! Каждый из нас бессилен, но все вместе, когда мы дружно требуем справедливого, составляем громадную силу. Мы мужественно держались до сих пор. Будем так держаться и дальше. Хозяева терпят громадные убытки и они уступят. Никакая полиция нас не вытащит на работу, пока наши требования не будут исполнены. Будем всеми средствами помогать более бедным товарищам, и до конца стоять. Нам обещают помощь и рабочие других фабрик и заводов.

Товарищи![1] Не мы одни стоим там. За одно с нами почти все бумагопрядильни. Мы составляем великую силу. Смелей и дружней! Мы победим!

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

9 июня 1896 г.

По подлиннику; мим., 2 стр., 28 × 18½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VI. 9.

Автор: М. А. Лурье (по указаниям его и Б. И. Горева).

---

[1] *Здесь и далее в подлиннике восклицательных знаков нет.*

34. 10 июня 1896 г.

РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ.

Придавленное тяжелой пятой царского деспотизма наше русское общество не то спит, не то совсем успокоилось. Редко, редко из засасывающего болота общей спячки и молчалинской приниженности раздается робкий молящий шопот «бессмысленно мечтающего» обывателя, да и этот шопот нагло осаживается громким самодержавным «цыц». И опять все затихает, и опять ничего не видно в мутных волнах нашей общественной жизни.

И вот в это мертвое царство алчных аппетитов и несбывшихся надежд врывается животворящий клич — рабочий идет, идет проснувшийся сознательный рабочий.

Что? Как? Почему? — задает ряд вопросов ошеломленный обыватель. Да неужели у нас есть то, что на Западе зовется рабочим вопросом? Мы обращаемся к представителям общества и говорим им: вы все, изнывающие под гнетом царского и бюрократического своеволия, вы все, «взыскующие града», вы все, не распрощавшиеся с идеалами свободной личности, вы все, не продавшие за чечевичную похлебку безмятежного обывательского существования права и достоинства человеческие, вы, которые краснеете от сознания своего рабского бесправия, чье сердце с болью сжимается при виде попранного человеческого достоинства, при виде надругательств над человеческой личностью, вы, наконец, которые любите иногда «потолковать о младшем брате, погорячиться о добре», выслушайте нашу краткую повесть и, если «жив» еще в вас «курилка», отзовитесь посильною помощью на небывалое у нас доселе по своим размерам и характеру сознательное движение Петербургских рабочих.

Вам часто приходилось слышать о «трактирной цивилизации», о развратном и буйном фабричном люде. Так говорят вам лицемеры-моралисты, пекущиеся о «нравственности», об «основах» семьи.

Хорошо говорить лицемерам: они знают слабые стороны русского общества, они знают, что для общества жизнь русского рабочего есть тот неведомый мир, который спрятан от любопытствующих взоров заботливостью хозяина промышленника, попечительною администрациею, недремлющею цензурою [1].

---

[1] *В подлиннике:* недремлющей цензуры.

Знаете ли вы, господа, что рабочий на Петербургских бумагопрядильнях проводит 13—15 часов за тяжелой изнурительной работой; знаете ли вы, что постыдное лицемерие — говорить о семейных узах людям, у которых нет своего угла, где бы они могли преклонить свои усталые головы, людям, которым за нечеловеческий труд дают нищенское вознаграждение [?] Постыдно — говорить о семейной нравственности и спокойно мириться с тем, что дети и подростки свои лучшие детские годы проводят за отупляющей работой в душных фабричных стенах.

Знаете ли вы, что какие нибудь тряпичницы на писчебумажной фабрике Варгунина получают 8 коп. в день за свою нездоровую работу [?] Знаете ли вы, что, когда работницы начинают требовать большего, фабрикант и администрация посылают их торговать своим телом [?] Знаете ли вы, почему многие рабочие пьют, почему они время свое проводят в кабаке? Да куда же и идти ему, усталому, измученному долгой работой? Домой? Но разве это дом — казарма для рабочих, разве дом — тот угол, где его семья спит в повалку с другими семьями, где ему невозможно остаться одному в кругу своих [?] Его выбрасывают на улицу и затем удивляются, что он ищет приюта за гостеприимными дверями кабака, этого клуба нашей бедноты.

Когда же этот пьяница-рабочий требует для себя света знания, когда он начинает серьезно учиться и читать, ему говорят: ты бунтовщик, не надо нам тебя.

Знаете ли вы, представители русского общества, что по единогласному мнению всех компетентных людей, нет в России другой среды, которая была бы полна такою жаждой знания? Света, знания, дайте нам возможность учиться, дайте нам возможность читать — слышатся неотступные голоса рабочего люда.

Нельзя, это бунт, вопят те, кто является теперь «господами положения».

Господа представители общества, они правы, эти сторонники мракобесия, эти панегиристы народного невежества. Да, это — бунт, это — революция, это — стремление вперед из тины застоя, это — подымающаяся волна сознательной или становящейся сознательною массы, призванной смести нашего общего врага — самодержавие. Вы все, не забывшие своих мечтаний о вольностях, помните, что еще больше, чем вам, нужны эти вольности безвольному и бесправному русскому пролетарию. Для кого, как не для рабочего, является насущной потребностью дня возможность свободно сходиться

и сговариваться с своими товарищами?.. Кого, как не его, больнее всего бьет палка полицейско-бюрократической опеки?.. Кто, как не он, задыхается от произвола хозяина, усугубляемого произволом «управы благочиния»?

Вы знаете, конечно, что в борьбе рабочего с фабрикантом за возможность жить, как люди живут, сильнейшим орудием является стачка. Она нужна ему, как насущный хлеб, как чистый воздух — и русский рабочий лишен этого первейшего, основного своего права. Русское правительство карает забастовавшего рабочего, как уголовного преступника, оно дает в распоряжение фабриканта все средства полицейского государства.

И тем не менее, несмотря на весь ужас ожидающихся репрессий, на весь риск полуголодного существования, в Петербурге забастовали почти все бумагопрядильни; к ним присоединяются теперь и другие фабрики. Тридцатитысячная толпа стачечников привела в такое волнение царское правительство, какого никогда не удостаивались ваши петиции.

Взгляните на историю и вы поймете, что жгучие для вас вопросы перестанут быть вопросами только тогда, когда станут достоянием улицы. В толпе, массе, сознательной массе — ищите себе точку опоры, без нея вы тщетно будете биться в царской клетке, без нея смешны и жалки для предержащих властей все ваши просьбы и моления. Городская толпа рабочих людей, заполняющая улицу, это она выносила на своих плечах все великие завоевания западно-европейской свободы. Она и вам проторит дорогу в достижении ваших целей.

Настанет время, когда вы, представители общества, пройдете с торжеством и славою по пути, политому кровью русского пролетария. Отзовитесь же теперь на его призыв, дайте ему, в самом деле, хлеба, а не камень — это ваш долг, это ваша священная обязанность.

10-го июня 1896 г.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 29 × 18 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VI. 10.
Автор: А. Н. Потресов (по указанию М. А. Сильвина).

35. 12 июня 1896 г.

К РАБОЧИМ БУМАГОПРЯДИЛЬНЫХ И ТКАЦКИХ ФАБРИК В ПЕТЕРБУРГЕ.

Друзья-товарищи! [1] Уже прошло около 2-х недель, как мы смело объявили нашим притеснителям наши справедливые требования. Еще не так давно нас всячески стращали. Нас пугали и тюрьмой и расчетом. За нами, как за ворами и разбойниками, зорко следят и полиция, и жандармы, и войско, и сыщики. Но нас не застращаешь. «Вам дадут расчет», говорят нам. — Пустое, не так то скоро найдешь тысячи новых рабочих рук на наше место. «Вы бунтовщики, вас посадят в тюрьму, отдадут под суд, вышлют на родину». — Ой-ли? Хватит-ли тюрем для десятков тысяч рабочих? Да уж и дорого очень обойдется содержать столько человек. Нас с квартир тащут на фабрику. Пусть тащут: мы и там не будем работать. А фабриканты все терпят да терпят убытки. Десятки и сотни тысяч уходят из их карманов. Увидели они, что с такой громадной силой, как 30—40 тысяч рабочих, шутить невозможно. И вот стали с нами говорить помягче. Вы, мол, только ступайте на работу, а там уж ваше дело разберут и ваши требования уважат. Знаем мы эти обещания! Эх, товарищи, знаем мы эту песню! Старых воробьев на мякине не проведешь.

Пройдет еще несколько дней, и с нами заговорят еще ласковее, а наконец уважат наши требования. А до тех пор пустыми угрозами и обещаниями нас нечего смущать. Мы не уступим, пока не получим своего.

Бодрей и смелей, товарищи!

12 июня 1896 года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 1 стр., 23½ × 18 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VI. 12.

36. 15 июня 1896 г.

К ПУТИЛОВСКИМ РАБОЧИМ.

Товарищи! [1] У нас перед глазами беспримерный, невиданный случай: 30—40 тысяч рабочих прядильных и ткацких

---

[1] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

фабрик бросили работу, все, как один человек, заявили свои требования и больше двух недель упорно их отстаивали.

И в то время, когда рядом с нами наши товарищи, измученные тяжелой нуждой и непосильной работой, стойко и мужественно боролись за улучшение своего положения, мы спокойно и терпеливо переносили все притеснения и безобразия нашего начальства.

Что же это значит, товарищи? Разве так уж сладко живется нам? Правда, заработок наш больше заработка ткачей и прядильщиков, но разве мы не знаем, как трудно просуществовать с семьей на 30—40 р. в месяц? Разве многим из нас не приходится работать по 40—50 дней в месяц, чтобы не умереть с голоду? Да и этот скудный заработок урезывают с каждым днем: нам не заплатили за коронационные дни, нам сбавляют с работы паровозов сначала 500 р., потом 1600 р., теперь думают сбавить еще на 1200 р. И это не в одном отделении — в других готовится то же самое.

Чего же мы молчим, товарищи? Или мы не надеемся на свои силы, или мы не сумеем так же дружно, спокойно и мужественно заявить свои требования и добиваться их исполнения? Или мы думаем, что наши усилия пропадут даром? Нет, товарищи, мы — сила, и пример на лицо. В прошлую субботу рабочие Александровского завода бросили работу, когда узнали, что им не хотят платить за коронационные дни и оттягивают расплату на целую неделю. Начальство перепугалось, приехал жандармский полковник и все их требования были исполнены: расплата была произведена на другой же день, а через три дня заплатили и коронационные деньги. Кроме того, обещали удалить 3 нелюбимых рабочими мастеров и кончать по субботам работу в два часа.

Вы видите, товарищи, что сила в наших руках — нас боятся... Начальство, перепуганное не на живот, а на смерть стачкой ткачей и прядильщиков, больше всего боится теперь забастовки заводских рабочих. Неужели же мы упустим такое удобное для нас время? Товарищи, если мы действительно хотим улучшить свое положение, если нас не забила еще нужда, если мы способны постоять за себя, то потребуем сейчас же:

1) Сокращения рабочего дня до 8-ми часов.

2) Отмены старших, которые, не работая сами, живут на счет своих подручных.

3) Чтобы воскресные и праздничные дни, а также в вечернее время работа не производилась.

Если нам откажут — бросим работу все до единого человека и не уступим, пока требования наши не будут исполнены. Угрозами нас не запугать. Мы знаем свою силу. Мы помним еще, как забастовали наши товарищи в сталепрокатной мастерской, как грозили их расчитать и как в конце концов были принуждены исполнить все их требования.

Так будет и теперь, так будет и всегда, раз только все мы будем действовать дружно.

15-го июня 1896 г.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 28 × 18 см. Библиотека ИМЭЛ 47. 1896. VI. 15₁.

37. 15 июня 1896 г.

К РАБОЧИМ ЧУГУННОГО АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЗАВОДА.

Товарищи![1] В прошлую субботу мы одержали быструю и блестящую победу. Стоило нам дружно заявить свои требования и бросить работу, как тотчас же всполошилось наше начальство, прискакал жандармский полковник и... Вспомните, как он заговорил. Испуганный, он уговаривал нас успокоиться. «Все, что вам надо, все, что в моей власти, все вам сделаю». Никогда еще начальство так не разговаривало с нами. Видно, туго пришлось ему за это время, видно, почувствовало оно, какую силу составляют рабочие, когда дружно и смело выступают со своими требованиями. Спасибо, большое спасибо нашим товарищам, рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик. Благодаря их мужественной двухнедельной борьбе и были так скоро исполнены наши требования:

Во 1-х, получка была произведена на другой же день, а не через неделю, как предполагалось раньше,

во 2-х, через три дня нам выдали коронационные деньги, удержанные и растраченные Герцом, и при этом жандармский полковник не побоялся распечь его на глазах у всех

[1] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

рабочих. Вот как хотелось ему угодить рабочим и успокоить их. Видано ли это было когда нибудь раньше? Давно ли рабочие были всегда кругом виноваты?

в 3-х, нам дано право получать деньги из заводского фонда не только при расчете, но во всякое время, когда понадобится рабочему, лишь бы нашлись поручители, возвращать же можно с рассрочкой и по частям. Некоторые наши товарищи уже успели воспользоваться этим правом и получить нужные им деньги. Наконец, нам обещано, что по субботам мы будем шабашить в 2 часа дня и что три мастера, которые особенно нас донимают своими прижимками, будут удалены с завода.

Вышло так, что из всех наших требований только требование 8-ми часового рабочего дня показалось невыполнимым. «Это де не в нашей власти, этого нигде в России нет».

Неправда, братцы, вон на Семянниковском заводе в 4-х самых больших мастерских введен 8-ми часовой рабочий день. Ну да это от нас не уйдет — добьемся и этого. А пока будем требовать, чтобы исполнили все обещанное. Сегодня суббота, товарищи, — последний срок, когда должны быть исполнены и остальные наши требования. Сегодня мы работаем только до двух часов, сегодня — долой ненавистных мастеров. А не то... мы знаем, товарищи, что делать, мы знаем, какое сильное средство находится в наших руках, мы видели, как страшна им наша забастовка.

Борьба началась и она не окончится до тех пор, пока рабочие окончательно не победят капиталистов.

Будем же держаться дружно, стойко и спокойно.

Будем действовать так, чтобы наши братья-рабочие других заводов и фабрик могли нам сказать такое же спасибо, какое мы говорим теперь рабочим ткацких и бумагопрядильных фабрик.

15-го июня 1896 года.

Союз борьбы за освобождение
рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 17 × 15½ см. Библиотека ИМЭЛ 15. 1896. IV. 15₂.

38. 17 июня 1896 г.

К РАБОЧИМ НЕВСКОГО МЕХАНИЧЕСКОГО ЗАВОДА.

Товарищи, мы все читали объявление начальства по поводу зубила, попавшего в цилиндр, начальство нас обвиняет в небрежности. Почему же оно не вспомнит о тех несчастных случаях, которые происходят у нас так часто? Почему начальство не помнит, кто тут виноват, и почему оно так старательно сглаживает все следы своей преступной небрежности до прихода фабричного инспектора, который тоже не очень торопится? Видно, не о нашей безопасности заботятся хозяева, а о машине, — машина им дороже нашей жизни, за машину надо деньги платить.

Товарищи! [1] Посмотрим хорошенько на условия, в которых мы работаем. В нашем деле работать 10 часов страшно тяжело. Посмотрим, много-ли среди нас здоровых, неистощенных лиц? Их по пальцам можно перечесть. Тяжелый труд высасывает из нас все соки, мы работаем до изнеможения сил, чтобы больше доставить прибыли капиталистам. В некоторых мастерских у нас уже работают по 8 часов. Потребуем, чтобы 8-ми часовой рабочий день был распространен на всех нас.

Потребуем также повышения расценков. После пасхи у нас понизили все расценки, некоторые на целую треть. Будем добиваться их повышения настолько, чтобы при 8 часах труда мы зарабатывали не меньше, чем до пасхи. Не допустим также и того, чтобы мастера произвольно уменьшали расценки, желая выслужиться перед хозяевами; для этого надо, чтобы книга расценков была нам всегда доступна.

Итак, товарищи, потребуем:

1) Общих 8-ми часовых смен по всем мастерским.

2) Повышения расценков.

3) Чтобы книга расценков лежала в проходной конторе, прикрепленная печатью к столу, и была доступна всякому.

Если наши требования не будут исполнены, забастуем [2].

Товарищи! Будем действовать дружно и смело, без буйства и насилия, и все петербургские товарищи поддержат нас. Мы добьемся своего, потому что, когда мы действуем дружно, сила наша несокрушима.

---

[1] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

[2] *В подлиннике прописью.*

Наши хозяева торопятся окончить заказы и теперь самое удобное время для предъявления наших требований.

Товарищи, соединимся!

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

17-го июня 1896 года.

По подлиннику; мим., 2 стр., 23½ × 18 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VI. 17.

Напечатано: Н. Паялин, Завод им. Ленина. М.-Л., 1933, стр. 67—68.

39. 19 июня 1896 г.

К РАБОЧИМ ПУТИЛОВСКИХ ЗАВОДОВ.

Товарищи! [1]

Наступило время, и наш брат рабочий видит, что жить, как сейчас живем, дальше нельзя. Рабочий люд и у нас на Руси начинает повсюду это сознавать. Стачки сейчас не в одном Питере, а и в Москве, Ярославле, и в Твери, и в Польше и других местах. Славное время наступило. Мы начинаем смекать, что такое рабочий вопрос. Рабочий вопрос — вопрос нашей жизни. Это тот вопрос, который заставляет дрожать хозяйские души, вопрос, который приводит в страх всех угнетателей и кровопийц. И в то же время наше дело, наша жизнь, наше счастье есть рабочий вопрос.

Братья рабочие, требуйте:

1) 8-ми часов работы, от 7 с половиной до 5 вечера.

2) Уничтожения воскресной, праздничной и сверхурочной работы в вечернее и ночное время.

3) Приведения в известность наличности наших денег, нашего штрафного капитала и права контроля над ним.

4) Чтобы был положен конец тому гнусному порядку, при котором некоторые старшие живут чужим трудом, не работая, а получая плату с труда своих подручных. Рабочим не приходится угнетать рабочих же. Их нужно оставить и позабыть.

Товарищи! Будем упорно и спокойно требовать своего. Кто не за нас, тот против нас!

19-го июня 1896 г.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 1 стр., 22½ × 17½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VI. 19.

[1] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

40. 19 июня 1896 г.

К РАБОЧИМ ВАРШАВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.

Тяжело наше положение, и чем дальше, тем оно становится все хуже и хуже, ждать помощи нам не откуда, нам самим надо дружно взяться за свое дело и отстоять свои права, иначе нам скоро житья не будет. Посмотрите-ка, что делает наша администрация. Она окружила себя шпионами, доносящими о малейшем сказанном слове. Да, ловко она устроилась. Ведь доносчики — десятники да монтеры, наговаривающие на своих товарищей по работе. А тут еще прихвостни им помогают: подносят подарки мастерам и тянут с нас на это последнюю копейку. А попробуй только не подписаться на листе. Живо на тебя глаза скосят, и житья не станет на заводе. Но это еще цветочки, ягодки впереди. Администрации мало этого: она придумала штуку похитрей. Ей выгодно, чтобы между рабочими была рознь, ибо тогда они не могут бороться за свои интересы. Мало того, что она окружила себя верной армией мастеров приспешников, она разделила рабочих на штатных и нештатных. Штатные имеют кассу, у нештатных ее нет. Понятна ли вам, братцы, эта тонкая проделка [?] Да беда вся в том, что где тонко, там и рвется: только слава одна, что касса, в кои веки там получишь пособие. Из отчета видно, что мастерам пособие идет больше нашего.

Вот к каким хитрым штукам прибегает наше начальство. Оно еще и потребительное общество устроило. Посмотришь, будто все и ладно. Как бы не так. Чтобы вступить в общество, надо внести за пай, а где взять лишний грош. Ясно, что общество существует не для нашего брата, а для тех, кто побогаче — мастеров, десятников и компании. Значит, куда ни глянь, все к одному сводится: все льготы даются не нам, а приспешникам начальства, чтобы они его получше охраняли. Пользоваться товарами из лавки можем, конечно, и мы, но что нам за польза: скидка на рубль всего копейка, деньги вычитываются не в получку, а когда вздумается. Ходить в лавку далеко, минут 20, так ворота запираются, чтобы... [1] не угодно-ли прогуливаться кругом. А то иной раз еще дряни дадут, а жаловаться не смей, сейчас, как из земли, жандарм перед тобой выростет. За наш тяжелый труд мы не можем иметь даже порядочного

---

[1] *Из-за лопнувшей трафаретки краскою залито пол строки.*

обеда, а деньги, ведь, драть умеют: в столовой мы платим за щи 10 коп. и за жареное 10 коп., а как все изготовлено [?] Срам сказать, что людей кормят такой дрянью.

Каждый день администрация выдумывает новые прижимки. На днях вывесили новые правила о штрафах: теперь за прогульный день нас будут штрафовать днем. Довольно накопилось всяких проделок. Пора положить им конец. Пора нам, товарищи, соединиться и общими силами улучшить свое положение. Мы требуем:

1) Чтобы мастерами, монтерами и десятниками назначались не шпионы, а честные люди, которые знали бы свое ремесло и без толку не сбавляли бы цен на работы.

2) Чтобы кассой управляли выборные рабочие, а эту мертвую и несправедливую кассу уничтожить.

3) Чтобы потребительное общество не вытесняло из состава своих членов рабочих; чтобы деньги за забранный товар общество вычитывало не произвольно, а по прошествии 2-х недель, и повысило бы процент на заборный рубль с одного процента до пяти.

4) Чтобы за царские дни всегда платили казенную плату в размере 65 коп. за день.

5) Чтобы в субботу и под праздник работу кончали в 3 часа без обеда.

6) Чтобы заработок выдавали за все дни, т. е. с 1-го по 15-ое, и с 15-го по 30-ое, под чистую. При заявлении рабочих о неправильной расплате за поштучную работу ошибка исправлялась бы немедленно, а не оставлялась на другой месяц.

Если администрация не захочет сделать нам уступок, то нам остается только забастовать, — это сделает ее ласковее.

19-го июня 1896 г.

Союз [борьбы] за освобождение
рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 28½ × 18 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1895. VI. 19.

41. 27 июня 1896 г.

К РАБОЧИМ ТКАЦКИХ И ПРЯДИЛЬНЫХ ФАБРИК.

Товарищи![1] 1-го июля будет уже две недели, как мы принялись за работу. Нам обещали сделать уступки, и мы согласились начать работать только на том условии, что наши требования будут исполнены, и решили ждать две недели. Но исполнять данных обещаний и не думают. Напротив, фабриканты торопятся наверстать свои убытки от стачки и стали притеснять нас еще сильнее.

На Новой Бумагопрядильне прибавили несколько аршин на кусок; всюду, кроме рабочих, арестованных и высланных правительством, фабриканты еще сами расчитывают многих наших товарищей, которые кажутся им опасными. Мастера всячески издеваются над нашим братом: «ну что, взяли?», говорят они.

Фабрикантам нужно было бы во что бы то ни стало добиться, чтобы мы прекратили стачку, вот они и обещали пойти на уступки. А теперь, когда мы возобновили работу, они думают, что мы не посмеем опять бросить ее и снова дружно забастовать, как прежде. Они надеются, что нас напугали аресты и высылки, что мы поверили сладким речам министра финансов.

Но мы не так просты, братцы, чтобы нас так легко было убаюкать. Мы знаем, что только сами упорною борьбою можем достигнуть улучшения нашей доли[2], и не побоимся угроз и насилий, так как знаем, что рано или поздно мы добьемся своего.

Правда, правительство созвало комиссию для обсуждения вопроса об уменьшении рабочего дня. Но не из заботливости о нас сделало оно это: отчего не подумало оно об этом раньше? Оно вынуждено к тому нашими дружными и настойчивыми требованиями, страхом пред растущей силой рабочего класса, борющегося за свое лучшее будущее. Только этот страх может заставить фабрикантов и правительство пойти на уступки нам. Дружная наша стачка показала им нашу силу. Дело наше наполовину выиграно. Еще одно дружное усилие — и победа за нами. Если-же мы не поднимемся теперь вновь, то наши жертвы и страдания наших товарищей пропадут даром. Товарищи! Останавливаться на полпути нельзя. Нам дорога теперь каждая минута.

---

[1] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*
[2] *В подлиннике прописью.*

Будем-же, товарищи, твердо настаивать на прежних заявленных нами требованиях, и, если 1-го июля нам не сделают уступок, бросим опять работу и доведем свое дело до конца. Смелей, товарищи!

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

27-го июня 1896 г.

По подлиннику; мим., 2 стр., 28 × 16½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VI. 27.

42. 27 июня 1896 г.

К ПЕТЕРБУРГСКИМ РАБОЧИМ.

Товарищи! [1] Стачка ткачей так напугала царское правительство, что оно пускается на всякие средства, лишь бы замять ее. Сначала оно нас всячески запугивало: грозило и судом и тюрьмою, обещало всех нас выслать на родину, и действительно арестовало и выслало более тысячи человек, — но все это не помогло. Теперь оно прибегает к «подметным» листкам, разговаривает с нами, чего раньше не бывало. Царское правительство приглашает нас жить по правде божией и уверяет, что ему одинаково дороги интересы фабрикантов и рабочих. Ой, правда-ли? Правда, правда. Посмотрите, товарищи: капиталисты устраивают и стачки для повышения цен на товары, и съезды для обсуждения своих плутней — рабочим же обсуждать сообща свои нужды нельзя: это незаконно. Капиталистам обещали возместить так или иначе убытки за время стачки — к рабочим же приставили солдат, жандармов, казаков, должно быть, для того, чтобы капиталисты не притесняли. Капиталистов звали на совещание к министру, ну а рабочих — в кутузку. И все это потому, что министр заботится об улучшении нашего быта и облегчении работы, насколько это можно и выгодно для нас самих. Ведь мы не понимаем сами своих интересов, это все злоумышленники и подстрекатели действуют. Мы не можем сами понимать, как тяжело работать по 15 часов в сутки и не иметь никогда отдыха, мы не можем сами понимать, как тяжело постоянно жить впроголодь. Куда нам! Этому научили нас подстрекатели. Министр

[1] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

и фабричные инспектора — покровители наши и защитники наших «законных» требований? Хитро сказано — «законных» требований. Будто мы не знаем законов. Будто мы не знаем, что наши требования о насущных нуждах наших, сокращении рабочего дня, увеличении заработной платы, считаются незаконными.

А то, что есть в законе, то разве соблюдается? Столь заботливое о нас правительство, приглашая нас поступать по закону, разослало недавно секретный циркуляр мировым судьям, предписывая разбирать дела фабрикантов с рабочими не по закону, а по обычаям, какие существуют на фабрике, попросту говоря, как фабрикант захочет.

Эх, братцы, полно нам слушать министра. Посмеемся над его воззванием и будем продолжать наше тяжелое и славное дело, будем по прежнему неустанно и твердо бороться сами за свои интересы и будем тому же учить наших молодых и неопытных товарищей. Вся наша трудовая жизнь научила нас, что кроме самих себя у нас нет друзей, что только суровою борьбою можем мы добиться чего либо от капиталистов и правительства. Нас не испугают никакие угрозы, не устрашат никакие жертвы. Мы будем бороться, пока не добьемся своей великой цели — освобождения рабочего класса.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

27-го июня 1896 года.

По подлиннику; мим., 2 стр., 27½ × 17½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. ¶ I. 27.

Напечатано: «Листок работника», 1896, № 1, стр. 15—16; «Социалдемократический календарь на 1902 г.». Женева, 1902, стр. 205; В. И. Ленин, Собрание сочинений, т. I, стр. 495—496 (изд. 2 и 3, стр. 482—483); «Революция и Р. К. П. (б.) в материалах и документах», т. I, М., 1925, стр. 272; Ш. М. Левин и И. А. Татаров, История Р. К. П.(б.) в документах, т. I, Ленинград, 1926, стр. 62.

43. 27 июня 1896 г.

К РАБОЧИМ БАЛТИЙСКОГО ЗАВОДА.

Товарищи![1] Недавно министр финансов лицемерно заявил, что правительство одинаково горячо заботится о рабочих

[1] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

и фабрикантах. Так как фабрикантам живется недурно, то можно подумать, что и мы, рабочие казенного завода[1], благоденствуем. Посмотрим же, как заботится о нас правительство, которому и принадлежит Балтийский завод.

Вероятно, из горячей заботливости о нас, нас постоянно морят сверхсрочной работой, до десяти часов вечера работаем мы, не разгибая спины. Да и то не все заработанное мы получаем, установили проценты, больше которых нельзя получать. Да и этого начальству показалось мало, нас прямо обсчитывают, благо книги расценок не видно, урезывают обеденное время всякими поверками, да еще штрафуют. Поденщикам платят всего 65 коп., модельщиков и столяров заставляют иметь свои инструменты, чем прикрепляют их к заводу и тем получают возможность урезывать их заработок.

Заботливое начальство боится, вероятно, чтобы наше здоровье не расстроилось от сладкой жизни. На нашем заводе что ни день, то несчастный случай, но ведь где же начальству за всем усмотреть, ведь у правительства столько забот. Ведь, кроме нас, надо все-таки и о фабрикантах позаботиться. Заботится начальство и о вычете с нас 1% в кассу «пособий». К сожалению, у него не хватает времени позаботиться о выдачах нам из этой кассы.

В ответ на заботы начальства дружно все потребуем:

1) Чтобы уничтожили сверхсрочную работу и установили 8-ми часовой рабочий день.

2) Чтобы в субботу и под праздник работа кончалась в 2 ч.

3) Чтобы не ограничивали заработка процентами и платили по расценкам полностью.

4) Чтобы шнуровая расценочная книга была в каждой мастерской прикреплена к столу на виду у всех.

5) Чтобы поденщикам была повышена плата.

6) Чтобы был уничтожен обыск при выходе из завода.

7) Чтобы заработок выдавали в рабочее время.

8) Чтобы уничтожили вычеты в кассу «пособий».

9) Чтобы в столярной и модельной мастерской выдавались казенные инструменты. Чтобы плотничьи топоры были казенные.

Если наши требования не будут исполнены — забастуем.

---

[1] *Разрядке в подлиннике соответствует пропись.*

Мы видели, что стачка ткачей заставила, наконец, правительство обратить внимание на положение их и, как там ни вертись министр, в недалеком будущем хоть часть их требований будет исполнена из опасения новой стачки. Стачка наше лучшее и вернейшее средство. Только борьбой можем мы чего либо добиться, и чем чаще будут стачки, тем более будет напугано начальство и тем скорей пойдет оно на уступки.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

27-го июня 1896 года.

По подлиннику; мим., 2 стр., 26 × 17½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VI. 27.
Автор: Б. И. Горев (по его указанию).

44. 19 июля 1896 г.

К РАБОЧИМ ФАБРИКИ ЛАФЕРМ.

Товарищи, незавидно нам живется. Работаем мы по 11 с половиною часов в сутки, жалованье получаем ничтожное, какие нибудь 15 р. в месяц, да и эти жалкие гроши всячески стараются у нас урезать. Штраф пишут за каждую малость, например, за непослушание. Не хочешь ты быть холопом для мастера, вот и непослушание. Вычитают с нас ежемесячно за хранение платья. И эти подлые правила утверждены правительственным лицом, фабричным инспектором.

Работницы нашей фабрики, когда им пришлось плохо в прошлом году, устроили стачку и завоевали себе лучшую долю. Неужели у нас меньше мужества и стойкости? Пока мы будем молчаливо покорны, наше положение не улучшится. Только борьбой можем мы повысить нашу плату, и теперь самый удобный момент для борьбы: фабрики завалены заказами, и каждый день остановки в работе принесет хозяину громадный убыток, он должен будет согласиться на наши требования. Уже не раз петербургские рабочие разных фабрик и заводов убеждались, что действуя дружно, они располагают громадной силой, с помощью которой могут добиться всего, что им надо. Не даром, в последнее время стачки стали так часты. Пора и нам показать своему хозяину, что мы также способны действовать дружно и силой единодушия сломить силу его капитала.

Смелее, товарищи. Все за одного и один за всех. Предъявим свои требования и, если их не исполнят, объявим стачку[1].

Вот наши требования:

1) Чтобы выработка ни у кого не была меньше [2]0 р. в месяц.

2) Чтобы работа продолжалась с семи с половиною часов утра до семи вечера, с обеденным перерывом на полтора часа.

3) Чтобы мастера не смели налагать неправильные штрафы.

4) Чтобы порчу материалов и инструментов не заставляли оплачивать тройною их стоимостью, а взыскивали бы простую плату.

5) Чтобы был уничтожен гардеробный сбор.

19 июля 1896 г.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 29 × 19 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VII. 19.

45. 19 июля 1896 г.

К РАБОЧИМ ФАБРИКИ ПАЛЯ.

Товарищи, когда полтора месяца тому назад мы решили, что невозможно жить на те гроши, которыми оплачивается наш труд, и объявили стачку, как единственное верное средство улучшить наше положение, министр финансов в своем листке назвал наши действия незаконными. Посмотрим теперь, много-ли законности в действиях нашего хозяина — а он[2], как и все хоз[яева], в милости у министров. Возьмем хоть штрафы. В законе сказано: штраф дозволяется за неисправную работу по вине рабочего. А разве мы виноваты, что нам дают уток, такую дрянь, что он рвется ежеминутно, а за прометки нас штрафуют. Эти штрафы незаконны. А куда они идут? В книжке тебе записывается, скажем, 30 к. штрафу, а в штрафной книге стоит палочками 3 к., значит 27 коп. идут в широкий карман г. Паля. Это выходит

[1] *Разрядке в подлиннике соответствует пропись.*
[2] *В подлиннике:* она.

законно. В законе сказано: при производстве рабочим платежей не дозволяется делать вычетов на уплату их долгов. А у нас всегда вычитают долги лавочникам, и контора пользуется при этом процентами. Это, видно, законно? А какова у нас выработка? За кусок миткаля в 80 арш. платят 55 к., а в день больше трех четвертей куска не выработаешь. За кусок марли—29 к., а в ночь больше куска опять не выработаешь.

Расценки утверждаются чиновником правительства — фабричным инспектором. Значит, правительство думает, что это законно, если рабочие живут впроголодь. А когда мы, выведенные голодом из терпения, хватаемся за единственное тяжелое для нас средство улучшить свое положение — стачку, нас расчитывают, бросают в тюрьмы, высылают и, кажется, готовы съесть нас живыми, если бы забыли, что никто другой, как мы сами, создаем все богатства. Если законы существуют для того, чтобы держать нас в рабстве у хозяев, защищать их грабежи и подлости, то к чорту такие законы. Будем добиваться таких законов, которые на самом деле были бы нам полезны. Пусть же каждый из вас, где бы он ни был — на фабрике, в кругу товарищей, или на своей жесткой постели, пусть каждый помнит, что наша великая борьба за общее рабочее дело только еще началась, и мы кончим ее только тогда, когда добьемся, чего нам нужно: короткого рабочего дня и высокой платы.

Будем же всегда готовы к этой борьбе.

19 июля 1896 года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 1 стр., 31½ × 19. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VII. 19.
Автор: М. А. Сильвин (по его указанию).

46. 24 июля 1896 г.

К РАБОЧИМ БАЛТИЙСКОГО ЗАВОДА.

Товарищи[1], скупо откликнулось начальство на наши требования: чернорабочим прибавили по 5 к., да экстру уба-

[1] *В подлиннике разрядке соответствует пропись.*

вили на 1 час, не повысив ни на грош расценка. Много ли в этом толку? Неужели мы удовольствуемся такими жалкими уступками? Мастера по прежнему распоряжаются по произволу над нами, издеваются самым бессовестным образом. Так, сборочный мастер С. Ильин вымогает взятки при найме рабочих. Тот же Ильин и И. Сидоров, клепальный подмастерье, позволяют себе бить подручных, а за малую провинность выгоняют «гулять» на неделю. Сборочный подмастерье Ф. Алексеев наживается с артели, с которой дерет по 2 р. 50 к. за отвратительное помещение. Мастер Н. Гаврилов платит своим землякам больше, чем другим, а нахал С. Платонов осмеливается требовать от рабочих, чтобы они для повышения своего заработка приводили к нему своих жен.

Такие то издевательства приходится выносить рабочему. А если кто вздумает воспротивиться обидчику — с ним не долог разговор: тотчас же получай расчет. С рабочим мало церемонятся. Знают, что на его место найдут другого. Знают, что за стенами завода всегда есть много рабочих, напрасно ищущих работы. Начальство само заботится, чтобы это всегда так было. Оно для этой цели назначило длинный рабочий день, да еще в придачу — экстру. Хитрая штука эта экстра. Она придумана нарочно для того, чтобы держать рабочего в вечном страхе, повиновении. Начальство видит, что работы много, что ее, пожалуй, хватит на всех и тогда не так-то легко будет пугать рабочего расчетом, потому что некем будет его заменить. И вот оно надумало нанимать рабочих меньше, чем требуется, и наваливать на них возможно больше работы. А чтобы лучше обморочить рабочих, начальство дало этой лишней работе другое название: это, мол, работа не постоянная, а экстренная, по экстренному случаю, и плата за нее большая... И все это обман, потому что этот «экстренный» случай повторяется из недели в неделю, и одна работа от другой ничем не отличается. И высшая плата за экстру — тоже обман, потому что не будь вовсе экстренной работы, пришлось бы повысить цеховую плату. — Все это придумано для того только, чтобы держать возможно меньше рабочих в мастерской, и оставлять возможно больше без работы про запас, на случай, если начальству вздумается кого-либо выгнать.

Так то хитро начальство оплело рабочих: одних оно морит до изнурения работой в мастерской, других заставляет гибнуть без работы с голоду... Хитрее придумать нельзя было.

Непрерывная работа поглощает все наши силы: оставляя нам лишь время (и то так же скупо, как и заработную плату),

необходимое для сна, она не дает нам возможности жить по человечески. Мы должны, поэтому, прежде всего настаивать на сокращении нашего рабочего дня, уничтожении сверхсрочной работы и на повышении расценков для сохранения прежнего заработка.

Мы должны, затем, настаивать на исполнении других заявленных уже нами требований, чтобы заработок наш определялся по точно установленным расценкам без всяких ограничений и вычетов; наконец, чтобы были прекращены другие беззакония и злоупотребления администрации, и несправедливые, стеснительные порядки.

Братцы [1], пора положить конец всем этим безобразиям. Каждый отдельный рабочий, действительно, беспомощен против наших угнетателей, но не так то легко сладят они со всеми нами, когда мы будем все вместе защищать наши общие интересы, готовые броситься в общую дружную борьбу с нашими притеснителями.

Потребуемте, товарищи:

1) Чтобы уничтожили сверхсрочную работу (экстру) и установили восьмичасовой рабочий день.

2) Чтобы повысили расценок на штучную работу на 10%, а чернорабочим (поденщикам) повысили плату до 1 рубля.

3) Чтобы не ограбывали заработка процентами и платили по расценкам полностью, а для этого шнуровые расценочные книги должны быть прикреплены к столу в каждой мастерской на виду для всех.

4) Чтобы выдавали штучные книжки для записи работы.

5) Чтобы уничтожили вычеты процентов в кассу и роздали деньги из нее обратно.

6) Чтобы уничтожили обыск при выходе из завода.

7) Чтобы заработок выдавали в рабочее время.

8) Чтобы в столярной и модельной мастерской выдавали казенные инструменты. Чтобы плотничьи топоры были казенные.

24 июля 1896 г.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; 2 стр., 30 × 18½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VII. 24.

Авторы: Ф. В. Ленник и М. А. Сильвин (по указанию М. А. Сильвина).

[1] *В подлиннике разрядке соответствует пропись.*

47. 25 июля 1896 г.

К РАБОЧИМ ВАРШАВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.

Товарищи[1], рабочие других фабрик и заводов давно уже поняли, как скверно их положение; поняли также, что единственный выход из этого положения — дружная и упорная борьба с притеснителями-хозяевами и начальством. Они увидели, что рабочему человеку нечего ждать милости хозяев и начальства, не дождешься ее. Не о том думают наши угнетатели, как помочь нам, только о кармане своем заботятся они, а карман этот набивают нашим трудом, нашим потом и кровью. Чем нам хуже живется, чем дешевле продаем мы свой труд, тем туже набиваются их карманы. Все это поняли наши товарищи с других фабрик и заводов и решили собственными силами добиваться лучшей доли; а сила рабочего люда велика, при дружном единении ничто не устоит перед нею.

А мы, товарищи? Неужто мы хуже людей, что все молчим, да терпим притеснения и унижения? Нет, братцы, все хуже и хуже нам при таком терпении. Недавно еще у нас не было штрафов за прогул, а просто не платили за пропущенные часы; теперь же ввели штрафы: за пол дня штрафуют пол днем, за день — днем. А чтобы побольше обирать нас, начальство придумало не пускать на работу до обеда опоздавших более, чем на 5 минут; на работу не пустят, да еще пол днем оштрафуют. Вот нам первая награда за наше терпение да молчание.

Вывесили недавно у нас объявление, что проездные билеты — милость начальства. Раньше мы всегда пользовались семейными билетами, а теперь их выдают только на одного на 200 верст, да и то требуют «уважительной» причины; известно всякому: вот мастера и монтеры шпионят за нами и наушничают начальству, им и полагаются билеты по всем дорогам и сезонные на дачу. Им — все, а рабочему человеку — ничего. Вот нам еще ласка за терпение.

На многих казенных заводах, например, на Балтийском, по субботам кончают в 2 часа, мы же работаем до 6 с половиною часов.

В царские же дни нас заставляют гулять и не платят за них ничего. Справедливо-ли это, товарищи? У нас чернорабочий за каторжный труд получает 65 коп. в день, а тут изволь праздновать все рождения, да... [2].

---

[1] *В подлиннике разрядке соответствует пропись.*

[2] *Из-за лопнувшей трафаретки замазано краскою 3 — 4 слова.*

Нет, уж если хотят, чтобы мы гуляли царские дни, то пусть платят за них. Товарищи, мы можем добиться, чтобы нам платили за царские дни и чтобы в субботу шабашили в 2 часа; начальство сказало им, что этого нельзя сделать для одной только дороги, а нужно ввести на всех сразу. Стало быть, дело за нами. Потребуем того-же, чего требовали наши товарищи в мастерских Николаевской дороги.

Как заботится о нас начальство, показывает заведенная им касса для выдачи пособий на случай смерти. Проценты с каждого рубля с нас собирают, а кому выдают из кассы? То одному штатному служащему 50 р. на лечение минеральными водами, то другому на квартиру 25 руб., то начальнику станции на образование детей 50 р. А умрет наш брат, вдове выдают 10 целковых. Славно распоряжаются нашими денежками, хороша и забота о нас. Нет, уж не надо нам никакой кассы, если начальство будет заведывать ею.

Вот, товарищи, мы видим, какая ласка нам идет от начальства за наше терпение и молчание. Так не пора-ли нам бросить это терпение и, подобно нашим братьям, рабочим всего мира, самим приняться за улучшение нашей доли, за борьбу с угнетателями. Не пора-ли нам подать друг другу свои мозолистые, трудовые руки и дружно встать на защиту своих прав?

Товарищи, на первый раз потребуем немногого:

1) Отменить штрафы за прогул; номера принимать в течении получаса, а не 5 минут, как теперь.

2) Плату чернорабочим повысить до 1 рубля.

3) По субботам шабашить в 2 часа, с выдачей получки до двух.

4) За царские дни платить поденное жалование.

5) По прежнему выдавать семейные билеты по всем дорогам без указания причин.

6) Уничтожить «мертвую» кассу и выдать обратно сполна и с процентами взносы за 1895 и 1896 годы.

Если наши требования не будут исполнены — забастуем.

25 июля 1896 года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., $29^1/_2 \times 18^1/_2$ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VII. 26.

Авторы: Ф. В. Ленник и М. А. Сильвин (по указанию М. А. Сильвина).

48. 30 июля 1896 г.

К РАБОЧИМ ПИСЧЕБУМАЖНОЙ ФАБРИКИ ВАРГУНИНА.

Товарищи, два месяца назад наше положение немного улучшилось: в тряпичном отделении работницы были переведены с задельной платы на поденную, что увеличило их заработок с 12 к. до 60 к. в день; тряпичный приказчик и мастерица были удалены. Но не долго продолжалась наша радость. Недавно работницы тряпичного отделения снова переведены на задельную плату и заработок их понизился до 20 к. в день; работаем мы по прежнему сменами по 12 ч. без минуты перерыва, а между тем недалеко от нас у Семяникова при 8-часовой смене все-таки дается 15 м. на завтрак; но хозяин наш заботится только о том, чтобы брюхо было сыто, да карман набит потолще; он богатеет от нашего труда и не упускает ни одного случая поживиться на счет рабочего человека.

Плата за комнаты повышена с 2 р. до 5 р. только потому, что в них были пробиты окна; и такая ростовщическая плата берется за помещения в фабричной конуре — казарме, где житье чисто тюремное: с 10 часов вечера и до 5 ч. утра нас запирают на замок и, например, чтобы отправиться за доктором для роженицы, приходится спускаться из окна по веревке.

Хозяин рад поприжать нас, чем только может: прежде вдовы рабочих получали пенсию от фабрики, недавно же директор Варгунин заявил, что в будущем пенсии назначаться не будут.

А произвол фабричного начальства уменьшился? Какой там... Штрафы по прежнему ставят прогульными днями, причем, за пол дня опоздания ставят два дня прогула. Штраф этот идет вопреки закону в карман хозяина, но он прекрасно знает, что законы писаны для того только, чтобы держать рабочих в покорности и страхе, он знает, что, сколько он ни нарушай закон, ему за это ничего не будет; знаем и мы, кто пишет у нас законы: все они одним миром мазаны.

В окончательном отделении управляющий Шендзиковский и мастер Куксин работницам вместо заработных 20 р. выдают 12—15 р. для того, дескать, чтобы жены рабочих не могли шляпок носить, а то от их жен не отличишь, — так им обидно. Это ли еще не издевательство над рабочим человеком.

Только любимчикам-кляузникам, как подмастерье механического отделения Филимонов, и живется хорошо. Товарищи, будем помнить, что в деле улучшения нашего положения мы можем надеяться только на самих себя: каждый из нас в отдельности ничто, все вместе мы представляем силу, которой боятся фабриканты, боится правительство; будем помнить, что не[1] молчаливым и покорным послушанием, а только громким заявлением своих требований, только стачкой[2] можем мы достигнуть улучшения нашей доли.

30 июля 1896 года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 29½×19 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VIII. 30.

49. *Июль 1896 г.*

К РАБОЧИМ КОЛПИНСКОГО ЗАВОДА.

Товарищи! Наши братья, петербургские рабочие, поняли свое бедственное положение и всюду уже добиваются повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и улучшения условий работы. Не удивительно, если притесняют хозяева-фабриканты — они заботятся только о своих барышах и стараются получить их больше. Наш хозяин — правительство, которое всегда заявляет себя защитником рабочих, а между тем нас так же прижимают, как и на частных заводах и фабриках. За нелегкой работой проводим мы по 12 часов в сутки на заводе; не всегда и отдых дается во время этой работы. В ночную смену отдыха нет, а в вальцовке рабочие принуждены и обедать за работой. И за этот тяжелый труд мы получаем такую ничтожную плату, на которую едва можно прожить.

Но этого мало нашему попечительному начальству: желая казаться нашим благодетелем, оно устроило сберегательную кассу для рабочих, для помощи их вдовам, больным старикам. В эту кассу идут наши трудовые денежки, по 1 копейке с рубля, — но чтобы была оказана помощь кому

[1] *В подлиннике:* не только *и далее:* а громким.
[2] *В подлиннике прописью.*

либо, об этом мы что-то не слыхали, да и отчета об этих деньгах начальство не дает.

За каторжный наш труд под старость нас ждет нищета. Наш новый управляющий гонит теперь с завода стариков, а пенсии им не выдает.

Товарищи! Скверно наше положение. Откуда же ждать нам его улучшения? Не от нашего ли начальства, которое выжимает из нас все наши силы?

Нет, мы можем надеяться на самих себя.

Потребуем же[1]:

1) Чтобы рабочий день продолжался восемь часов с полутора часовым перерывом на обед и отдых.

2) Чтобы нам повысили заработную плату.

3) Чтобы выборные от рабочих проверяли сберегательную кассу.

4) Чтобы выдавали пенсию старикам и всем потерявшим способность к труду на заводе.

Дружно, товарищи, заявим наши требования начальству. Оно должно будет уступить нам, все мы встанем, как один человек. Все за одного и один за всех. В единении наша сила. Только таким путем мы добьемся улучшения своей доли.

Смелей, товарищи!

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

Июль 1896 г.

По подлиннику; мим., 2 стр., 27½×18 см. Государственный Музей революции в Ленинграде.

50. 2 августа 1896 г.

К РАБОЧИМ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЧУГУННОГО ЗАВОДА И ВАРШАВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.

Товарищи[2], в начале июля в мастерских Московско-Курской железной дороги была стачка, окончившаяся полной победой рабочих: все их требования были исполнены.

Рабочие уже раньше были недовольны заводскими порядками — тем, что расценки низки, мастера придираются и т. д. А когда коронационные дни приравняли прогулу,

[1] *В подлиннике прописью.*

[2] *В подлиннике разрядке соответствует пропись.*

недовольство охватило даже самых смирных. А тут еще в июне на стенах мастерских появились листки, в которых излагались требования петербургских рабочих. Хотя начальство их скоро сорвало, но с содержанием все таки успели ознакомиться. Однако не сразу столковались и надумались наши московские товарищи и только 2 июля после обеда около 1000 человек прекратили работу (всего в мастерских около 1200 чел.). Несколько выборных отправились к начальству с просьбой сказать окончательно, заплатят-ли за коронационные дни. Получив отказ, все оставили работу. Начальство всполошилось, послало за властями — дескать «бунт». Приехал жандармский полковник; на его вопрос, что им нужно, рабочие сказали, чтобы прежде удалили заводское начальство; когда это было исполнено, они заявили требования:

1) уплатить им за коронационные дни;

2) уплатить за день освящения императорского поезда, в который они хотя и не работали, но были вызваны в мастерские к молебну и даже номера свои в контрольной будке вешали;

3) повысить расценки;

4) отменить циркуляр, коим положено платить за день в болезни, как за четверть дня, тогда как в рабочих книжках стоит — за пол дня;

5) обуздать произвол мастеров, которые изменяют иногда плату уже по окончании работы.

Жандармский полковник сказал, что за коронационные дни не полагается платить. Рабочие указали ему, что в Петербурге уже уплочено. Затем, узнав, что на молебен они были вызваны и не могли не явиться, он признал справедливым и второе требование; согласился он и с четвертым пунктом, повернулся и пошел в контору, сказав, что переговорит с начальством. Через несколько минут начальство дало слово исполнить все требования рабочих сполна, но они не успокоились и заявили, чтобы было уплочено и за этот потерянный день. Заскрежетав зубами от злости, начальник вынужден был согласиться и на это. На другой день 3 июля все вышли на работу. Требования рабочих были сообщены немедленно в Петербург, в управление казенных железных дорог, а 5 июля жандармский полковник сам уже читал во всех мастерских Московско-Курской железной дороги телеграмму из управления, сообщающую, что все требования рабочих удовлетворяются.

Итак, дружно, спокойно и быстро, даже ни одного дня не было потеряно, даже ни один из товарищей не поплатился.

Эта картина показывает рабочим лучше всяких объяснений и толкований, должны-ли они безропотно ждать справедливости, как милости, от начальства, или должны ее требовать, и как должны требовать: настойчиво, дружно и в то же время спокойно.

2 августа 1896 года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 27½×17 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VIII. 2.

51. 6 августа 1896 г.

К РАБОЧИМ БУМАГОПРЯДИЛЬНЫХ И ТКАЦКИХ ФАБРИК.

Товарищи, фабриканты, инспектора, полицейские, жандармы и министры — все в один голос уверяют нас, что об нас думают, что наше положение улучшат [1], как только это будет возможно.

Наглый обман, вопиющая ложь [2].

Если бы они действительно думали не только о своем кармане, но также и о нашем положении, то именно теперь они могли бы это доказать нам. Нет случая более удобного. Цена хлопка сильно понизилась, производство суровья обходится на пол копейки с аршина дешевле. Между тем спрос на пряжу и суровье велик, товар идет на расхват. Фабриканты пользуются этим, держат цены высоко и получают лишних против прежняго 60-80 к. прибыли в день с каждого рабочего. И что же? При таких счастливых обстоятельствах подумали-ли они о нас, своим тяжелым трудом изготовляющих этот прибыльный товар? Подумали-ли о том, что не грех бы и рабочему уделить частичку неожиданной прибыли? Нет. Они предпочитают опустить все в свой собственный карман. И не лгут-ли [3] они, когда объясняют низкую заработную плату будто-бы плохими

---

[1] *Б:* Что наше положение улучшается и еще улучшат.
[2] *Б: далее абзаца нет.*
[3] *Б: с абзаца* — Не лгут-ли.

обстоятельствами? Разве теперь они воспользовались благоприятными обстоятельствами для повышения платы? Они загребают огромные барыши, а мы? Улучшилось ли хоть сколько-нибудь наше положение? По прежнему мы надрываемся над работой — 13-14 ч. в день, по прежнему получаем ничтожное вознаграждение, по прежнему ведем полуголодную жизнь. Изнурение, болезни, преждевременная смерть — вот наши барыши... Что же делать? Помириться-ли с нашим положением и довольствоваться тем, что наши хозяева набивают мошну? Ждать-ли, пока они о нас подумают? Но долго-ли будем ждать-то? Они не помнят о нас теперь, — когда-же вспомнят? Когда пройдет горячая пора, когда барыши будут лежать спокойно в железных шкафах, товару будет наготовлено довольно, в рабочих руках будет меньше нужды?... Тогда они действительно подумают о нас. Тогда они подумают о том, как бы урвать еще больше из нашей и без того низкой платы, ссылаясь на застой [1] в делах...

Так-то, товарищи, никто не вспомнит о нас, если мы сами не напомним о себе, никто не поможет нам, если мы сами не возьмем в свои руки святое рабочее дело.

Мы видели, как наша стачка всполошила правительство и заставила его подумать о законе, сокращающем длину рабочего дня.

Не остановимся-же, братья, на этом первом шаге, заставим подумать о всех наших нуждах, и прежде всего о повышении платы.

Будем смело идти по нашему тяжелому, но славному пути, рука об руку с рабочими всех стран.

Потребуем от наших хозяев и правительства не обманчивых речей, а действительного улучшения нашего положения [2].

6-го августа 1896 года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 5 стр., 28 × 19 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. VIII. 6 (А). — Другое издание: мим., 2 стр., 28 × 19 см. Архив революции и внешней политики, Дело департамента полиции, 3 дел., 1896 г., т. 580, т. 3, л. 6 (Б).

[1] *А:* застой *не отпечаталось; вписано от руки чернилами.*
[2] *Б: последний абзац прописью.*

52. 15 сентября 1896 г.

КО ВСЕМ С.-ПЕТЕРБУРСКИМ РАБОЧИМ.

Товарищи! Целый ряд волнений последнего года на фабриках Лаферма, Торнтона и других закончился огромной 30-ти тысячной стачкой ткачей и прядильщиков, весть о которой разнеслась далеко за пределы России. Отныне русский рабочий в своей борьбе примкнул к международной рабочей семье, ко всему рабочему классу. Восторженно приветствовали заграничные рабочие на международном социалистическом конгрессе в Лондоне Плеханова, представителя петербургского «Союза», когда он упомянул о нашей стачке. Эта же стачка так напугала наше попечительное правительство. Пусть оно гнусной ложью обманывает других, уменьшая более, чем вдвое, число забастовавших, утверждая, будто рабочие не поддерживали друг друга; — себя оно этими выдумками не обманет. Оно увидело, что рабочие уже больше не покорное стадо баранов, оно поняло, что сплоченная рабочая масса, дружно действующая за свои интересы, представляет грозную силу, которой не уничтожить ни льстивыми обещаниями, ни даже оружием. Оно поняло это — и спохватилось. И вот, читаем в газетах, — «правительство в настоящее время озабочено введением улучшений в быте рабочих». Правда, мы из собственного горького опыта знаем, что обещание правительства — это только журавль в небе, и что без настойчивых требований с нашей стороны нам не дадут даже и того, что обещают. Но для нас уже важно, что рабочих признают за силу, с ними разговаривают, их желают задобрить. Все это, товарищи, убеждает нас, что во всем мире есть лишь одна сила, которая может облегчить наше положение: эта сила — мы сами. Лишь слив свои интересы воедино, лишь выступая целой массой в дружной совместной борьбе, можем мы добиться действительного облегчения нашей общей участи.

Петербургские рабочие и работницы! Наш союз, причинивший столько хлопот и огорчений фабрикантам и правительству, «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», вступает во второй год своего существования. Славный это был для нас год. Суровая борьба научила нас многому. Мы стали сознательнее, стали лучше понимать общие нам всем интересы и задачи. Мы знаем теперь, как необходимо нам право беспрепятственно устраивать стачки, союзы, кассы и собрания для обсуждения наших общих дел.

Пусть же и впредь не угаснет в нас этот луч сознания. Собравшись с силами, несмотря ни на какие преследования, будем неустанной борьбой, шаг за шагом завоевывать себе все новые уступки. Смело и бодро пойдем по прямой и широкой дороге рука об руку с рабочими всего мира — к нашей великой конечной цели — полному освобождению рабочего класса от гнета капитала[1].

15-го сентября 1896 года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 29×18½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. IX. 15.

Автор: Б. И. Горев (его Из партийного прошлого. Ленинград, 1924, стр. 28).

Напечатано: «Листок работника», 1896, № 1, стр. 18-19; «Социал-демократический календарь на 1902 г.». Женева, 1902, стр. 206; Б. Горев, Из партийного прошлого, Ленинград, 1924, стр. 86-87; Б. Струмилло, Старая гвардия. Ленинград 1926, стр. 265-266.

53. Около 15 сентября 1896 г.

К РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ.

Мы обращаемся ко всем тем, кому дороги интересы рабочего класса, кто не безучастен к начатой рабочими великой борьбе против тяжелого ярма капитала. В этот достопамятный год русский рабочий открыто примкнул к мировой социальной борьбе. Вам известны стачки этого года. Пусть известны вам будут и тысячи жертв, засаженных в тюрьмы, сосланных, высланных и всячески обездоленных. Число же арестованных бойцов-рабочих во время лишь одной последней с.-петербургской стачки 18 фабрик превышает 1000 человек.

Мы зовем тех из вас, кому дороги интересы людей[2] не слов, но дела, зовем оказать им[2] посильную помощь.

Сентября 1896 года. С-Петербург.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

---

[1] *В подлиннике прописью.*

[2] *В подлиннике* людей *и* им *вписано печатными буквами чернилами от руки.*

По подлиннику; мим., 1 стр., 12½ × 18 см. Библиотека ИМЭЛ 15. 1896. IX. 15.

Основание датировки: одновременность ее рассылки с № 52 (см. примечание).

Напечатано: «Листок работника», 1896, № 1, стр. 8.

54. 4 октября 1896 г.

К РАБОЧИМ БУМАГОПРЯДИЛЬНОЙ ФАБРИКИ ЗОТОВА В Г. КОСТРОМЕ.

Товарищи! Петербургская рабочая организация — Союз борьбы за освобождение рабочего класса, считая стачку костромских рабочих делом всего рабочего класса, шлет вам первую помощь и предлагает дальнейшую поддержку.

Дружно стойте, товарищи, за правое дело!

С. Петербург, 4-го октября 1896 года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По копии. Архив ИМЭЛ, тетрадь Б. Н. Кричевского, стр. 158. Автор: Б. И. Горев (по его указанию).

55. 12 ноября 1896 г.

К РАБОЧИМ ПУТИЛОВСКОГО ЗАВОДА.

Товарищи! [1] Давно ли директор завода дружески поздравлял нас при выпуске 200-го паровоза, называл нас товарищами? Давно-ли товарищество Путиловского завода выразило свои дружелюбные чувства к нам в форме 200-рублевой подачки рабочим паровозо-механической мастерской (по четвертаку на брата пришлось)? Директор и с праздником нас поздравил, жаль, что праздновать не пришлось. И что же? Вот уж через две недели после торжества начальство спешит вернуть с лихвой выданные на «водку» 200 руб.: объявлена сбавка в паровозо-механической мастерской: со щек сбавлено 25% (вместо 4 руб.—3 руб.); объявлена сбавка в вагонной токарям в 200 руб. с вагона: 20 коп. с оси, 2½ с буфера, 2 со стяжных винтов, 1 с планок, четверть с заклепок, 1 коп. с диска, пол коп. с пальцев. Начальство

[1] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

не потрудилось даже нас о сбавке за 2 недели уведомить, как то полагается по закону (статья 96-ая), о чем говорится и в расчетных книжках. Наше начальство не промах: одну руку оно дружески протягивает рабочим, поддерживая «патриархальные отношения с рабочими», о которых говорил как-то министр финансов, а другою вытаскивает из кармана рабочего потом и кровью заработанные гроши. И чем больше рабочий трудится, чем больше изнуряет себя за работой, тем больше грошей кладут себе в карман хозяева, все сбавляя и сбавляя расценки. Где же рабочему искать поддержки? Уж не в правительстве ли, которое даже на принадлежащем ему Балтийском заводе выбрасывает на улицу сотни рабочих, за сокращением работы, — которое во время летней стачки так старательно охраняло интересы фабрикантов, которое говорит, что, если хозяева по добродушию или под влиянием угроз и согласятся на уступки, то таковые считать недействительными. Как фабрикантам и заводчикам, так и правительству выгоднее, разумеется, прижимать рабочего так, чтобы он не замечал этих прижимок, чтобы он же и благодарил господ начальников. — «Спасибо мол, что не все выжали». Вот, напр., когда Хржановский, начальник паровозо-механической мастерской, ушел от нас, так нашлись подлизалы среди рабочих, которые просили разрешения устроить в мастерской сбор на подарок г. начальнику. За разрешением дело не стало, но увы... горячей привязанности рабочих к начальнику не хватило на подарок ему. Действительно, отношения патриархальные: хозяева выражают признательность рабочим, рабочие начальнику мастерской. Рабочие покупают иконостас, чтобы молиться за попечительное начальство, а при патриархальных отношениях закон и обойти можно. В самом деле, что за счеты между товарищами? Но вот и опять обратная сторона медали: переносят станки из старой механической в лафетную. Что же, можно думать, что такие благодетели, как хозяева Путиловского завода, не захотят лишать заработка рабочих в дни невольного прогула, во время переноски станков (ведь когда рабочий по своей вине прогуляет, с него берется штраф, иногда даже за неявку в праздник во время спешной работы). Ничуть не бывало: машина ли сломается, как это нередко бывает, станки ли переносят, как теперь, рабочий гуляет, не получая за свой вынужденный прогул ни гроша; потом, если хочешь, наверстывай прогульный день, работай до упаду, а начальство скажет: «много зарабатываешь, дай-ка я тебе сбавлю, а то разжиреешь». Нет, това-

рищи! Не верьте тем басням, которые рассказывает вам министр финансов в своих прокламациях: что «правительству одинаково дороги интересы как фабрикантов, так и рабочих», не верьте в дружеские чувства попечительных хозяев, не поддавайтесь на удочку, когда сбавляют расценку не всем. Рабочие лафетной, кузницы, стале-прокатной и др. мастерских, знайте, что если вас не коснулась сбавка сегодня, она коснется вас завтра. Помните, товарищи, что, если начальство и не сбавило сразу во всех мастерских, так только потому, что ему страшна масса рабочих: если оно перетрусило, когда 100 человек слесарей бросило работу нынешним летом, что же ему делать, если весь завод в 12.000 поднимется, как один человек. Помните, что хозяева нарочно разрозниваютъ рабочих, сбавляя по частям, а порой даже прибавляя одним, когда сбавляют другим. Вот теперь, когда работы на заводе мало, оно не побоялось сделать сбавки многим, а то ведь все время почти сбавки бывают по частям, о которых даже и не знают другие рабочие, кроме тех, кому сбавлено. Не проведут нас ни министерские басни, ни хозяйские подачки.

Пробьет час, и рабочие сбросят позорный гнет хозяев и правительства. Все за одного, один за всех! Нужно твердо помнить это, и разлетятся хозяйские козни. Нам нужны союзы для борьбы с хозяевами, нужны кассы. У нас все запрещено, так как правительство поддерживает хозяев. Есть одна сила, на которую мы можем положиться: эта сила — мы сами. Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих!

С.-Петербург. 12-го ноября 1896 года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 5 стр., 27 × 18 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. XI. 12.
Автор: В. Н. Катин-Ярцев (по указанию Б. И. Горева).

56. 14 ноября 1896 г.

К РАБОЧИМ БАЛТИЙСКОГО ЗАВОДА.

Товарищи! [1] Нечего сказать, славные дела творятся у нас на заводе. Целые партии рабочих из механической и

[1] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

корабельной мастерской выбрасываются на улицу «за сокращением работы» и оставляются без куска хлеба; не жалеют и стариков, по 10 лет трудившихся для завода.

Наш отец-благодетель, министр финансов Витте, заявил нынешним летом в своей «прокламации» к прядильщикам, что «правительству одинаково дороги интересы фабрикантов и рабочих». Оно и видно. На правительственном Балтийском заводе, когда работы много, нас замучивают «экстрой», держат за работой по 14 часов в сутки, заставляют трудиться ночи напролет, — а работы уменьшились, — вон на мостовую без разговора. Мало того: дать расчет многим сразу само начальство считает опасным; поэтому оно прибегает к хитрости и желает донять нас не мытьем, так катаньем: вывесили объявление, что за куренье в мастерской полагается расчет. Такого сурового наказания за пустяшный проступок нет ни в одном заводе, кроме нашего. Этим распоряжением нас отдают окончательно в руки мастеров, которые угрозой расчета могут нас заставить делать все, что угодно. Уже и так к позору нашего начальства у нас процветает самое беззастенчивое взяточничество: все мы знаем, что в корабельной мастерской мастер Василий Сергеев без всякого стеснения берет по 10 р. с каждого поступающего плотника; а теперь, когда там расчитали первую партию, некоторые рабочие откупились от расчета взяткою. Этого мастера раз уже удалили за взяточничество, но управляющий затем снова принял его. Видно рука руку моет.

Что же это, товарищи? До каких пор будем мы терпеливо сносить произвол нашего начальства? Или станем дожидаться того времени, когда нас в бараний рог согнут и станут из нас веревки вить? Сегодня прогонят одного, завтра другого; сегодня расчитывают в механической мастерской, завтра то же будет в котельной. У нас у всех общая участь: трудиться до истощения сил для того, чтоб потом голодать: производить все богатства для того, чтобы кучка тунеядцев могла пировать, а правительство могло вести войны и содержать нашим трудом сотни тысяч солдат, полицейских и сыщиков против нас же, против рабочего люда.

Нет, товарищи! Мы не будем больше, сложа руки, терпеть такой порядок. И мы, русские рабочие, начинаем понемногу вырываться из тех сетей невежества и рабства, которыми нас опутали фабриканты и правительство. Мы знаем теперь, что только встав, как один человек, на защиту своих прав против всех наших притеснителей, только

дружной борьбой можем мы улучшить нашу участь. Так будем же объединяться для борьбы, будем собирать наши разрозненные пока силы, устраивать союзы и кассы; будем бороться неустанно, до тех пор, пока не пробьет час нашего освобождения.

С. Петербург, 14-го ноября 1896 г.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 27 × 17 см. Архив революции и внешней политики, дело департамента полиции, 3 дел., 1896 г., № 580, т. 3, л. 123.
Автор: Б. И. Горев (по его указанию).

57. Не позже 23 ноября 1896 г.

СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

ЦАРСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

В настоящем 1896 году русское правительство вот уже два раза обращалось к публике с сообщением о борьбе рабочих против фабрикантов. В других государствах такие сообщения не в редкость, — там не прячут того, что происходит в государстве, и газеты свободно печатают известия о стачках. Но в России правительство пуще огня боится огласки фабричных порядков и происшествий: оно запретило писать в газетах о стачках, оно запретило фабричным инспекторам печатать свои отчеты, оно даже перестало разбирать дела о стачках в обыкновенных судах, открытых для публики, одним словом, оно приняло все меры, чтобы сохранить в строгой тайне все, что делается на фабриках и среди рабочих. И вдруг все эти полицейские ухищрения разлетаются, как мыльный пузырь, и правительство само вынуждено открыто говорить о том, что рабочие ведут борьбу с фабрикантами. Чем вызвана такая перемена? — В 1895 году было особенно много рабочих стачек. Да, но стачки бывали и прежде, и однако правительство умело не нарушать тайны, и эти стачки проходили безгласно для всей массы рабочих. Нынешние стачки были гораздо сильнее предыдущих и сосредоточены в одном

месте. Да, но и прежде бывали не менее сильные стачки, — напр., в 1885 — 6 годах в Московской и Владимирской губ. — Но правительство все-таки еще крепилось и не заговаривало о борьбе рабочих с фабрикантами. Отчего же на этот раз оно заговорило? Оттого, что на этот раз на помощь рабочим пришли социалисты, которые помогли рабочим разъяснить дело, огласить его повсюду, и среди рабочих и в обществе, изложить точно требования рабочих, показать всем недобросовестность и дикие насилия правительства. Правительство увидело, что становится совсем глупо молчать, когда все знают о стачках, — и оно тоже потянулось за всеми. Листки социалистов потребовали правительство к ответу, и правительство явилось и дало ответ.

Посмотрим, каков был ответ.

Сначала правительство пыталось уклониться от гласного и публичного ответа. Один из министров, министр финансов Витте, разослал циркуляр фабричным инспекторам, и в этом циркуляре обзывал рабочих и социалистов «злейшими врагами общественного порядка», советовал фабричным инспекторам запугивать рабочих, уверять их, что правительство запретит фабрикантам делать уступки, указывать им на хорошие побуждения и благородный помысел фабрикантов, говорить о том, как фабриканты заботятся о рабочих и их нуждах, как фабриканты полны «хороших чувств». О самых стачках правительство не говорило, оно не сказало ни слова о том, из-за чего были стачки, в чем состояли безобразные притеснения фабрикантов и нарушения закона; чего добивались рабочие; одним словом, оно прямо-таки изолгало[1] все бывшие летом и осенью 95-го года стачки, попыталось отделаться избитыми казенными фразами о насильственных и «противозаконных» действиях рабочих, хотя рабочие не делали насилий: насильничала одна только полиция. Министр хотел оставить этот циркуляр в тайне, но сами чиновники, которым он вверил ее, не сдержали тайну, и циркуляр пошел гулять в публике. Затем его напечатали социалисты. Тогда правительство видя себя по обыкновению одураченным со своими всем известными «тайнами», напечатало его в газетах. Это было, как мы уже сказали, ответом на летние и осенние стачки 1895 года. Но вот весной 1896 года стачки повторились еще гораздо сильнее. К слухам о них присоединились

---

[1] *В подлиннике прописью.*

СОЮЗЪ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА.

ЦАРСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Въ настоящемъ 1896 году русское правительство вотъ уже два раза обращалось къ публикѣ съ сообщеніемъ о борьбѣ рабочихъ противъ фабрикантовъ. Въ другихъ государствахъ такія сообщенія не въ рѣдкость, — тамъ на причетъ того, что происходитъ въ государствѣ, и газеты свободно печатаютъ новости о стачкахъ. Не въ Россіи правительство даже отнимъ бытъ гласки фабричныхъ порядковъ и происшествій, оно запретило писать въ газетахъ о стачкахъ, оно запретило фабрикантамъ печатать свои отчеты, оно даже перестало разсмотрѣть дѣла о стачкахъ въ обыкновенныхъ судахъ, открытыхъ для публики, однимъ словомъ оно принялось всѣ мѣры, чтобы сохранить въ строгой тайнѣ все, что дѣлается на фабрикахъ и среди рабочихъ. И вдругъ все это похвальныя ухищренія разлетѣлись, какъ мыльный пузырь, и правительство само вынуждено открыто говорить о томъ, что рабочіе ведутъ борьбу съ фабрикантами. Чѣмъ вызвана такая перемѣна? Въ 1895 году было особенно много рабочихъ стачекъ. Да, но стачки бывали и прежде, и однако правительство умѣло не нарушать тайны: эти стачки происходили безгласно для всей массы рабочихъ. Нынѣшнія стачки были гораздо сильнѣе предыдущихъ и сосредоточены въ одномъ мѣстѣ. Да, но прежде бывали не менѣе сильныя стачки, напр. въ 1885 г. подъ въ московской и владимірской губ. Но правительство тогда еще сдерживалось и не заговорило о борьбѣ рабочихъ съ фабрикантами. Отчего же на этотъ разъ оно заговорило? Отчасти, что на этотъ разъ на помощь рабочимъ пришли соціалисты, которые помогли рабочимъ разъяснить дѣло, отвлечь его отъ вождей, и среди рабочихъ и въ обществѣ пробудить точно сознаніе рабочихъ положенія всѣмъ подозрѣвавшимъ и дикія насилія правительства. Правительство увидѣло, что обманывать въ большомъ глупо молчать, когда вся страна о стачкахъ, и оно тоже обратилось за помощью къ соціалистамъ: правительство въ смятеніи, и правительство кается и даже отвѣчаетъ.

Посмотрѣмъ начало этихъ событій.

Сначала правительство пыталось уклониться отъ вмѣшательства и дѣла

Царскому правительству. Первая страница.
Автор: В. И. Ленин.

листки социалистов. Правительство сначала трусливо молчало, выжидая, как кончится дело, и затем, когда уже восстание рабочих улеглось, — оно выступило задним числом со своей канцелярской мудростью, как с запоздалым полицейским протоколом. На этот раз пришлось уже выступить открыто и притом всему правительству целиком. Его сообщение было напечатано в номере 158 «Правит[ельственного] Вестника». На этот раз не удалось уже по прежнему изолгать рабочие стачки. Пришлось рассказать, как было дело, в чем состояли притеснения фабрикантов, чего требовали рабочие; пришлось признать, что рабочие вели себя «чинно». Таким образом рабочие отучили правительство от гнусной полицейской лжи: они заставили его признать правду, когда поднялись массой, когда воспользовались листками для оглашения дела. Это большой успех. Рабочие будут знать теперь, в чем состоит единственное средство добиться публичного заявления своих нужд, оповещения о борьбе рабочих всей России. Рабочие будут знать теперь, что ложь правительства опровергается только соединенной борьбой самих рабочих и их сознательным отношением, — добиться своего права. — Рассказавши, в чем было дело, министры стали придумывать отговорки, они стали уверять в своем сообщении, что стачки вызваны были только «особенностями бумагопрядильного и ниточного производства». Вот как! А не особенностями всего российского производства[1], не особенностями ли русских государственных порядков, позволяющих полиции травить и хватать мирных рабочих, которые защищают себя от притеснений? Отчего же, добрые г. г. министры, рабочие читали на расхват и требовали листков, в которых говорилось совсем не о бумаге и нитках, а о бесправии русских граждан, и о диком произволе правительства, прислуживающегося к капиталистам. Нет, эта новая отговорка чуть ли еще не хуже, гнуснее той, которой отделывался в своем циркуляре министр финансов Витте, валивши все на «подстрекателей». Министр Витте рассуждает о стачке так же, как рассуждает о ней любой полицейский чиновник, получающий подачки от фабрикантов: пришли подстрекатели — явилась стачка. Теперь, увидев стачку 30 тысяч рабочих, все министры вместе принялись думать и додумались, наконец, что не оттого бывает стачка, что являются подстрекатели-социалисты, а оттого являются социалисты, что начинаются стачки,

---

[1] *В подлиннике прописью.*

начинается борьба рабочих против капиталистов. Министры уверяют теперь, что социалисты потом «примкнули» к стачкам. Это хороший урок для министра финансов Витте. Смотрите же, господин Витте, учитесь хорошенько! Учитесь разбирать вперед, из-за чего вышла стачка, учитесь смотреть на требования рабочих, а не на донесения ваших полицейских крыс, которым вы сами ведь ни на грош не верите. Г.г. министры уверяют публику, что это только «злонамеренные личности» пытались придать стачкам «преступный политический характер» или, как они говорят в одном месте, «социальный характер» (г.г. министры хотели сказать социалистический, но, по безграмотности или по канцелярской трусости, сказали социальный, и вышла бессмыслица: социалистический значит поддерживающий рабочих в борьбе с капиталом, а социальный значит просто общественный. Как же можно стачке придать общественный характер? Ведь это все равно, что придать министрам министерский чин!) Вот это забавно! Социалисты придают стачкам политический характер! Да само правительство прежде всяких социалистов приняло все меры, чтобы придать стачкам политический характер. Не оно ли стало хватать мирных рабочих, точно преступников? Арестовывать и высылать? Не оно ли разослало повсюду шпионов и провокаторов? Не оно ли забирало всех, кто попадет под руку? Не оно ли обещало оказать помощь фабрикантам, чтобы они не уступали? Не оно [ли] преследовало рабочих за простые сборы денег в пользу стачечников? Правительство само лучше всех разъяснило рабочим, что война их с фабрикантами должна быть войною неизбежно с правительством. Социалистам осталось только подтвердить это и опубликовать в листках. Вот и все. Но русское правительство прошло уже огонь и воду в искусстве лицемерить, и министры постарались промолчать о том, какими средствами наше правительство «придавало политический характер стачкам», оно рассказало публике, какими числами были помечены листки социалистов, — отчего не рассказало оно, какими числами были помечены приказы градоначальника и прочих башибузуков об аресте мирных рабочих, о вооружении войска, о посылке шпионов и провокаторов? Они перечислили публике, сколько было листков социалистов, отчего не перечислили они, сколько было схвачено рабочих и социалистов, сколько разоренных семей, сколько высланных и заключенных без суда в тюрьмы? Отчего? Да оттого, что даже русские министры, при всем их бесстыдст-

ве, остерегаются говорить публично о таких разбойничьих подвигах. На мирных рабочих, восставших за свои права, защищавших себя от произвола фабрикантов, — обрушилась вся сила государственной власти, с полицией и войском, жандармами и прокурорами, — против рабочих, державшихся на свои гроши и гроши их товарищей, английских, польских, немецких и австрийских рабочих, — выступила вся сила государственной казны, обещав поддержку беднякам фабрикантам.

Рабочие были не объединены. Им нельзя было устроить сбор денег, привлечь другие города и других рабочих, их травили повсюду, они должны были уступить перед всей силой государственной власти. Господа министры ликуют, что правительство победило!

Хороша победа! Против 30 т. мирных рабочих, не имевших денег, — вся сила власти, все богатство капиталистов! Министры поступили бы умнее, подождав хвастаться такой победой, а то их хвастовство очень уж напоминает хвастовство полицейского солдата, который похваляется тем, что ушел со стачки не[1] битым.

«Наущения» социалистов не имели успехов — торжественно объявляет правительство, успокаивая капиталистов. — Да, никакие наущения, ответим и мы на это, не могли бы произвести и сотой доли того впечатления, которое произведено на всех петербургских, на всех русских рабочих поведением правительства в этом деле! Рабочие увидели ясно политику правительства—замолчать рабочие стачки и изолгать их. Рабочие увидели, как их соединенная борьба заставила отбросить полицейскую лицемерную ложь. Они увидели, чьи интересы оберегает правительство, которое обещало поддержку фабрикантам. Они поняли, кто их настоящий враг, когда на них, не нарушающих закона и порядка, точно на неприятелей, послали войско и полицию. Сколько бы[ни] толковали министры о безуспешности борьбы, но рабочие видят, как присмирели везде фабриканты, и знают, что правительство созывает уже фабричных инспекторов совещаться о том, какие уступки надо сделать рабочим, ибо оно видит, что уступки необходимы. Стачки 1895—6 годов не прошли даром. Они сослужили громадную службу русским рабочим, они показали, как им следует вести борьбу за свои интересы. Они научили их понимать политическое по-

---

[1] *В подлиннике прописью.*

ложение и политические нужды рабочего класса.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

Ноябрь 1896-го года.

По подлиннику; мим., 5 стр., 29 × 18 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. XI.

Основание датировки: донесение пристава 3 уч. Нарвской части от 25 ноября об обнаружении листовки (дело департамента полиции, 3 дел., 1896 г., № 580, т. 3, л. 99.

Автор: В. И. Ленин (В. Акимов-Махновец, Очерк развития социал-демократии в России. Спб., 1906, стр. 49).

Напечатано: Петербуржец, Очерк петербургского рабочего движения девяностых годов, Лондон, 1902, стр. 100—104; В. И. Ленин, Собрание сочинений, М. 1924, т. 1, стр. 296—300 (изд. 2 и 3, стр. 453—458); Б. Струмилло, Старая гвардия. Ленинград, 1926, стр. 267—271.

58. Начало декабря 1896 г.

К РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ.

Товарищи! [1] Давно уже мы ждем уступок от наших хозяев, давно ждем перемены нашего каторжного положения. Издевательства наших хозяев увеличиваются с каждым днем, с каждым днем растут притеснения. Но и того нашим хозяевам мало. Мало им, что наживают нашим каторжным трудом миллионы. Захотелось им и славу приобрести, захотелось, чтобы про них говорили: вот примерные фабриканты — с рабочими в ладу живут и рабочие у них смирны, как овечки: бунтовать не бунтуют, стачек не устраивают, достаток имеют и царя почитают. Захотелось нашим фабрикантам заслужить царское спасибо. 28-го появилось на стенах нашей фабрики объявление. Мы было надеялись узнать о прибавке жалования. Но не тут то было. Не о прибавке гласит объявление. С прибавкой начальство не будет торопиться, пока сами рабочие того не потребуют. На этот раз вздумали хозяева поднести блюдо царю Николаю, «по ходатайству некоторых рабочих». Вот как! Кто же эти некоторые рабочие», за спину которых прячутся хозяева? Не их ли это шпионы? Нам, рабочим, предлагают поднести блюдо

[1] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

царю Николаю. Да за что? За что нам благодарить его? Кто издает против нас законы в пользу фабрикантов? На чьей стороне стоит царское правительство? Кто разгоняет мирные рабочие сходки? Кто бросает нас в тюрьмы, высылает на родину, в Сибирь?

Царское правительство дает в распоряжение фабрикантов шпионов и полицию, направляет против нас пули и штыки православного «христолюбивого» воинства. Не нас ли во время летних стачек брали десятками, так что мастерские пустовали? (А ведь у нас на фабрике было спокойно). Не наших ли жен, сестер и братьев хватали ночью с постелей? Кто все это делает? Царское правительство — министры, а они поставлены царем и действуют с его ведома. А сам царь разве не благодарил солдат за «стойкое поведение» во время Ярославской стачки. А это «стойкое поведение» состояло в том, что солдаты стреляли в таких же, как мы, рабочих за то только, что те не хотели жить впроголодь и требовали повышения платы.

Товарищи, не пойдем впредь на обман, не станем давать на подлые дела свои гроши, а вместо того «внесем свои лепты» на устройство своей рабочей кассы, откуда бы мы могли получать пособия во время нужды.

Не опередило ли нас в этом начальство? С прошлого года оно устроило при заводе сберегательную кассу, да только не в нашу пользу. Раньше бывало роженице или пострадавшему рабочему выдавалось хотя грошевое пособие от завода, а теперь того не стало. Если у рабочего есть хотя копеечное сбережение, в пособии ему отказывают на том де основании, что «рабочий богаче фабриканта», что «у него самого есть сбережения». Выходит, что фабрикант что ни сделает, то все не в нашу пользу. А раз так, значит, самим надо приняться за свое дело. Надо всем вместе и дружно стоять за себя. Тогда нам и плату повысят и штрафы уменьшат. А то выходит так: мы молчим, а нас все больше и больше теснят. Нам дают нищенскую плату: 50—60 коп. в день и называют это «приличным содержанием». Им ничего не значит, если рабочий голодает. А к этому приличному содержанию прибавляются еще неимоверные штрафы.

Товарищи! Знайте, что ни на одной Петербургской фабрике рабочим не живется так плохо, как у нас, и это потому, что рабочие других фабрик и заводов не сносят молча притеснений своих хозяев, они борятся за улучшение своей доли и добиваются своего.

Товарищи! Последуем же и мы примеру наших братьев

рабочих и будем всякий раз дружно отстаивать свои интересы. Только тогда мы и можем надеяться на улучшение своего положения, только тогда мы его и достигнем.

Итак, товарищи, соединимся мы с этого раза для борьбы с нашими врагами и покажем нашим товарищам-рабочим, что и мы, рабочие Российско-Американской Резиновой Мануфактуры, не остались глухи к своим интересам и сумеем постоять за себя, как они стоят за себя.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 26 × 18 см. Архив революции и внешней политики, отдел печати, № 15018.

59. 14 декабря 1896 г.

К РАБОЧИМ БУМАГОПРЯДИЛЬНОЙ МАНУФАКТУРЫ КЕНИГА.

Товарищи! Наших законных требований, выставленных во время летней стачки, не исполнили. Положение наше с каждым днем ухудшается. У нас норовят изо рта вырвать наш трудовой кусок хлеба. Расчет производят незаконно: в одну субботу дают не сколько следует, а как вздумают — рубля 4—5. На такие деньги месяц не проживешь. Приходится брать в долг и за все платить дороже. Нас донимают штрафами; мастер придирается на каждом шагу. Обеденное время не кончилось, а он на работу гонит. Скажешь ему что — штрафу полтинник. Так то за придирки мастера приходится 1—2 рубля в месяц потерять. Рабочие везде без вины виноваты. Недавно машины проверяли — каждая пара недели полторы стояла. Стоит машина — стоит, рабочий без работы. Платил нам хозяин за этот невольный прогул? Нет. Машина сломалась — опять рабочий виноват. Мастер возится над ней день, два, а рабочий опять без работы стоит. А заболел рабочий или дома что случилось, не пошел на работу — штраф плати, за все плати! Жизнь наша такая, что поневоле заболеешь: живем впроголодь, работа каторжная. Нам, рабочим, и болеть нельзя — права не имеем, только наши хозяева могут позволить себе такое баловство. Где правда-то! Если нас заставляют платить за прогул, так пусть и нам платят за невольный прогул, когда мы не работаем не по нашей вине, а по хозяйской. А куда идут штрафные деньги? В карман хозяина. Права он на

это не имеет. В законе прямо сказано, что все штрафные деньги идут в особый рабочий капитал, из которого рабочим должны выдавать пособия в случае болезни и увечья. У нас на фабрике рабочего капитала не существует. Фабрикант что захочет, то и делает — у него все по закону. А мы чего потребуем, нам сейчас скажут: «не по закону, права не имеете». У нас никаких прав нет. Молча сносить притеснения — вот наше право. Нас везде стараются обойти, не прямо, так исподволь. Теперь расценку понизили. У 25-ти мотальщиц [из] месячного заработка до 4-х рублей урезали, ватерщицам во...[1] этаже три с половиной коп. с пуда сбавили. Крадут у нас [как][1] могут; крадут не у всех, а исподволь; всех разом боятся тронуть. Все мы — сила, страшная и фабрикантам и полиции. Стараются разъединить нас: сегодня сбавили одним, завтра другим, а там, глядишь, и все по пониженной расценке работают. А мы молчим, потому что каждый за себя думает, а того не видит, что коли одному сбавили, так и его черед придет.

Товарищи! Жизнь впроголодь, болезнь, преждевременная старость, вот наша участь. У нас отняли все — отняли семью: наши жены и дети с малолетства идут на фабрику. По 14 часов в сутки изнываем мы в каторжном труде: нам платят гроши, а сами наживают миллионы. У нас отнимают здоровье: на нашей фабрике вентиляция такая, что мы дышим испорченным пыльным воздухом, нас поят тухлой водой. Пристав, приезжавший во время стачки, вздумал попробовать нашей воды. Сплюнул — не по нутру пришлась; нам можно — мы рабочие. Мы много просили, да толку в том никакого нет. Фабриканты и правительство действуют за одно против нас. Нам не на кого надеяться. Пора нам самим взяться за наше общее рабочее дело. Только мы сами сумеем помочь себе, сами завоюем себе право на лучшую участь. Будем же, товарищи, готовиться к дружной и совместной борьбе с нашими притеснителями. Будем устраивать кассы, союзы. Будем стойко стоять друг за друга. Наши собственные мозолистые руки дадут нам и короткий рабочий день и высокую заработную плату.

14 декабря 1896 года. С. Петербург.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 1 стр., 27½ × 18 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. XII. 14.

---

[1] *Не отпечаталось в подлиннике.*

60. Декабрь 1896 г.

РАБОЧИМ ЕКАТЕРИНГОФСКОЙ МАНУФАКТУРЫ.

Товарищи! [1]

Наша летняя стачка, которую заграничные рабочие в своих приветствиях нам назвали «великой», показала фабрикантам и правительству, что русские рабочие будут отныне бороться за улучшение своего быта, хорошо понимая свои интересы, сознавая собственную силу. Фабриканты и правительство испугались нашей объединенной силы, и по-добру по-здорову решили заговорить с рабочими на некоторых фабриках о сокращении рабочего дня. Этот же вопрос решается и в комиссиях. Но комиссии и раньше занимались этим баловством, а мы по-прежнему ведем жизнь каторжников... Нет, товарищи, фабриканты и правительство только под постоянным напором наших сил будут удовлетворять наши требования — на этих клячах без кнута далеко не уедешь.

— Вот Фома Иванович — он как будто не помнит никакой стачки, не видит никакой силы и, не ведая, что творит, с бешенством штрафует каждого встречного за что бы то ни было, — лишь бы попался на глаза. Штрафует, когда пойдешь за ровницей, а сам не доставляет ее, штрафует за это мальчика рублем, когда тот получает всего 60 — 70 копеек. Штрафует за обметание потолков во время работы и за шишки на пряже (от обметаемой пыли), между тем сам не указывает времени для обметания, если же остановишь машину для этого — тоже штраф. Штрафует за «слепые жопки» — помятые концы шпилек, между тем сам их помял, таская пряжу по подъемной машине, весам и подвалу, — даже за пресс отвечает мюльщик. Штрафует, если рабочий на секунду оторвался от машины, чтобы расправить свои отекшие члены. Штрафует, если сразу человека три-четыре очутятся «в заходе» — а разве видно из-за машины, сколько там человек, стоять же там долго и для рабочего не выгодно. Штрафует, словом, за все, что рабочий, по необходимости, из-за самого же фабриканта, должен делать. Величина штрафа не определена и сами поступки, за которые штрафуют, тоже ни в каких правилах не упоминаются: как бог на душу положит,

---

[1] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

так и поступает, а на нас кричит постоянно — «это не по закону». Посмотрим-же, неумолимый судья, так ли ты строго исполняешь свои[1] обязанности...

Что ты мог ответить инспектору, когда он, взвешивая тару, нашел, что в каждом тазу не хватает 2—3 фунтов? Сколько лет ты так подло обманывал нас — с каждой тары воровал 4—5 руб. в месяц? И это, не считая тех «не полных фунтов», которые ты тоже клал себе в карман... Что ты мог сказать о штрафных деньгах? Вместо больных, изувеченных тобою рабочих, ты отсылал их в барский екатерининский приют... Скажи же, кстати, куда идут те 5%, которые вычитаются с каждой женщины, начиная с 1884 года? Уж мы не спрашиваем, по какому праву ты все это делал: для тебя не существует ни права, ни закона... Таковы-то «законные действия администрации». Покажем же, товарищи, что мы понимаем эти «законные действия» и что мы сумеем бороться с такими порядками. Пусть посмотрит инспектор и те злоупотребления, которые он не заметил или не мог понять.

Наши требования очень скромны.

1) Фабрика должна заплатить нам за всю пряжу, которую вешали в забракованных инспектором тазах, считая по три фунта на таз и[2] десять тазов на каждого мюльщика в день по объявленной расценке.
2) Женщинам должны быть выданы удержанные 5% всех выданных им из конторы денег — эта запись имеется в конторе.
3) Взвешивать, записывать и принимать пряжу должны в присутствии мюльщика и сразу по снятии с машины, чтобы пряжа не мялась без вины мюльщика.
4) В нашей работе случаются частые остановки: поломка, чистка, разборка машины, стоянки из-за ровниц и т. п. А потому должна быть определена поденная цеховая плата. Если рабочий, по вине фабриканта, вырабатывает меньше цеховой платы, ему должна быть выдана цеховая полностью.
5) Поступки, за которые рабочие штрафуются, должны быть точно определены, также и величина штрафа.
6) Мюльщиков должны освободить от обметания потолков или указать им время обметания и платить за все время.

---

[1] *В подлиннике прописью.*

[2] *В подлиннике первоначальный текст начала первого пункта зачеркнут машинкою, и в конце прокламации в виде опечатки дан печатаемый текст.*

7) Ровница должна приготовляться в избытке. Масло и маховые веревки выдаваться в большом количестве.

8) Нас должны избавить от того одурманивающего действия испаряющейся воды, которому мы подвергаемся во время работы.

[9] Наше же последнее требование скромнее всех остальных, ни на грош убытку не потерпит от него хозяин. Мы требуем, чтобы при опросах рабочих инспектор удалял фабричную администрацию, чтобы фамилии рабочих не спрашивались и за жалобы в участок не отправляли.

Закончим пока на этом—впереди у нас борьба за сокращение рабочего дня[1]. Готовьтесь, товарищи, защищать свои требования! Борьба давно началась. Съумеем же довести ее до конца!

Декабрь 1896 г.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По копии с мимеографированной. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. XII₁. Напечатано: Петербуржец, Очерк петербургского рабочего движения девяностых годов. Лондон, 1902, стр. 50—51.

61. Декабрь 1896 г.

ПИСЬМО ЛОНДОНСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ СОЮЗОВ ОТ 13-го АВГУСТА 1896 ГОДА СОЮЗУ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Лондонский Совет Рабочих Союзов

Лондон. 13-го августа 1896-го г.

Организационному Комитету С.-Петербургской стачки.

Товарищи! [2]

Соединенный Комитет, организованный здесь для собирания денег в помощь великой С.-Петербургской стачке, шлет вам свои братские поздравления и выражает свое сердечное удовольствие по поводу результатов, достигнутых вашими усилиями. Мы считаем нужным отметить, что под влиянием стачки русское правительство нашло себя вынужденным назначить комиссию для установления путем

[1] *В подлиннике прописью.*

[2] *А: восклицательных знаков нет.*

закона минимальной заработной платы и сокращения рабочего дня [1]. Конечно, еще неизвестно, что на самом деле предпримет правительство, но мы вполне уверены, что те, которые умели так стойко переносить лишения и так мужественно бороться во время стачки, сумеют добиться победы и в этом случае. Соединенный Комитет желает также сообщить вам [2], что известие о вашей стачке было принято здесь с величайшим удовольствием, лучшим доказательством чему и служит выражение своего сердечного сочувствия Британскими рабочими в самой практической форме подписки в пользу основанного нами фонда русской стачки. Окончательным результатом усилий нашего Комитета нужно считать кроме 65 фунт. стерлингов — около 650 р., уже пересланных вам Комитетом Фонда Вольной Русской Прессы, имеющуюся в наших руках сумму 70 фунт. стерлингов — около 700 руб., собранных по подписке в пользу русских [3] стачечников; означенная сумма будет переслана по назначению, как только мы вступим в прямые сношения с вами. Для нас крайне важно и желательно иметь от вас письмо, которое, мы уверены, будет принято Британским народом за вещественное доказательство международных товарищеских отношений, которые существуют между нами. [4] Мы, конечно, понимаем те трудности и опасности, при которых вам приходится работать, и потому не настаиваем, чтобы письмо ваше было подписано какими нибудь именами; но тем не менее мы убедительно просим вас прислать нам прямое известие от вашего Комитета, которое мы могли бы показать здешним рабочим. С отсылкой собранных денег и опубликованием отчета о них работа нашего Комитета будет окончена; однако же мы уверены, что при повторении подобных же обстоятельств Британский народ не замедлит опять выразить свою готовность оказать поддержку своим русским братьям. Поэтому, имея в виду, что наша помощь может потребоваться и в будущем, мы самым настоятельным образом обращаем ваше внимание на необходимость сообщить нам с вашей стороны имя какого нибудь вполне надежного лица в России, на которое мы могли бы переводить деньги через какой нибудь банк, во избежание ненужной потери времени, так как помощь для того, чтобы быть действительной,

---

[1] *Б: точка с запятой и далее строчная буква.*
[2] *Б:* Вам; *также далее обращение с прописной буквы.*
[3] *Б:* Петербургских.
[4] *Б: точка с запятой и далее строчная буква.*

очевидно, должна быть и быстрой. Препровождаем это письмо тем же вполне надежным путем, который был рекомендован нам вашими русскими товарищами, и надеемся, что вы сможете ответить нам таким-же образом.

С наилучшими пожеланиями всякого успеха в вашем деле, остаемся братски вашими:

За Соединенный комитет [1] Почетный секретарь Дж. Макдональд.

Почетный секретарь Н. Чайковский.

Члены комитета [2]:

С. Вудс, Секретарь Парлам[ентской] Комиссии Трэд-Юнионского Конгресса.

Бэн-Купер, Председатель Лондон[ского] Совета Рабочих Союзов.

Дж. Грегори, Депутат Общества каменщиков в Лондон[ском] Совете Рабоч[их] Союзов.

В. С. Стедман, Муниц[ипальный] советник, Депутат от Союза доковых рабочих. [3]

Том Манн, Генеральный секретарь Независим[ой] Рабочей Партии.

Вилль Торн, Депутат от Союза газовых рабочих и чернорабочих.

Бэн Тиллет, Мун[иципальный] советник, Депутат Общества корабельных плотников в Лондон[ском] Совете Раб[очих] Союзов. [4]

Дж. Г[авелок] Вильсон, Член Парламента, Депутат Союза матросов и кочегаров.

Майхель Дэвит, Член Парламента от Ирландии.

Дж. Ф. Грин, Ж. Г. Перрис [5] и Адольф Смит, представители от Общества Друзей Русской Свободы.

Феликс Волховский и Лазарь Гольденберг, представители Фонда Вольной Русской Прессы.

Кассиры [6]: Эд. Инп от Общества Друзей Русской Свободы и Фаб[ианского] Раб[очего] [7] Общества, В. Кэджерс от Лондонского Совета.

---

[1] *Б: прописью.*

[2] *А и Б: прописью.*

[3] *Б:* Депутат Общества корабельных плотников в Лондон[ском] Совете Раб[очих] Сою[зов]. *Так же обозначен Стедман в «Летучих листках» Фонда Вольной Русской Прессы», № 34, стр. 9.*

[4] *Б:* Депутат от Союза доковых рабочих.

[5] *А:* Порисс; *исправлено по Б.*

[6] *А и Б: прописью.*

[7] *Б:* Раб[очего] *нет.*

Секретари Комитета[1]: Дж. Макдональд, Секретарь Лонд[онского] Совета и П. Чайковский, Председатель Фонда Вольной Русской Прессы.[2]

ОТВЕТ НА АДРЕСС ЛОНДОНСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ СОЮЗОВ.

От лица Петербургского пролетариата Союз борьбы за освобождение рабочего класса[1] выражает горячую признательность друзьям, приславшим привет издалека. Британские рабочие показали нам великий пример международной солидарности рабочего класса. Спасибо им за это. Русский рабочий не забудет дружеской руки, протянутой ему в минуту борьбы, в решительный момент его выступления на сцену всемирной истории. В тяжелой борьбе, которую он ведет, его непрестанно будет поддерживать мысль, что он член одной великой международной рабочей семьи и что в каком-бы уголке земного шара ни загорелась борьба рабочих за свое освобождение, за нею пристально следят представители воинствующего пролетариата всех стран и, не ожидая клича «помогите», спешат на помощь своим младшим братьям. Трудно дышать в атмосфере всеобщего бесправия, трудно жить и бороться рабочему в стране, где не простыл след крепостного права, где печать позорнейшего рабства лежит на всех представителях так называемого культурного общества.

Полвека назад в знаменитом Манифесте Коммунистической Партии было сказано: «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Царизм заботится о том, чтобы эта старая истина скорее вошла в сознание русских рабочих. При всяком столкновении русского пролетария с капиталистом фабрикантом из-за спины хозяина неизбежно вырисовывается фигура царского чиновника, а за царским чиновником неизменно следует воинственная рать полицейских, жандармов, солдат. И не даром русское правительство боится всякого крика, вырывающегося из груди измученного русского пролетария: оно чувствует, что это единственная сила, с которой ему нужно бороться, и с которой ему в конце концов не справиться. Русская Социал-демократия взяла на себя роль организовать эту силу в самостоятельную рабочую партию. Она верит твердо, что на русском рабочем классе лежит трудная и в то же

---

[1] *А: прописью.*
[2] *Б: с датою:* Декабря 1896-го года.

время славная задача, — стать во главе освободительного движения всех оппозиционных элементов страны. Она смело бросает вызов русскому царизму и заявляет, что им обоим жить тесно вместе и что она будет бороться с ненавистным врагом до последнего человека. Говоря словами Манифеста, русский рабочий может сказать про себя: в борьбе, которую он ведет и которую ему, вероятно, еще долго придется вести с деспотизмом царского правительства, ему нечего терять, кроме своих цепей; приобретет-же он целый мир — целый мир для себя, для всех.

Привет вам, товарищи, привет и горячее спасибо от русских рабочих, от Петербургской Социал-демократии.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 3 стр. (стр. 1—2: «Письмо»; «Ответ на адресс» начинается с новой, третьей страницы), 26×18 см. Государственная Публичная библиотека в Ленинграде, № 141 (А). — Другое издание, содержащее одно только «Письмо»: мим., 2 стр., 30×18 см. Архив революции и внешней политики, отдел печати, № 15015. (Б).

Переводчик письма и автор ответа: А. И. Потресов (К. Тахтарев, стр. 74—75; В. Катин-Ярцев, «Былое», 1924, № 25, стр. 110).

Напечатано: «Письмо» в «Летучих листках»; изд. Фондом Вольной Русской Прессы в Лондоне, № 36, стр. 1—2, с пропусками, как мест, «не подлежащих опубликованию», тех мест, где говорится об установлении прямых сношений.

62. Декабрь 1896 г.

ГОДОВОЙ ОТЧЕТ «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА».

С 1-го декабря 1895 г. по 1 декабря 1896 г.

С 1-го декабря 95 г. по 1 апреля 96 г.

Приход[1] . . 3254 р. 75 к. Расход . . 1686 р. 20 к.

Оставалось к 1 апрелю 96 г.

В распоряжении Союза .	921 р. 55 к.
В стачечном фонде	647 » — »
Итого	1568 р. 55 к.

[1] *Разрядке в подлиннике соответствует пропись.*

С 1-го апреля 96 г. по 1 декабря 96 г.

Приход.

А. В распоряжении Союза.

	р.	к.
Остаток 1-го апреля	921	55
Яш.	15	—
С. С.	20	—
Л. Я. Ш.	25	—
Р. К.	80	—
Из провинции	30	—
Доктор	5	—
Я.	10	—
М. Ф. И.	10	—
В. А.	46	70
Из Ч.	35	—
Из В.	10	—
М-ва	15	—
Из Т.	50	—
Из Ф.	50	—
От Тр. и др. через П.	13	—
Фонд Вольн[ой Русской] Прессы	100	—
Неизв[естный]	11	—
От молод[ежи]	15	—
Из Сибири	10	—
М. А.	14	—
Г. Х.	10	—
М. А.	70	—
От либер[алов]	40	—
Л.	61	20
Для Марк[систов]	30	—
От землем[ера]	10	—
О. П.	10	—
От молод[ежи]	25	—
От кружка	36	—
И. Ж. (ежемес.)		
сентябрь	20	—
октябрь	20	—
ноябрь	20	—
декабрь	40	—
В. и М.	62	—
Бл. г.	23	70
Т.	20	—
Н. К.	70	—
У.	65	—
Пожерт[вования]	100	—
Тх.	20	—
Из пров[инции]	50	—
От Т. Т.	30	—
От Вер[ы] Ив[а-новны]	50	—
Неизв[естный]	5	—
От Х. облиг[ациями]	100	—
От Е.	43	—
П. Г.	25	—
Л.	28	60
Ж.	15	—
Для Марк[систов]	30	—
От филантр[опа]	30	—
» матери	50	—
» девушки	10	—
Из провинции	25	—
От искрен[него] сочувст[вующего]	112	—
Техн[ик]	12	—
Н. Н.	18	—
Пр[оч]ие	300	—
На печ[атан]ие	15	—
На литер[атуру]	200	80
Лот[ерейный] бил[ет]	82	40
От товар[ища]	10	—
Р.	17	—
М. А.	68	—
Из Москвы	18	—

	р.	к.
Собрано:[1]	70	—
»	105	—
»	225	—
»	250	—
»	75	50
»	60	40
»	60[2]	—
»	84	60
»	66	70
»	12	80
»	100	—
»	150	—
»	60	50
»	39	50
»	175	—
»	75	—
»	229	50
Х.	50	—
Итого . .	5473	45

В. На стачки.

	р.	к.
От К.	500	—
Малороссы	31	—
Т. И.	41	83
Б.	10	—
Через Н. П.	50	—
От редакц[ии] . . .	150	—
» учител[ей?] . . .	28	—
Бр.	10	—
Кандид[ат]	5	—
Докт[ор]	10	—
Из пров[инции] . .	25	—
Кра[сный] Кр[ест] .	15	—
Из провинции . . .	70	—
Х.	70	—
От нем[ецких] раб[очих].	208	50
От русск[ого] студ[енческого] ф[е]рейна]	28	50
Из Берлина . . .	120	40
Из Вены	100	—
» Англии	700	—
От евр[ейских] ремесл[енников] Н[ью-Иорка через доктора Адлера	359	36
Из Англии	300	—
Остаток 1-го апреля	647	—
Итого . . .	3479	59

[1] *Примечание на 3 странице, не отпечатавшееся и приписанное чернилами от руки печатными буквами:* Суммы были переданы в таком виде, потому нет особого отчета.

[2] *Приписано чернилами от руки.*

С. На помощь.

	р.	к.
Т. И.	28	—
Б. К.	20	—
Н. П.	20	—
Г-жа Х.	100	—
Л.	25	—
Н. К.	30	—
Вм[есто] библ[иотеки]	30	—
Собрано	49	—
Для заключ[енных]	30	—
От друз[ей] для заключенных]	45	—
Бр. Ш.	53	—
Из Москвы	20	—
Для рабочих	14	—
Для П.	5	—
От несч[астного] для несч[астных.	60	—
Для заключ[енных].	30	—
Кр[асный Кр[ест].	55	—
Для Сибири	60	—
От Нар[одного] Пр[ава?]	22	—
От сочувствующей мол[одежи]	367	—
Итого	1063	—

Общий итог прихода 10016 р. 04 к.

Расход:

Литература	1538	96
Помощь	1625	80
Организационные расходы	787	80
Стачки:		
Петербургская	2548	—
Костромская	205	—
Всего на стачки	2753	—
Ссуды:		
К. К.	138	—
П. В.	00	—
Всего ссуд на	238	—
Польским рабочим	120	—
Итого	7063	56

С 1-го декабря 95 г. по 1 декабря 96 г.

Приход . . 11702 р. 24 к.

Остаток к 1 декабрю 96 г.

В распоряжении Союза . 1372 р. 72 к.

В стачечном фонде . 1579 р. 76 к.

Итого остается в наличности к 1 декабрю 96 г. 2952 р. 48 к.

Расход . . 8749 р. 76 к.

Годовой расход «Союза» в частности распадается на след. цифры:

На литературу и печатание прокламаций т. е. свыше четверти всей суммы расхода.	2223 р. 36 к.
На стачки	3203 »
т. е. свыше трети всей суммы расхода.	
На помощь	1943 » 60 »
[т. е.] около четверти всего расхода.	
На организацию и расходы на квартиры, представительство на Лондонском Международном рабочем конгрессе, почтовые расходы и др.	1022[1] » 80 »
[т. е.] около восьмой части всего расхода.	
На ссуды	238 » — »
Польским рабочим	120 » — »
Всего	8749 р. 76 к.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

С. Петербург. Декабря 1896 г.

По подлиннику; мим., 3 стр., $26^1/_2 \times 16^1/_2$ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1896. XII.

---

[1] *Последние две цифры исправлены от руки чернилами.*

1897 г.

63. 1 января 1897 г.

К РАБОЧИМ ПЕТЕРБУРГСКИХ БУМАГОПРЯДИЛЬНЫХ И ТКАЦКИХ ФАБРИК.

Товарищи! [1] После нашей большой забастовки прошло шесть месяцев. Пора подумать о том, что она дала нам и чему научила. Весной забастовало 30 тысяч человек, как заведомо выяснено начальством. Начальство побоялось объявить в газетах о таком большом числе забастовавших и уменьшило это число в два раза. Забастовка многим открыла глаза на ужасное положение рабочих. На улицах, в конках, в домах, и в Петербурге, и везде, даже заграницей, — шли и идут разговоры о рабочих.

Забастовка должна научить нас многому. Она показала, что рабочий народ — большая сила и при дружном натиске может устроить свое житье получше теперешнего. Она показала и то, как рабочие должны были вести себя, добиваясь своего. Прежде всего мы узнали, что нам надо себя держать спокойно и стойко. Наше спокойствие и стойкость сослужили нам двойную службу: врагов наших они напугали, а друзей научили уважать нас. Значит, забастовка показала нам, что стойкость и выдержка — сила, и такая сила, которая посильнее пушек и ружей.

Градоначальник пробовал было пустить против нас в дело войска. Но это ему не удалось: никто не буйствовал, и войску не на кого было идти. Начальство растерялось и принялось хватать всех, кто первый попадался под руку. Человек 700 было взято. Только и тут вышла досада для начальства: обвинять-то арестованных было не в чем. Ведь рабочие не крепостные: насильно тащить на работу и начальство не может. В конце концов вышло вот что: само начальство принялось действовать беззаконно. Градоначальник стал всячески стращать рабочих. Только стращай нас

[1] *В подлиннике восклицательных знаков нет.*

или не стращай, а мы понимаем, что всех-то 30 тысяч человек в тюрьму не посадишь. Тогда начальство пробовало подстрекать рабочих к беспорядкам, подослало к ним своих подстрекателей-шпионов. Только мы не попались и на эту удочку. Тогда градоначальник отобрал дело о забастовавших от судебных чиновников и передал его жандармам. Ловкая и простая штука. Ведь известно, что у жандармов и тот бунтовщик, кто смеет есть хотеть, — и кричит, когда ему больно и обидно: нарушает де спокой начальства и сытых фабрикантов. Многие наши товарищи взяты жандармами и до сих пор сидят в тюрьме и много их выслано из Петербурга. Только что из этого? Разве этим способом докажут нам, что правда-то на стороне фабрикантов, а не на нашей. Знаем мы, что во все времена люди за общее дело страдали. Словом сказать, всем стало ясно, что беззаконниками-то было само начальство. Известное дело, законом-то стращают только слабых, а сильным, да начальству — и без закона хорошо живется.

Большая наша забастовка достаточно таки напугала и министров. Три министра, бывшие в отъезде, прискакали из разных концов России — узнать, что творят рабочие. Не даром и министр финансов начал нам сладкие слова говорить, что де «царское правительство заботится об улучшении нашего быта и облегчении нашей работы». Спасибо за заботу, только не мешало и нам показать, что и мы не прочь позаботиться об облегчении нашей работы. Вот нашей забастовкой мы и показали, что нужно.

Только исполнил-ли господин-то министр свои обещания? Что он сделал для нас хорошего? Да почти ничего. Выбросили нам на некоторых фабриках грош, да и успокоились, — думая, что этого с нас довольно. Но главное наше требование — сокращение рабочего дня, исполнять и не думают. Почему? Уж не потому-ли, что мы действовали «стачкой», а не просьбой у начальства? Нет, не потому: просто на просто начальство к нам всегда было недоброжелательно, а во время стачки и подавно. Кто не поймет, что все его обещания были вынуждены нашей силой, страхом перед нами? А после стачки истинные намерения начальства стали еще яснее. Что начальство сделало после стачки? А вот что: иные фабриканты, кого мы по карману ударили, одно время сами хотели установить для нас рабочий день в 10 часов, а министр этого им не разрешил. Министры хотят уверить нас, что все, кто открывает нам глаза на дела начальства—наши враги, а кто учит нас подставлять

шею, молчать и терпеть — те друзья. Начальство закрывает школы, воскресные классы, арестовывает и удаляет учителей, учительниц и учеников этих школ. Начальство не дает печатать таких книг и газет, где говорится правда, которая глаза ему и фабрикантам колет. (А на торгово-промышленном съезде в Нижнем-Новгороде начальство запретило читать и обсуждать доклады, в которых говорилось о положении рабочих в России). Вот так друзья! Какой дурак этому поверит? Только нас не обманешь! Мы не хуже начальства понимаем, что школы, образование — наше спасение. Мы знаем то, что и начальству с темным человеком легче справиться, чем с образованным: один только и умеет покоряться и гнуть шею, а другой — не очень то дает это, говорит, что и он человек и хочет жить не меньше и не хуже господина министра. Наши враги вот кто — господа министры, мирволящие фабрикантам и устроившие так, что они на рубль 2—3 рубля барыша получают, эти самые фабриканты, подстрекатели и шпионы, которых подсылает к нам полиция и жандармы, тюрьма и тюремщики, которые караулят теперь наших товарищей и учителей.

Истинное желание начальства вот какое: по возможности не уступать нам ни на грош, а на будущее время удержать нас от всяких забастовок. Министр нам советует: «просите и дастся вам. Просите-де по одиночке, каждый от себя инспектора, просите полицию, просите меня, министра». Ловко сказано. А начальство нас по одиночке же и в тюрьму засадит, а потом станет целые десятки лет думать, как бы фабрикантов не обидеть, помогая нашему брату. Нет, смиренными прошениями слабых одиночек наше начальство не проймешь. Начальство уступит только нашей силе, а на нашем смирении вот уже много сотен лет оно только верхом катается.

Везде лучшее житье и права брались с бою. Просили то мы много, да что из этого вышло? А вот что: министр начал нам давать обещания лишь после нашей забастовки,— это мы видим и понимаем.

Нет, товарищи, не можем мы успокоиться на сладких словах и обещаниях министра. Ими сыт не будешь. Мы хотим не чужого, а своего, кровного. Мы требовали сокращения числа часов нашей каторжной работы. Мы желали поменьше работать перед праздниками. Мы требовали повышения заработной платы. Этого мы должны добиваться и теперь, и всегда, пока не выйдет по нашему. А еще мы должны подумать вот о чем.

Фабрикантам-то закон позволяет устраивать стачки, которые зовутся синдикатами, министр даже помогает устраивать их и поднимать цену на товар или сбавлять заработную плату. — нам-же забастовки запрещаются. Фабриканты с министрами ведут всякие переговоры, а с нами не церемонятся. И закон теперь не на нашей, а на их стороне. Нужно, однако, чтобы закон защищал и нас, а не только фабрикантов. Мы только и можем добиваться чего либо большими забастовками, устраивая их дружно и в такое время, когда это фабрикантам особенно невыгодно. Все мы должны понимать, что нас только тогда и послушают, только тогда по нашему и исполнят, когда мы будем давать о себе знать большими забастовками[1].

Только таким способом мы и можем повернуть закон на нашу сторону. Только так мы и заставим чиновников написать более справедливые законы в нашу защиту от притеснений фабрикантов. Хорошо министрам рассуждать: они сами устраивают законы — сегодня закон такой, а завтра иной, сегодня законно то, что завтра министр сделает незаконным. А закон должен быть ко всем справедлив. Если он несправедлив, его нужно переделать. Закон обязан признать, что и рабочие должны иметь право устраивать забастовки, как устраивают свои стачки керосино-заводчики, сахаро-заводчики и иные фабриканты.

Вот и мы должны это понять и общими силами дружно добиваться, чтобы царское правительство изменило закон о стачках. И заграницей когда-то так было, что для рабочего человека все было запрещено законом. Но там сами рабочие заставили уничтожить несправедливые законы, устраивая одну за другой большие забастовки. Они подолгу готовились к ним, устраивали кассы, где запасали деньгу для поддержки себя и своих товарищей во время забастовок. Они старались просветить свой ум, запастись знаниями, они добирались до хороших книг и читали их. Они добились разрешения устраивать союзы рабочих, они добились уменьшения рабочего дня до 10 и даже 8 часов, а в Англии, Германии и некоторых других странах выборные от рабочих участвуют и в составлении законов.

Итак, товарищи, будем и мы добиваться улучшения нашего положения. Станем и мы готовиться к за-

---

[1] *В подлиннике разрядке соответствует пропись.*

бастовкам. Будем устраивать их до тех пор, пока мы сами не повернем закон в нашу пользу.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

1-го января 1897 года.

По копии с мимеографированной. Библиотека ИМЭЛ 45. 1897. I. 1.

64. 7 января 1897 г.

К РАБОЧИМ ПЕТЕРБУРГСКИХ БУМАГОПРЯДИЛЕН И ТКАЦКИХ.

«Пусть рабочие будут уверены, что правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих. Правительство заботится об улучшении их работы, насколько это можно и выгодно для самих рабочих».

(Из прокламации министра от 15/VI 1896 г.).

«Не верьте министрам! Не верьте власти — главарям всех богатых! Они все сплотились в единый союз, чтобы раздавить нашу жизнь и отнять наше счастье, на веки вырвать надежду на будущую лучшую жизнь. Они сплотились в союз, чтобы сокрушить нашу веру друг в друга[1] и разбить наш союз, нашу силу и спасение наше». (Речь рабочих).

Товарищи!

Новый год, и снова бастуют Петербургские фабрики, всюду волнения. Товарищи! Летняя стачка ткачей и прядильщиков впервые показала врагам нашу силу; ее увидав, они надавали нам обещаний. А теперь вновь работа на прежних тяжелых условиях. Новый год, но опять этот 13-ти часовой и 14-ти часовой убийственный труд. В ответ на наши надежды, нам все время слышится наглый смех наших грабителей: «мы отцы-благодетели». Так будет же памятен этот смех нам и им! Да, уж и теперь они смеются иначе.

Товарищи! Вы знаете про забастовку 2-го января на

---

[1] *Разрядке в подлиннике соответствует пропись.*

бумагопрядильне Максвеля и на Александровском чугунном заводе. Прядильщики требуют 10-ти с половиной часового рабочего дня. Успех нашего дела зависит от единодушия нашего и взаимной поддержки. Товарищи! Условия у нас одинаковы, требования у всех одни. Так примкнем же [к] максвельцам. Летней стачкой мы заставили всех признать, что наши требования были законны. Сумеем же теперь их заставить исполнить наши законные требования.

1. Сокращение рабочего дня до 10-ти с половиной часов, от 7 до 7 и полтора на обед.

2. Чтобы в субботу работа кончалась в 2 часа.

3. Чтобы повысили сообразно расценок.

Товарищи! Держитесь спокойно! Полиция, жандармы и войска на готове: правительство ждет беспорядков, чтобы отделаться войсками и тюрьмами. Пусть же правительство помнит, что имеет дело с сознательными, выдержанными петербургскими рабочими, столкнувшимися с ним не впервые, с рабочими, знающими, как надо стоять за свои интересы. Пусть видит перед собой настоящих борцов за рабочее дело. Мы не должны допускать беспорядков и буйств. Мы должны возможно вернее обеспечить успех забастовки, организовать немедленную помощь и твердо стоять на своем.

Товарищи! Перед нами вся тяжесть условий суровой зимы. Но для рабочих—борцов за лучшую жизнь и свободу—нет времен года и есть лишь вера в свою правоту и решение довести до конца начатое славное дело.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

С.-Петербург. 7-го января 1897 года.

По копии с мимеографированной. Библиотека ИМЭЛ 45. 1897. I. 7.

65. 9 января 1897 г.

ПЕТЕРБУРГСКИМ ТКАЧАМ И ПРЯДИЛЬЩИКАМ.

Товарищи! 2 января забастовали рабочие фабрики Максвеля, убедившись, что без настойчивых требований с их

стороны им не дождаться того, что им обещали во время летней стачки.

На этот раз господа фабриканты и правительство оказались сговорчивее: 3 и 5 января происходили экстренные заседания совета министерства финансов и по соглашению фабрикантов с министром решено было всюду сократить рабочий день. 7 января на всех ткацких и прядильных фабриках было вывешено объявление, что с 16 апреля будет введен рабочий день от 6 часов утра до 7 часов вечера с полутора часовым перерывом на обед.

Вы видите, товарищи, что дала нам наша дружная стачка: теперь стоило забастовать одной лишь фабрике — и нам сделали уже существенную уступку. Но это не все, чего мы требовали; этой уступкой мы удовлетвориться не можем: к стачке уже примкнули рабочие фабрик Штиглица, Кенига, Калинкинской и Екатерингофской...

Соединимся же все мы с нашими товарищами. Будем твердо и настойчиво поддерживать наши прежние требования.

1) Чтобы теперь же был введен рабочий день от 7 часов утра до 7 часов вечера с полуторачасовым перерывом на обед.

2) Чтобы по субботам работа кончалась в 2 часа.

3) Чтобы были соответственно повышены расценки.

Будем стойко держаться, товарищи! Будем спокойны, не станем устраивать беспорядков; покажем правительству, что оно имеет дело не с буянами, а с сознательными и мужественными рабочими, решившими во что бы то ни стало добиться лучшей участи.

Будем продолжать наше общее рабочее дело и победа будет за нами.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

Петербург, 9-го января 1897 года.

По подлиннику; мим., 1 стр., 13½ × 17½ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1897. I. 9.
Автор: Б. И. Горев (по его указанию).

66. 11 января 1897 г.

а[1]

КО ВСЕМ ПЕТЕРБУРГСКИМ РАБОЧИМ.

... «Вы должны пользоваться подходящими случаями, чтобы объяснять рабочим, что если они даже будут добиваться чего нибудь, по незаконным или насильственным путем, то это поведет не к улучшению, а к ухудшению их положения».

Зимний циркуляр фабричным инспекторам 95-го года.

«Пусть рабочие будут уверены, что правительству одинаково дороги интересы как фабрикантов, так и рабочих».

Летняя прокламация министра финансов 96 года.

«Правительство решило отказаться от летней политики неуступок и возложить сокращение рабочего дня на добрую волю фабрикантов...»

Министерское совещание 3-го января 97 г.

«Мы постановляем ввести для механических 10 с половиною часов. Для ткачей и прядильщиков 11 с половиною, а для всей остальной России 12 часов.»

Собрание фабрикантов 5-го января.

Товарищи! Вот вернейшее выражение того, что происходит перед нами, вот лучшее доказательство нашей объединенной силы и плодотворности нашей борьбы сообща. Новый год нами встречен борьбою. Снова бастуют Петербургские фабрики, снова всюду волнения.

Вы знаете про забастовку у Максвеля (2-го янв.), Екатерингофской, Кенига, Российской, Штиглица (все с 7-го числа) и на Большой Охтенской (с 8-го). Бастовал и Александровский чугунный, но на совещании начальников тяги было решено уступить, чтобы кончали в субботу в 2 часа. Это решено окончательно и 11-го работа должна кончиться в 2 часа.

---

[1] *В виду значительного количества вариантов двух изданий этой листовки, оба издания печатаются отдельно.*

Этот отдельный факт, равно как и другие события настоящей минуты, нам говорят, что мы, став все заодно, в силах обуздать произвол наших хозяев и ограничить правительственный.

Летней стачкой своей 30 тысяч ткачей и прядильщиков мы заставили всех, и правительство, и капиталистов, всех признать, что требования наши были законны и принудили их надавать нам обещаний. А этою стачкою мы должны их заставить исполнить эти наши законные требования и сдержать все свои обещания.

Товарищи!

Забастовавшие ткачи и прядильщики! Держитесь стойко и дружно, не допускайте беспорядков и буйств: вы боретесь за общее дело всех Петербургских и русских рабочих.

Рабочие всех остальных, не бастующих бумагопрядилен и ткацких! Вы возмущены проволочкой правительства, вас взволновала неуступчивость ваших хозяев. Примыкайте же все сообща к забастовке. Поддержите ваших товарищей: у вас условия те же и цели одни.

Рабочие всех остальных Петербургских заводов и фабрик! Организуйте немедленно помощь. Ваши товарищи — ткачи и прядильщики — ведь бьются за общее дело — рабочее дело. Поддерживая их, вы добьетесь пользы и для самих себя. Их дело и ваше — одно и то же рабочее дело.

Станьте же все сообща,
Станьте все друг за друга!
В этом вся ваша сила и крепость,
В этом весь успех забастовки.

Товарищи! Держитесь спокойно и дружно: пусть правительство знает, что оно имеет дело с сознательными, умелыми и выдержанными рабочими, настоящими борцами за рабочее дело. Мы столкнулись с ним не впервой. Пред нами вся тяжесть условий суровой зимы, но для рабочих-борцов за лучшую жизнь нет времен года, а есть лишь сознание своей правоты и решение довести до конца раз начатое славное дело.

11 января 97 г.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., $28^1/_2 \times 17^1/_2$ см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1897. I. 11_1.

КО ВСЕМ ПЕТЕРБУРГСКИМ РАБОЧИМ.

«... внушить рабочим, что во время забастовок и справедливые их требования не могут быть выслушиваемы... что и законные их требования, но требуемые противозаконным путем, будут приводить не к улучшению, а к ухудшению их положения». (Зимний циркуляр министра к фабричным инспекторам 1895 г.)

«Пусть рабочие будут уверены, что правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих. Оно всячески заботится об улучшении их положения (или об них), насколько это выгодно для самих рабочих». (Правительственная прокламация летом 1896 г.).

«Правительство решило отступиться от летней политики неуступок и возложить оные на добрую волю фабрикантов». (Собрание 3-го января 1897 г. фабрикантов и инспекторов под председательством министра финансов).

«Мы решили ввести десять с половиною для механических, одиннадцать с половиною для бумагопрядильных и двенадцать для всей России». (Министерское собрание 5 января [1]).

Вот вернейшее выражение того, что происходит перед нашими глазами. Вот лучшее доказательство нашей силы, когда мы действуем сообща.

Снова бастуют петербургские фабрики, снова всюду волнения, всюду борьба.

Вы знаете про забастовку Максвеля 2-го, у Штиглица, Екатерингофской, Кенига, Российской, Новой (седьмого) и на Большой Охтенской мануфактуре (восьмого). Бастовал и Александровский чугунный завод, требуя, чтобы работа кончалась в субботу в 2 часа, но на собрании начальников тяги решено уступить и в эту субботу работа кончилась в три часа.

Товарищи!

Рабочие забастовавших бумагопрядилен, держитесь спокойно и дружно, не допускайте беспорядков и буйства, вы

[1] Витте, Муравьев, Победоносцев.

боретесь за общее дело всех петербургских, всех русских рабочих.

Прядильщики других не бастующих бумагопрядилен и ткацких, примыкайте к вашим забастовавшим товарищам, у вас цели одни, условия те же. Они борются за общее рабочее дело.

Рабочие всех остальных петербургских заводов, фабрик! Организуйте немедленно помощь. Ваши товарищи борются за общее рабочее дело. Помогая им, вы тем самым делаете и свое дело.

Требуйте все

Чтобы рабочий день был от 7 до 7 и $1^1/_2$ часа на обед.

Чтобы в субботу кончали в 2 часа.

Чтобы сообразно был повышен расценок.

Товарищи! мы обуздаем произвол наших хозяев и ограничим правительственный. Летней стачкой мы заставили всех, и фабрикантов и правительство, признать, что требования наши были законны и принудили их надавать нам обещаний. Этой же стачкой мы должны их заставить суметь исполнить эти наши законные требования.

Станьте все за одного.
Держитесь все сообща.
В этом наша сила и крепость
И успех нашего дела.

Товарищи! Держитесь спокойно и дружно. Пусть правительство знает, что оно имеет дело с умелыми и сознательными петербургскими рабочими, настоящими борцами за рабочее дело. Мы столкнулись с ним не впервой. Пред нами ведь тяжесть условий суровой зимы, но для[1] рабочих бойцов за рабочее дело нет времени года, а есть лишь сознание своей правоты и решенье довести дело до конца раз начатое, славное дело.

Союз борьбы за освобождение
рабочего класса.

По подлиннику; мим., 2 стр., 22 × 14 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1897. 1. 1_2.

---

[1] *В подлиннике:* за.

67. 12 января 1897 г.

РАБОЧИМ ФАБРИКИ НАСЛЕДНИКОВ ГОЛЬ[Д]АРБЕЙТЕРА.

Товарищи! Нас давят с двух сторон. С одной стороны нас всячески прижимает администрация фабрики, с другой — нас давит правительство в лице фабричного инспектора г-на Лебедева. Фабричная администрация понижает расценки, дает плохой материал, пишет штраф и вынуждает работать через силу. Да мало ли еще каких притеснений. До последнего времени за кипяток вычитали по 20 коп. в месяц; нагревают кипяток рабочим паром в кубе, который семь лет не лудился. Летом рабочие обязаны работать все праздники. Штрафными деньгами распоряжаются, как хотят: кто для них хорош, тому и пособие есть, а кто защищает своего брата рабочего, тому ничего. Вы видите, товарищи, нас кругом опутывают. Правительство же всеми силами поддерживает фабрикантов. Г. Лебедев не оставался бы на своей должности и часу, если бы его устами не говорило само правительство. Уже одно то, что фабричный инспектор явился для объяснения с рабочими пьяный и как зверь бросался на каждого с криком: «завтра тебя не будет» — уже за одно это его следовало бы прогнать. Но правительство его не прогоняет. Для правительства г. Лебедев хорош. Таковы то наши правители, наши благодетели.

Чтобы положить конец всем этим злоупотреблениям, нам надо вести борьбу. Товарищи, успех нашего дела зависит от нас самих. Чем дружнее мы будем стоять друг за друга, тем скорее добьемся успеха. Чего нельзя одному, то можно всем. Пока каждый из нас в отдельности возмущался незаконным побором за кипяток, нас не слушали. А когда мы заявили об этом все вместе, нам уступили. И так во всем. Взять хотя бы нашего мастера Тимофея Севостьянова. Один рабочий, сколько ни говори: «понапрасно штрафуешь, резак весь ставишь сам, а потом и штраф пишешь» — и ухом не ведет. А когда мы все заявим об этом, да потребуем, чтобы его уволили, тогда мы добьемся своего. То же и на счет рабочих часов. Один, сколько ни заявляй что, не по силам работать 12 часов, не слушают, а то еще скажут: «бери расчет, на твое место найдем». Иное дело выйдет, когда мы все откажемся работать больше десяти часов.

Только помните, товарищи, что держаться надо дружно, друг друга полиции не выдавать, а напротив помогать один

другому, кто чем может. Если будут пугать расчетом, то расчета не брать.

А теперь будем требовать:

1. Рабочий день сократить с 12 часов до 10 часов.
2. Повысить расценки на 10 копеек с аршина.
3. Уничтожить штрафы за брак от плохого материала.
4. Возвратить незаконные поборы за кипяток, считая по 2 р. 40 к. в год на каждого.
5. Назначить инспектором способного выслушивать рабочих, а не пьяницу, как г. Лебедев.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

21 января 1897 года.

По подлиннику; мим., 1 стр., 26 1/2 × 18. Библиотека ИМЭЛ 45. 1897. I. 21₁. — Другое издание: гект., 2 стр., 20 × 20 см. Библиотека ИМЭЛ 45. 1897. I. 21₂.

ПРИМЕЧАНИЯ[1].

1 Волнения на Семянниковском заводе происходили 23 декабря и были вызваны задержкой выплаты заработной платы. Перед рождественскими праздниками работа была закончена в два часа дня, а потом рабочим пришлось ждать денег до вечера. Вечером, начав бить стекла в проходной конторе и громить ее, рабочие хотели даже поджечь квартиру управителя завода; была разгромлена также фабричная лавочка. Пожарные и казаки прекратили дальнейшие действия рабочих. Поздно вечером деньги были привезены и розданы.

Эти волнения привлекли внимание петербургских социал-демократов. Н. К. Крупская передает, что В. И. Ленин составил к рабочим Семянниковского завода первый листок, который, за недостатком техники, был от руки переписан печатными буквами в четырех экземплярах и распространялся Бабушкиным. По словам Н. К. Крупской, два экземпляра были подобраны сторожами; к сожалению, ни в заводском архиве, ни в архиве департамента полиции они не сохранились. Второй листок был отгекографирован и «сшит в маленькие тетради»; об его составлении говорят и Бабушкин и Тахтарев — по словам последнего, этот листок был предварительно прочитан в собрании рабочих. Г. М. Кржижановским было указано на написание им этого листка после появления его в печати; однако, В. Г. Сорин считает, что он был написан В. И. Лениным (Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине. М., 1930, с. 17; И. В. Бабушкин, Воспоминания. Ленинград, 1925, с. 59—65; К. Тахтарев, Рабочее движение в Петербурге. 1893—1901. Ленинград, 1924, с. 40—41; В. Акимов-Махновец, Очерк развития социалдемократии в России. СПБ., 1906, с. 44—45; Ф. Матасова, Стачки 1881—1895 гг. М., 1930, с. 304; И. Паялин. Завод им. Ленина. М.—Л., 1933, с. 60—62; В. Сорин, Начало борьбы Ленина с экономизмом. «Борьба классов», 1933, № 5, с. 24—26).

2 Положение рабочих на фабрике Торнтона систематически ухудшалось в течение ряда лет. В 1892 г. на фабрике произошел пожар, после которого была сбавлена расценка, а также повышена вдвое плата за каморки в казарме: номинальный заработок понизился за это время, считая и повышение квартирной платы, — на 26,8%. Даже фабричная инспекция в течение всего 1895 г. заносила в фабричную книгу ряд указаний на непорядки на фабрике. Так, 23 января 1895 г. фабричный инспектор Н. Шевалев осматривал квартиры рабочих и нашел в верхних этажах казармы наружные стены в такой степени «крайне сырыми», что предложил впредь до ремонта перевести жильцов крайних каморок в другие помещения.

---

[1] Цифры на полях означают номера листовок.

26 июля тот же Шевалев нашел, что в расчетных книжках поденных рабочих не записывают их поденного заработка, а в расчетных книжках ткачей не вписывают сбавки, которую производят вследствие каких-либо недостатков в товаре. Наконец, посетив фабрику накануне стачки, Шевалев 4 ноября записал, что заработок в расчетных книжках вписывается карандашем, а надписи делаются на английском языке.

5 ноября на фабрике были вывешены новые расценки. Расценки были вновь уменьшены на 18—30 коп., и они должны были вступить в силу с 18 ноября. Расценки касались ткачей, которые стали тр бовать в свою очередь прибавки по 2 коп. на кусок и 6 ноября днем, в 3 часа, забастовали. Ночью было арестовано 13 ткачей, а 7 ноября после у еждений фабричного инспектора и обещаний, что требования рабочих будут удовлетворены, рабочие стали на работу.

Группа «стариков» имела связи с торнтоновскими рабочими. В кружке рабочих за Невской заставой, собиравшихся на квартире рабочего Порфирия Михайлова, участвовали торнтоновские рабочие; руководил этим кружком Г. М. Кржижановский. По словам привлеченного к дознанию торнтоновского рабочего Афанасьева, Г. М. Кржижановский «обсуждал на сходках вопросы о порядках и работах на фабрике и сказал, что сведения о тяжелом положении рабочих на фабрике Торнтона будут описаны заграницей и распространены по всем петербурским фабрикам и заводам». Поэтому, весьма вероятно, что именно Г. М. Кржижановскому принадлежит не сохранившаяся гектографированная листовка «Чего требуют ткачи», которая излагала требования ткачей.

Однако, одною этой листовкой, написанной по всей вероятности 7 ноября (в ней уже говорится об обещании, данном инспектором 7 ноября), группа не удовлетворилась, и за дело взялся В. И. Ленин. Сохранилось несколько рассказов о том, как В. И. Ленин собирал сведения для этой листовки. Рассказ Тахтарева относится ко времени до забастовки, к общему собранию представителей разных кружков в начале ноября, когда еще только предвиделась забастовка; В. И. здесь повел опрос рабочих «мастерски, ставя вопросы очень умело, и, получая необходимые ему сведения, — он немедленно же записывал карандашем на лежавшем перед ним на столе листочке бумаги». Когда началась забастовка, было устроено собрание торнтоновских рабочих «с одним интеллигентом» (повидимому, это и был В. И.); по рассказу Бабушкина, рабочие «не хотели говорить с человеком, им неизвестным, подозревая какую-то ловушку для себя, и никакие уверения ни к чему не приводили, они просили только составить хорошее прошение к градоначальнику, к которому намеревались пойти». Тогда, по словам Бабушкина, были собраны материалы «через одного торнтоновца». Н. К. Крупская называет фамилию этого торнтоновца — Кроликов, (это был ее ученик), и сообщает, что им была принесена по плану, составленному В. И., «целая тетрадь сведений, которые были им еще устно дополнены». «Владимир Ильич на них так и накинулся», — пишет Н. К. Крупская. По данным дознания, готовый листок был передан В. В. Старковым 12 ноября рабочему Александровского сталелитейного завода И. Меркулову (ему еще ранее В. И. передал 40 р. для семей арестованных торнтоновских рабочих); на фабрику они были затем доставлены В. А. Шелгуновым и В. М. Волынкиным (Н. К. Крупская, с. 18; К. Тахтарев, с. 46 — 47; В. Акимов-Махно-

вец, с. 52; И. Бабушкин, с. 71; Ю. Мартов, с. 277; Доклад по делу о возникших в Петербурге в 1894—1896 гг. преступных кружках, «Сборник материалов и статей», изд. Главархива, М. 1921, с. 121; Ф. Матасова, с. 302; В. Федорова, К истории петербургского кружка социал-демократов. «Красная Летопись», 1925, № 2, с. 196; И. Милованова, К истории одной ленинской листовки. «Красная Летопись», 1928, № 3, с. 222—226; Ленинградское Областное архивное бюро, Фонд фабрики Торитона, кн. № 313, По переписке с фабричной инспекцией, л.л. 1—3).

3 Волнения на фабрике «Лаферм», где работало 1000 папиросниц, начались 9 ноября. Причиной волнений были установленные за полтора месяца до того новые машинки для вставки мундштуков. Машинки эти повели к тому, что работницам стали усиленно вписывать брак, а затем, по выражению градоначальника, машинки дали «повод предполагать, что увеличение количества этих машинок повлечет за собою сокращение их заработка». Машинки были убраны, но на следующий день, 10 ноября, волнения возобновились и работницы стали бить стекла и выбрасывать за окна на улицу не только табак, гильзы и табуреты (что они делали и 9 ноября), но и целые ящики. Повидимому, к этому моменту относится то обливание водою работниц пожарными, о котором рассказывает Мартов; 27 работниц были тогда же арестованы.

Мартов рассказывает, как В. И. Ленин и М. А. Сильвин пытались разузнать, что происходит на фабрике. На самом деле они действовали гораздо успешнее, чем в рассказе Мартова. По словам М. А. Сильвина, они познакомились с двумя работницами и были на квартире у одной из них. В результате этого и явился листок (у Мартова его содержание не точно), составление которого Мартов относит уже к моменту возобновившейся на фабрике работы (Ю. Мартов, с. 277—279; Ф. Матасова, с. 374—375; В. Федорова, с. 203; К. Тахтарев, с. 51; Н. К. Крупская, с. 16).

4 Путиловский завод, вместе с Балтийским, являлись прочными твердынями революции: на Путиловском заводе действовали еще народовольцы, и в то же время экономические конфликты и забастовки вошли прочно в традиции завода. Летом 1895 г. (в июне и в июле) на заводе были волнения в сталепрокатной мастерской, вызванные снижением заработной платы. Б. Зиновьев и И. Карамышев, путиловские рабочие, вышедшие из кружка В. И. Ленина, как сообщает об этом М. А. Сильвин, посещали эту мастерскую в течение двух недель, «подстрекая рабочих настаивать на их требованиях». В декабре район Путиловского завода, согласно распределению сил кружка, находился в ведении Мартова, Старкова, Запорожца и Якубовой. Сходки и встречи с рабочими, впрочем, шли все время и ранее, так что на них перебывали и другие участники кружка, как, напр., Г. М. Кржижановский. На сходке 4 декабря, по показанию участника ее, рабочего Н. Данилова, инициаторами выпуска воззвания явились упоминавшиеся выше Зиновьев и Карамышев. Как признал во врем следствия Зиновьев, это воззвание было здесь же написано им. Рукопись была передана Мартову, который в тот же день вечером передал готовые воззвания, 200 листков, Зиновьеву и Карамышеву, в условленном месте, на 1-ой роте. Распространены были листки на следующий день, 5 декабря. Только к этой листовке может относиться сообщение Б. Горева об ее мимеографировании — очевидно, ошибка памяти, так как она гектографированная (В. Федорова, с. 194, 197, 198; Доклад, с. 164;

Ю. Мартов, с. 280, 287; Б. Горев, с. 16; И. Бабушкин, стр. 71; М. Сильвин, К биографии В. И. Ленина. «Пролетарская революция», 1924, № 8, с. 74).

На заводе одновременно с группой «стариков» действовала также группа «молодых», во главе которых стоял И. В. Чернышев. По словам Мартова, молодые старались, не считаясь с «правом давности», оттеснить организацию «стариков». После ареста «стариков», кружок их, по показаниям участника, студента технолога С. И. Муратова, решил ободрить рабочих, издав воззвание. При участии рабочих Данилова и Шепелева, связанных с кружком Муратова, 16 декабря Муратов и другой член кружка — Н. Г. Малишевский, тоже студент технолог, собрали нужные сведения и 17 декабря отпечатали соответствующее воззвание. Текст этого воззвания «молодых» напечатан в «Красной Летописи», 1925, № 2, с. 206 (Ю. Мартов, с. 286; Доклад, с. 145).

5 Эта листовка, о которой нет упоминаний ни в документах, ни в воспоминаниях, была, повидимому, прямым добавлением к предыдущей, точно так же, как и несколько позднее были выпущены две совершенно аналогичные листовки, одна агитационная, а другая с требованиями, обращенные к рабочим фабрики Лебедева: за одновременность выпуска говорит также сильнейшее их внешнее сходство.

6 В ночь с 8 на 9 декабря разразились аресты, первый крупный разгром группы «стариков», который унес В. И. Ленина и вместе с ним главное ядро «стариков». Оставшихся, как пишет Мартов, «более всего озабочивала мысль о том, чтобы помешать жандармам изобразить арестованных товарищей виновниками всего переполоха, произведенного стачками и листками. Надо было создать у охранников представление, что очаг этих новых приемов революционной деятельности остался незатронутым. Мы поэтому решили выпустить в связи с арестами декларацию, в которой от имени новой организации, заявившей о себе листками и стачечной агитацией, призвать рабочих к продолжению этой борьбы». На этом же собрании, по предложению Мартова, организация была названа «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Листовка 15 декабря является первою, вышедшею с этим именем (Ю. Мартов, с. 292; Н. Крупская, Союз борьбы за освобождение рабочего класса, в сборнике: «От подпольного кружка к пролетарской диктатуре», вып. I, с. 14).

7 Воззвание «Ко всем петербургским рабочим», замеченное в обращении 18 декабря на Александровском механическом заводе, а затем, по официальным сведениям, «быстро распространившееся по другим заводам», возможно, было издано еще до 15 декабря, в своем первом издании. К этому заключению можно притти потому, что из двух известных нам изданий одно не имеет подписи Союза борьбы, а другое ее имеет. Агентурные сведения приписывают составление Мартову и Ляховскому, а издание Пономареву. В своих воспоминаниях, однако, Мартов совсем проходит мимо этой листовки. Нет упоминаний о ней и у других, возможно, смешивающих ее с листовкою об образовании Союза борьбы (№ 6). Все это делает чрезвычайно правдоподобным словесное предположение М. А. Сильвина, что листовка эта была составлена Г. М. Крижановским еще до декабрьских арестов, а после них задержана из опасения, что оригинал ее мог быть захвачен у кого-либо из арестованных (Федорова, с. 201).

8 Листок этот был написан И. В. Бабушкиным в связи с декабрьским

арестом В. И. Ленина и других. Н. К. Крупская рассказывает, что, когда она приехала в первый раз в вечернюю школу после ареста «декабристов», Бабушкин передал ей этот листок. Когда он обсуждался на собрании группы, которое происходило ранее 15 декабря (до выхода листка, напечатанного у нас за № 6), Я. М. Ляховский, по словам Н. К. Крупской, «с недоумением воскликнул: но он ведь написан на чисто политическую тему». Н. К. Крупская, указывая на то, что «обычно листки писались на экономические темы, на злобу дня», передает первое впечатление группы: «публика немного поколебалась: понятен ли будет такой листок массам». Судьбу листка решило его рабочее происхождение. Мартов передает рассуждения Бабушкина, побудившие его написать такой листок. Бабушкин, по словам Мартова, говорил так: «Если надо продолжать выпускать листки, то нельзя ограничиться темами о штрафах, мастерах и пониженной плате. Теперь по поводу арестов всюду на заводах вкривь и вкось толкуют о «социлистах». Надо воспользоваться интересом к этой теме и пустить популярный листок о социализме и борьбе за свободу». Позиция Бабушкина, объясняющая характер листка, была, как об этом говорит сам Бабушкин в своих воспоминаниях, отличной в тот момент от большинства Союза, чем и объясняется условный характер его рассуждений («если надо продолжать выпускать листки...»). Бабушкин, по его словам, в этот момент, после происшедшего провала, первоначально «положительно восстал против агитации, хотя видел несомненные плоды этой работы в общем подъеме духа в заводских и фабричных массах, но... сильно опасался такого же другого провала и думал, что тогда все замрет». Бабушкина все же удалось убедить в противном и он признал впоследствии, что «в данном случае ошибался» (Н. К. Крупская, с. 19; Ю. Мартов, с. 293—295; И. В. Бабушкин, стр. 76).

9—10 Обе листовки к рабочим фабрики Лебедева были изданы одновременно и обстоятельства их издания вырисовываются детально из дознания о социал-демократических кружках. Инициатива издания этих листовок исходила от самих рабочих. Рабочий Кузьма Григорьевич Царьков, после того, как началась забастовка на фабрике Лебедева (21 декабря из-за изменений в условиях работы, понизивших заработок на 12 %) постарался войти в сношения с Я. М. Ляховским и, после нескольких потерянных на поиски дней, 1 января встретился с ним на Сампсониевском проспекте. По просьбе Ляховского Царьков в тот же день привел к Ляховскому ткача фабрики Лебедева Федора Михайлова, так как Ляховский требовал «подробных сведений». Во время условленной на следующий день встречи, 2 января, листки были переданы Ляховским Царькову в портерной на углу Сампсониевского проспекта и Нейшлотской улицы (Доклад, с. 151; Ю. Мартов, с. 295; В. Федорова, с. 204; Ф. Матасова, с. 383).

1—12 Обе листовки, почти перефразирующие одна другую, пользуются газетными сообщениями о циркуляре фабричной инспекции, который в листовке не цитируется (несмотря на кавычки), так как в газетах он не был полностью опубликован, а вошел в состав хроникерских заметок. Так, напр., «Новое время», указав, что «десятки тысяч женских рук» занято папиросным делом в Петербурге, и что положение их «далеко незавидно», сообщило своим читателям в очень туманной форме, что «незаконность» действий и «притеснения» администрации вызвали у Лаферма «недоразумения», которые «обостри-

лись» до того, что «потребовалось вмешательство полиции, а затем и последовало... циркулярное разъяснение», которое оно пересказывает.

Первые листовки, появившиеся на фабрике Кенига, относятся к началу декабря, так как их экземпляры были взяты во время ареста В. И. Ленина и Ванеева. Рассказ писавшего листовку Мартова о том, как к нему явились рабочие Кенига, может относиться или к 24 ноября или же к 1 декабря (это было воскресенье). В докладе по делу о социалдемократических кружках листовка названа гектографированною. Точно также Мартов, говоря в своих воспоминаниях о ней, называет ее тоже гектографированной. Наша листовка несомненно является позднейшею, не только потому, что она мимеографированная, а не гектографированная, согласно однородным указаниям Мартова и официальных источников, но и потому, что она имеет подпись «Союза борьбы», что невозможно для времени до 9 декабря, и также потому, что распространялась она на фабрике Кенига в феврале, когда несколько экземпляров ее были отобраны полициею сперва 12, а затем 16 февраля (Ю. Мартов, с. 288—289; Доклад, с. 125, 127; Ленинградское областное архивное бюро, Секретный журнал входящих и исходящих бумаг пристава 3 уч. Нарвской части, № 46 от 12 февраля и № 53 от 16 февраля).

После первых же воззваний на петербургских фабриках в ноябре—декабре 1895 г., министерство внутренних дел стало опасаться за положение дел в порту. 3 января 1896 г. Горемыкин, бывший тогда министром внутренних дел, обратился с письмом к морскому министру Чихачеву, в котором писал, что «внимание полиции постоянно привлекает положение рабочих в мастерских С. Петербурского порта, среди которых замечается непрерывное брожение и недовольство, вызываемые, повидимому, не вполне нормальными отношениями к рабочим начальствующих над портом лиц». Далее Горемыкин прямо указывает на виновника особых притеснений — того же Верховского, имя которого постоянно мелькает в печатаемых листовках: «Такое положение, пишет далее Горемыкин, которым всячески желают пользоваться лица неблагонадежные, преследующие цели смуты и беспорядков, по имеющимся у меня сведениям, особенно выразилось со вступления в должность командира над портом вице-адмирала Верховского, который ввел новые порядки, будто бы стесняющие рабочих и значительно ухудшившие их материальное положение. Так, по заявлениям рабочих, их постоянно притесняют при расчетах понижением первоначально обещанной платы за известную работу, без всяких к тому оснований». Горемыкин приводит историческую справку — в январе 1891 г. в порту на почве указанных порядков уже была стачка, закончившаяся вызовом военной силы и расчетом рабочих. Однако, это не повело к улучшению отношений командира порта к рабочим. «В настоящее время, пишет далее Горемыкин, вновь получены достоверные сведения, что среди рабочих опять замечается сильное неудовольствие против вице-адмирала Верховского, который, по мнению рабочих, продолжает допускать при расчетах с ними разного рода неправильности. Волнение усугубляется еще тем, что все жалобы, подаваемые по сему поводу, остаются без всякого движения и разрешения, так как морское министерство жалоб этих будто бы не принимает, направляя их в контору над портом, а судебные власти (мировые судьи) направляют их опять в морское министерство, и

рабочие не могут совершенно найти для себя защиты и удовлетворения своих ходатайств».

Объявление командира порта об изменении порядка выдачи жалованья было издано в начале января (к сожалению, на нем нет даты, но оно говорит о сроках выдачи заработной платы в течение всего 1896 г. и о первой выдаче 12—13 января). 15—16 февраля должна была происходить последняя по росписанию двухнедельная выдача денег (за вторую половину января). Жалованье же в марте должно было уже быть выданным за февраль целиком. После разброски 16 февраля «в большом количестве» первых воззваний, Горемыкин вновь обратился 27 февраля в морское министерство с письмом, в котором предупреждал, что 1 марта (к этому времени и вышла вторая листовка) предполагается забастовка портовых мастерских в случае неизменения сроков уплаты, и что решено нежелающих примкнуть к забастовке «принудить к сопротивлению силой». Командир порта прислал бумагу, согласно которой, конечно, новая система оплаты заработка оказывалась чрезвычайно выгодной для рабочих. Однако, как об этом узнаем из позднейшего письма морского министра на имя Горемыкина от 29 апреля 1896 г., распоряжение командира порта им было отменено, двухнедельная выплата заработка восстановлена и рабочие, таким образом, добились своего. (Ленинградское отделение Центрального исторического архива, дело Главного военно-морского судного управления, 1896. г., № 8, лл. 1-21, 40 об.; Н. Шабалин, К истории рабочего движения в 1896 г., «Каторга и ссылка», 1931, № 6, с. 58—64).

16 Кроме адреса парижским рабочим по случаю Коммуны, в Париж, как видно из денежного отчета (см. № 22), было отправлено 100 рублей на венок коммунарам. Инициатором приветствия был Московский рабочий союз, пославший в феврале свое приветствие и затем командировавший с этою же целью в Петербург своего делегата (с явкою от А. И. Ульяновой-Елизаровой поехал П. Колокольников) (Р. Арский, Как готовился первый съезд Р.С.-Д.Р.П. «Красная Летопись», 1928, № 1, с. 15—16; «Работник», 1896, № 1—2, с. 101—103).

17 Апрельская листовка «К рабочим Нового адмиралтейства» от начала апреля была вызвана инцидентом, происшедшим в порту в первый рабочий день после пасхальных праздников, 27 марта (а не 28, как ошибочно сказано в листовке). По версии Верховского, дело произошло следующим образом. Рабочие слесарной мастерской утром встали на работу, но в начале десятого часа большинство из них собралось в канцелярии и просило их уволить, на что исполнявший обязанности мастера полковник Тимирязев не согласился; рабочие ушли тогда сами и стали тащить остававшихся еще у станков. Вслед за тем рабочие котельной мастерской, узнав, что в слесарной работы прекратились, заявили мастеру Бурсину (он был не офицер, а из мастеровых и это было подчеркнуто Верховским), что и они желают уйти; мастер Бурсин их отпустил, заявив впоследствии, что «не мог их остановить и не уволить, когда они не слушают и не желают работать». После этого и в других мастерских часть рабочих ушла. На следующий день все явились на работу, но были оштрафованы в размере дневного заработка. Всего штраф был наложен на 851 человека.

Горемыкин вновь по поводу появившихся листовок обратился с письмом к морскому министру. Подчеркивая опять нежелательность существования «какого либо брожения и недовольства в среде рабочих», Горемыкин категорически настаивал, что всякие к тому

поводы со стороны портового начальства должны быть устранены «в интересах полного между рабочими спокойствия», и просил, в непосредственной связи с листовкой, «войти в рассмотрение указываемых в воззвании обстоятельств и, если по проверке жалобы рабочих окажутся справедливыми, то не оставить таковые без должного внимания».

Как и в февральском случае, так и здесь рабочие оказались в результате листовки выигравшими дело. Чихачев, морской министр, предписал командиру порта, чтобы все требования листовки были удовлетворены. Так, относительно выдачи платы за 27 марта было предписано выдать плату всем, кто ушел с работы «не самовольно, а с разрешения мастера, хотя это разрешение и было дано вследствии просьбы рабочих». Далее, министр указывал Верховскому на то, что работа в пасхальную неделю в портах и на заводах морского ведомства должна оплачиваться в полуторном размере; он приводил также в пример Верховскому начальника Балтийского завода, который не оштрафовал 800 рабочих, ушедших в этот день с завода. Точно также и вторая часть листовки о лавочке вызвала предписание министра, чтобы в будущем удерживалась «лишь та сумма, на которую ими действительно забрано припасов ко дню рассчета» (Дело Главного военно-морского судного управления, 1896 г., № 8, лл. 21—41).

18 Издание этой листовки, как сообщает Б. И. Горев, явилось результатом того, что Г. И. Иванову удалось от приехавшего к его квартирной хозяйке сестрорецкого рабочего, рассказавшего про порядки на заводе и господствовавшем там недовольстве, узнать «все подробности» этого. Иванов сообщил добытые сведения Б. И. Гореву; составленная листовка была распространена в Сестрорецке им же и С. А. Гофманом (Б. И. Горев, Из партийного прошлого, с. 18—19).

19 Об этой стачке имеется упоминание мимоходом только у Тахтарева (стр. 54).

20 Для характеристики положения дел на фабрике Воронина можно привести следующую официальную характеристику положения дел на этой фабрике: «Рабочие этой мануфактуры, вследствии дурного обращения с ними хозяина Ивана Агаповича Воронина, отличаются вообще неспокойным поведением и в 1895 г. на этой фабрике была забастовка рабочих в течении 3 дней. Хозяин своими неправильными действиями неоднократно вызывал потом неудовольствия рабочих, так что в январе наст. года Департамент вынужден был сделать выговор И. А. Воронину и его компаниону С. И. Глезмеру за неисполнение законных требований инспекции, с объявлением указанным владельцам фабрики, что в виду ненормальности постановки дела на этой фабрике и нежелания владельцев поставить рабочих в сколько нибудь сносные условия, Департамент, видя, что советы инспекции остаются без внимания, снимает с нее ответственность за могущие возникнуть беспорядки на фабрике. После этого объявления владельцы улучшили несколько свои отношения к рабочим». К этому не лишне добавить, что и в январе 1894 г. у Воронина была забастовка. (Ф. Матасова, с. 259—260; Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Дело отдела промышленности министерства финансов, сведения о рабочем движении в Петербурге в 1896 г., без номера).

21 Первомайский листок «Союза борьбы», как видно из его текста, вышел в двух изданиях, которые существенно отличаются одно от другого своим концом: в то время как одна редакция отчетливо

подчеркивает вопрос о борьбе с правительством, вторая его затемняет под общим обозначением «всех прочих врагов рабочего класса».

Первомайская листовка была распространена, по словам Б. И. Горева, на 40 фабриках и заводах, в количестве свыше 2000 экз. Она произвела громадное впечатление, так что последовавшая летняя стачка многими ставилась в связь с нею (см. об этом далее, стр. 146). Ранее считали, что этот листок был написан В. И. Лениным, и этим объясняется, что он напечатан в «Сочинениях». Однако, в дополнительном, тридцатом томе «Сочинений» было указано, что «авторство Ленина нельзя считать установленным и бесспорным» и что «по некоторым, еще не вполне проверенным, данным можно предполагать, что автором листовки является один из участников Петербургского Союза борьбы в 1896 году». Как сообщил редакции настоящего сборника М. А. Сильвин, им был написан текст листовки, обозначенный выше как текст. *Б.* (Б. Горев, с 20; К. Тахтарев, с. 56; Ленин, Сочинения, изд. 2, т. 1. с. 509—510; т. XXX, с. VIII).

3—24 Волнения в Новом адмиралтействе возникли 25 апреля вследствии задержки заработной платы. Испугавшись волнений, Верховский обещал заплатить, но прошло два дня и деньги упачены не были — повод для издания листовки. Вторая листовка является переработкой первой. Более детальных сведений о ходе этих волнений нет («Летучие листки» Фонда вольной русской прессы, № 34, сообщение которых почти целиком является пересказом листовки).

3—28 «Знаменитая петербургская промышленная война 1896 года» — так называет В. И. Ленин в «Что делать?» летнюю стачку 1896 г., указывая, что после нее рабочие стачки приняли «повальный характер». И давая далее общую характеристику стачечного движения того времени, В. И. Ленин, указав на стихийность этих стачек, подчеркивает, что «стихийность стихийности — рознь», и что стачки 90-х г.г. по сравнению с «бунтами» 60—70 г. г. «можно даже назвать «сознательными» — до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение» («Сочинения», т. IV, стр. 383—384).

Действительно, даже официальные органы вынуждены были признать этот новый характер стачечного движения, начатый майской стачкой [1]. Так, прокурор петербургской судебной палаты в своем заключении о 56 рабочих, привлеченных по делу о стачке, пишет, что «при всех забастовках рабочие не прибегали ни к буйству, ни к насилию и лишь на некоторых фабриках... препятствовали продолжать работу своим товарищам соседних фабрик, не желавшим присоединиться к стачке» (есть указания на два случая битья стекол и бросания камней в полицию). Еще интереснее в этом отношении

---

[1] Дальнейшее изложение основано преимущественно на архивном материале: деле департамента полиции, 3 дел., 1896 г., № 606, т. I; деле министерства юстиции, 1896 г., № 13578; деле отдела промышленности министерства финансов, делопроизводство главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия, без номера, сведения о рабочем движении в Петербурге в 1896 г., а также на сохранившейся в архиве ИМЭЛ, № 21627, обширной корреспонденции, повидимому для «Работника», о стачке. Везде, где это особо не оговорено, сведения заимствованы из дела министерства финансов, в котором имеется сводная «хронологическая справка» о движении; первичные материалы, на которых она была основана, не сохранились. Статистическая таблица о «ходе забастовки» и протокол совещания в министерстве финансов находятся там же.

заключение специального совещания в министерстве финансов с участием чинов фабричной инспекции, состоявшегося в дни забастовки: «легко можно опасаться, читаем в протоколе этого совещания, что нынешнею крупною стачкою, характеризующеюся невиданною для наших фабричных рабочих стойкостью и выдержкою, дисциплиною, благопристойным, с внешней стороны, поведением, и ясною формулировкою единодушного требования сокращения рабочего дня, признаками, говорящими, что нынешние фабричные рабочие далеко уже не те, какими они были 10—20 лет назад, далеко не кончится».

В тот момент, когда вспыхнула забастовка, фабричная инспекция вообще стала видеть многое такое, чего она не замечала. Стоит поэтому привести значительную выписку из протокола этого же совещания, характеризующую условия труда и быта рабочих того времени. К протоколу этому была приложена таблица, характеризующая заработок и продолжительность рабочего дня. (См. стр. 144).

«Продолжительность рабочего дня, — читаем в протоколе совещания, — вообще во всех округах представляется чрезмерно большою, в особенности же на Петербургских фабриках, где она, в среднем, составляет от 12 до 14 часов ежедневно. Столь продолжительная работа в мастерских со спертым воздухом и высокою температурою, доходящею до 23—28° Р. не может не вызывать чрезмерного переутомления рабочих. В особенно тяжелых условиях находятся прядильщики и подручные, которые должны в течении указанных 12—14 час. ходить взад и вперед за кареткою мюль-машины (сельфактора). Если принять во внимание, что 1) сельфактор делает отход на 66 дюймов, 2) что на отход и на обратное перемещение расходуется, в зависимости от выпрядаемого номера пряжи, от 13 до 26 сек. и 3) что средняя продолжительность работы на фабрике составляет 13 часов, то нельзя не признать, что прядильщику и подручным приходится ежедневно проходить на фабрике, в душной атмосфере [1], $12^1/_2$ верст, а с двукратным проходом на квартиру по 15—17 верст, что не может не быть признано чрезмерно утомительным.

Особенно тяжелою и утомительною представляется работа прядильщика и подручных летом, во время наступления жаров, на что, между прочим, делались указания забастовавшими рабочими. Утомительность работы усугубляется еще однообразием ее, так как вся роль рабочего сводится к тому, чтобы смотреть за целостью выпрядаемых нитей, и, в случае обрыва их, производить «присучку» (т. е. соединять концы оборвавшихся нитей); такая работа требует в то же время напряженного внимания со стороны рабочего [2].

Совсем в иные в указанном отношении условия, поставлены рабочие на заводах иной специальности, например, на машиностроительных, где рабочий производит умеренную мускульную работу, притом работу разнообразную, требующую смекалки и ловкости.

Насколько тяжело отражается работа прядения на здоровьи рабочих, можно наглядно убедиться по их внешнему виду — изможденные, испитые, изнуренные, со впалою грудью, они производят впечатление больных, только что вышедших из госпиталя. Горькую правду говорили забастовавшие рабочие инспекторам, указывая на

---

[1] В прядильных залах поддерживается высокая температура, при влажном воздухе, для чего, на некоторых фабриках, ставятся особые увлажнители.

[2] На каждого рабочего приходится 500—600 нитей, в тонких номерах почти незаметных для глаза.

Наименование мануфактуры	Число рабочих		Число часов работы[1] в неделю		Заработок в день			Число рабочих дней в году
	Прядильщиков	Ткачей	Прядильщиков	Ткачей	Прядильщик	Присучальщик	Ткач	
Екатерингофская	690	—	79	—	200	70	—	284
Кенига	1302	—	78	—	146—208	67—104	—	287
Российская бумагопрядильня	685	—	74¼	—	100—160	65— 95	—	285
Триумфальная	172	—	84	—	160	50	—	283
Невская бумагопрядильня	1405	—	72	—	150—176	55— 57	—	291
Новая бумагопрядильня	1616	—	74	74	158—187	67— 75	75—109	284
Невская ниточная	1590	—	—	—	—	—	—	291
Кожевникова	—	502	—	79½	—	—	70—120	—
Спасская бумагопрядильня	415	766	75	75	80—170	40— 85	70—126	292
Петровская	495	883	75	75	129—171	73— 96	90—135	292
Александро-Невская мануф. Н. Я. Паля	—	756	—	72 д. 60 н.	—	—	60—120	—
Старо-Сампсониевская	411	559	75	75	100—140	50— 70	70—125	285
Ново-Сампсониевская	162	175	78	78	120—180	—	60—125	278
Воронина	—	—	—	78	—	—	70—100	285
Северная ткацкая мануфактура	—	146	—	75	—	—	50—160	290
Охтенская бумагопрядильня	507	—	79	—	130—180	75— 85	—	294
«Невка» (Невско-ниточная)	772	—	—	—	200	55	—	291
Чешер	—	500	—	67½	—	—	70—120	285
Герарда	94	—	70	—	—	—	—	291

[1] Продолжительность «чистой работы», т. е. за вычетом времени на обед.

то, что они не имеют «аппетита». «Мы, — говорили спокойно рабочие, — не то, что слесаря и токари машинных заводов, те проработают на заводе, придут домой — горшок каши сразу съедают, а мы придем домой, протаскавшись на фабрике день деньской, совсем от еды отбились — нет аппетита».

В том же протоколе находим характеристику жилищных условий петербургского текстильщика: «В этом отношении Петербургский округ выделяется резко от других фабричных районов. Петербургские фабрики не имеют казарм для помещения рабочих, за небольшими исключениями (мануфактуры: Спасская, Петровская, Торнтона и ситце-набивная Воронина, бывшая Гука). Вследствие сего рабочие вынуждены жить по частным квартирам, далеко от фабрики; поэтому большинству из них приходится терять, в среднем, по 2 часа в день, употребляя на проход в один конец около получаса. При кратковременном перерыве на обед (на что полагается 1 час времени), рабочий вынужден бегом бежать домой, наскоро перехватить чего-либо и снова бежать на фабрику, а некоторые из рабочих, не будучи в состоянии найти себе помещения поблизости фабрики, вынуждены обедать по трактирам и разным пристанищам [1]. Отсутствие удобных жилищ порождает постоянную перекочевку рабочих с одной фабрики на другую — явление, которое в такой степени нигде не проявляется, как на петербургских мануфактурах. Можно сказать, что, в среднем, фабрики имеют не более 50% постоянных подручных, остальные же 50% представляют из себя бродячий элемент. Дороговизна и неудобства жилищ обусловливают собою, между прочим, бессемейственность рабочих, даже прядильщиков, которые получают сравнительно большие заработки, не говоря уже про подручных, среди которых почти нет семейных».

Что касается реальной заработной платы, то протокол констатировал, что «жизнь в Петербурге значительно дороже, чем в других округах. Не говоря про жизненные припасы, особо тяжело обходятся рабочим расходы по содержанию квартиры. В среднем, комната, в одно окно, обходится рабочему фабрик Обводного канала в 7 р. 50 к. в месяц, при чем плата эта должна быть внесена единовременно в начале месяца, тогда как в Лодзи стоимость комнаты, более приспособленной к жилью фабричного человека, не превышает 2—3 руб., при рассрочке этой платы на еженедельные взносы».

Об отношении фабричной администрации к рабочим читаем в протоколе:

«Среди других обстоятельств, могущих служить и неоднократно служивших поводом к неудовольствиям рабочих, должно быть признано дурное обращение с ними фабричной администрации. Большинство здешних директоров и мастеров — иностранцы, преимущественно великобританские, швейцарские и прусские подданные, не знакомые ни с языком, ни со складом жизни русского рабочего. Некоторые из них (как напр. директор Российской бумагопрядильни, директор мануфактуры Л. Кенига) объясняются с рабочим

[1] Между прочим, на всех фабриках Обводного канала забастовавшие рабочие делали указания на Российско-американскую резиновую мануфактуру, на которой «рабочие живут по человечески, имея где отдохнуть и заснуть, и на которой для детей фабричных имеется сад и иные учреждения».

через посредство переводчика, который, конечно, всегда может в передаче слов рабочего делать искажения. Находясь под главным управлением указанного состава директоров и таковых же мастеров, рабочие чувствуют себя обособленными, не имея человека, которому они могли бы передать о своей нужде и который, поняв их, отнесся бы к ним сочувственно. Засим, указанные лица стараются совершенно игнорировать наше фабричное законодательство и административные распоряжения (напр. Говард, Бек, которые позволили себе однажды назвать Устав о Промышленности «дурацким законом» и друг.)».

Наконец, о врачебной помощи:

«Врачебная помощь, которая на основании действующих правил должна бы оказываться бесплатно всем рабочим, выражается лишь малополезными фельдшерскими приемными покоями на очень немногих фабриках, так что при сколько нибудь серьезном заболевании рабочий вынужден сам искать себе приют в городских больницах. Но этого мало; как выяснено инспекцией по беспрерывным жалобам рабочих, оказывается, что заболевшие, не получая никакой помощи, вместе с тем штрафуются за неявку на работу; те же из них, которые, по сравнительной ли легкости заболевания или пересиливая его, чтобы избежать штрафа, являются на работу, для заявления об отпуске по болезни, сплошь и рядом получают грубый отказ и опять таки штрафуются за самовольный уход с работы».

Для характеристики положения рабочих стоит привести еще выдержку о так называемых «поналичных» рабочих, положение которых было еще многим хуже положения рабочего, постоянно работающего на фабрике.

«При петербургских фабриках за последние годы образовался штат запасных рабочих—кандидатов на могущую открыться свободную вакансию. Число таких рабочих было очень значительно; для фабрик это представляло, в частности, некоторые удобства, так как они во всякое время находили сразу заместителя рабочему, выбывшему по тому или иному случаю из фабрики. Подобные запасные рабочие («поналичные») должны были ежедневно являться на фабрику, ничего от нее не получая, пропитываясь подаянием или случайным заработком, представлявшимся им в случае, если кто-либо из рабочих, по болезни, не вышел на фабрику, и ночуя в ночлежных домах. Многим из таких рабочих по месяцам приходилось добиваться получения постоянной работы».

Лишь опасаясь волнений среди них, фабричная инспекция обязала фабрикантов: «1) содержать поналичных наравне с рабочими, т.-е. с заключением с ними условий найма и выдачею им расчетной книжки и 2) уплачивать им хотя бы 75% средней заработной платы, получаемой лицами, работающими на фабрике»; и «теперь при каждой фабрике за последние полгода уже имеются исключительно «штатные поналичные» и притом сравнительно в небольшом числе».

Агитационная деятельность Союза борьбы за время его работы глубоко всколыхнула массы. Впечатление, которое произвела первомайская прокламация, уже могло повести к забастовке. Так, в оставшейся неопубликованной корреспонденции в «Работник» читаем, что «возбуждение среди рабочих началось со времени появления на фабрике (Новой бумагопрядильне) прокламации 1 мая (19 апреля). Пошли разговоры и толки». Один из рабочих Новой бумагопрядильни говорил автору корреспонденции: «Все вас благодарить

должны, все, благодаря майскому листу, уже тогда стали волноваться и рассуждать наши рабочие». Он же рассказал про чтение им этой прокламации тогда же другим рабочим, после которого раздавалось «восторженное ура». Но, как говорит корреспондент, эти толки затихли бы, может-быть, если бы не подоспела на Новую бумагопрядильню весть о начавшейся на других фабриках забастовке. Таким образом, на примере этой фабрики можно видеть, как, благодаря подготовленной почве, с легкостью воспринимался призыв к забастовке и каким образом она могла стать такою значительною. Непосредственным поводом к забастовке явился вопрос о выплате денег за коронационные дни 14—16 мая.

Еще заранее на фабриках и заводах было объявлено, по распоряжению градоначальника, что праздничным днем будет считаться 14 мая, и что за этот день рабочие получат свой дневной заработок, дни же 15—16 мая рабочие могут не работать, и если «они пожелают праздновать три дня, то им в этом не мешать и штрафам не подвергать за прогулы 15—16 мая». Уже это распоряжение вызвало недоумение на фабрике Кенига, закончившееся вызовом фабричного инспектора; рабочие утверждали, «что празднества должны продолжаться три дня и им следует получить деньги за три дня», а после разговора с инспектором заявили, что 15 и 16 мая они будут работать. Однако, так как рабочим казенных заводов было объявлено, что они получат за все три дня, то 12 мая градоначальник, в присутствии вызванного им старшего фабричного инспектора, приказал оповестить фабрикантов и заводчиков о том, что желательно, чтобы за два дня, за 14 мая и за день въезда Николая II в Петербург, рабочим была уплачена их поденная плата.

14 мая фабрики не работали, но 15 мая все рабочие фабрик, расположенных близко одна от другой, в одном 3 участке Нарвской части (Российская, Екатерингофская, Кенига, Воронина, Ауха, Российско-американская резиновая, Триумфальная) явились во время на работу. Российская бумагопрядильня, та самая, которая несколько дней спустя начала общее стачечное движение, дала 15 мая сигнал к прекращению работы. Дело в том, что полагавшийся по церемониалу молебен не был отслужен на фабрике 14 мая, а состоялся только в 9 часов 15 мая. Рабочие Российской бумагопрядильни после молебна не вернулись на работу, несмотря на заявление, что за вторую половину дня в таком случае им не будет уплачено, а часть их пошла к соседним, только что перечисленным, фабрикам и «маханием платков и различными жестами» вызывала их выйти и прекратить работу. С обеда 15, а затем 16 мая рабочие всех перечисленных фабрик, кроме одной лишь Российско-американской резиновой мануфактуры, на работу не вышли.

Последующие дни не прошли спокойно. В своей записке от 1 июня 1896 г. градоначальник сообщает в департамент полиции, что «по окончании праздничных дней 14, 15 и 16 мая на некоторых фабриках стало замечаться брожение, между рабочими появился ропот, вызванный тем, что на одних фабриках рабочим уплатили деньги за все три дня, хотя работ вовсе не было, фабрики эти признавали 14, 15 и 16 мая табельными днями, в каковые дни с рабочих плата не вычитается, на других фабриках и заводах строго держались сделанного объявления и неявившимся 15 и 16 мая рабочим денег не заплатили».

23 мая на Российской бумагопрядильне началась забастовка, быстро перешагнувшая через местные и частные поводы и приведшая,

благодаря хорошо подготовленной почве, к предъявлению общих требований, правда, формулированных, как видим из даты листовки — 30 мая — только неделю спустя после начала движения, в тот момент, когда оно уже широко разлилось [1]. К событиям 23—30 мая, которые позволили Союзу выступить в роли руководителя общего движения, нам и предстоит перейти.

Движение начала фабричная молодежь, помощники прядильщиков мюльщиков (их возраст 15—25 лет), так называемые подручные и задние мальчики (так их называет корреспондент «Работника») числом 102, требуя уплаты за $^1/_2$ дня прогула, а также за лишние 20 минут ежедневной работы, так как администрация пускала машину ранее срока утром и после обеда, каждый раз на 10 минут. Из заключения прокурора (инспекция и «хронологическая справка» об этом молчат) узнаем, что перебор этих лишних минут на фабрике длился, начиная с 1887 года. Вызванный на фабрику старший фабричный инспектор заявил, что первое требование не будет исполнено, а что касается лишних минут, то он в ближайшем времени разберет это дело, и если рабочие окажутся правы, то им будет уплачено. Работы были возобновлены. Однако, в этот же день и в министерстве финансов и в градоначальстве было принято решение в данный момент никаких уступок не делать, опасаясь, что «иначе рабочие и всех остальных фабрик могут предъявить те же требования».

Когда 24 мая подручные вновь с утра попытались прекратить работу, тот же старший фабричный инспектор принудил было их работать, но после обеда они на работу уже не вышли (96 человек), и движение теперь приняло обще-фабричный характер, так как, по словам «хронологической справки», «прядильщики пытались также уйти из фабрики, отговариваясь тем, что без подручных им нельзя работать». Инспектор пригрозил прядильщикам уголовной ответственностью, как «зачинщикам стачки», и обещал платить как за полную работу за работу на половинном количестве машин (на одной вместо двух, вследствие отсутствия подручных); этим он задержал рабочих на работе 24 и 25 мая. 25 мая пошла на частные уступки администрация, объявив, что рабочим будет выдан за переработку «лишних минут» в течении последнего года трехдневный заработок. Помощник директора фабрики получил за это от инспекции строгий выговор. 26 мая падало на воскресенье, а 27 движение возобновилось и быстро пошло вверх. Правда, Российская мануфактура продолжала работать, но обще-текстильный характер движения сказался уже в том, что на забастовавших двух фабриках, у Кенига и на Екатерингофской мануфактуре, требования уже не ограничивались одними коронационными деньгами: на обоих фабриках выдвинуто было требование сокращения рабочего дня с 13 до $10^1/_2$ часов; если, по словам «хроноло-

[1] В работе Т. П, Ш. «К истории петербургской стачки текстильщиков в 1896 г.» («Красная Летопись», 1931 г., № 2 стр. 96) находим указание, основанное на той же «хронологической справке» которой пользуемся также и мы, что уже 24 мая на Российской бумагопрядильне стали распространяться воззвания «Союза борьбы». Однако, соответствующее сообщение фабричного инспектора здесь было основано на легко установимой ошибке: он излагает не какое либо новое, а старое воззвание, изданное еще в апреле и только теперь попавшее в его руки (оно напечатано у нас под № 25).

гической справки», у Кенига «усилиями старшего и участкового инспектора удалось поставить рабочих за станки», то на Екатерингофской мануфактуре, где после обеда прядильщики и подручные не вышли на работу, директор сам распорядился распустить тех рабочих, которые все-таки явились (за что и получил «строгий выговор»). Уже в этот день старший фабричный инспектор докладывал градоначальнику, что вследствие требования о сокращении рабочего дня движение приобретает «опасный характер».

На следующий день, 28 мая, уже с утра не вышли на работу рабочие мануфактур Екатерингофской и Кенига, после обеда — Российской бумагопрядильни, а в 3 часа — Митрофаньевской мануфактуры. На Триумфальной мануфактуре и Резвоостровской мануфактуре Воронина (здесь бросила было работать ночная смена) инспекции удалось под угрозой высылки рабочих из Петербурга принудить их остаться на работе. Когда в час ночи собралось экстренное совещание у градоначальника, то старший фабричный инспектор «доказывал, что быстрое распространение стачки внушает ему опасение, как бы и другие фабрики не забастовали в скором времени, и что вследствие сего надлежит принять самые энергичные меры к восстановлению работ на забастовавших фабриках». Решено было вывесить объявление о том, что если в течении трех дней, считая с начала забастовки, рабочие не приступят к работам, то против них будет возбуждено уголовное преследование.

29 мая забастовка сделала дальнейшие успехи: забастовали Триумфальная мануфактура и на Невской бумагопрядильне подручные прядильщики, а остальные бастовали теперь целиком.[1] Вечером 29 мая фабричный инспектор докладывал градоначальнику, что «объявление не произвело почти никакого впечатления на забастовавших, и что нужны более решительные меры, если и на другой день рабочие не начнут работать».

Следующий день, 30 мая, дал новый скачок забастовки вверх благодаря вступлению в забастовку, хотя и не совсем полностью, двух самых крупных мануфактур — Новой бумагопрядильни и Невской ниточной, а также мелкой мануфактуры «Александр» и части фабрики Кожевникова.

К этому времени у полиции и у фабричной инспекции были данные о том, что дело идет к объединению борьбы рабочих, и градоначальник, в донесении от 1 июня, указывал на зловредную роль Екатерингофского парка, расположенного в районе Нарвской части Петергофского участка, где находится большинство ткацких фабрик, что, по его словам, «дает возможность входить в стачку остальным группам рабочих и принуждать более робких присоединиться к этим безпорядкам». По словам Тахтарева, именно здесь, в Екатерингофском парке в последних числах мая рабочие представители забастовавших заведений собрались в количестве около ста человек «и выработали свои требования» (№ 26). Корреспондент «Работника», говоря о той же сходке (без точной даты),

---

[1] В «хронологической справке» 29 мая отмечено как прошедшее без забастовки (так вслед за справкой пишет Т. Н. Ш. в указанной статье); однако, в таблице о «ходе работ на фабриках» за эти дни имеются приведенные нами факты роста забастовки. Последние близки к тем данным, которые имеются в неопубликованной корреспонденции в «Работник». В дальнейшем мы пользуемся преимущественно таблицею о «ходе работ».

с тою же цифрою около ста рабочих[1], передает, что «о ней говорят очень много все не бывшие, как о вещи необыкновенной». Эта сходка не была единственной. В другом месте тот же корреспондент пишет, что «следующие за прекращением работы дни прошли в беспрерывных собраниях рабочих между собою и сходках в поле с рабочими других фабрик».

В тексте первого (№ 26) и последующих листков есть резкая особенность, которая вызвала нарекания рабочих. В некоторых экземплярах (см. стр. 52, прим. 1) в третьем пункте требований, там, где говорится о повышении расценки, точное определение этого повышения «на 1 коп. и где можно, на 2 коп. против нынешних» было зачеркнуто и от руки печатными буквами вписано: «столько, чтоб заработки не уменьшились». Что эта поправка не была случайной, явствует из того, что в листовке от 1 июня (№ 27) в перечислении требований фигурирует именно эта неопределенная формулировка, а не первоначальная (цифровая). Корреспондент «Работника», повидимому, именно такой экземпляр требований видел у рабочих. Он пишет: «В первом листке (перечисление требований ткачей и прядильщиков), не понравился пункт об увеличении расценков, неясно изложенный». И мы видим, что в листовке от 3 июня (№ 28) Союз опять дает первоначальную формулировку требований о расценке.

Вплоть до 3 июня число бастующих фабрик все возрастало.

Деятельность Союза борьбы в дни стачки почти совсем не освещена в воспоминаниях. Не многим больше можно извлечь и из официальных материалов. Однако, даже департамент полиции понимал значение предшествующей роли Союза, то, что для такого обширного выступления «почва была подготовлена преступной пропагандой среди рабочих». Крупнейшая роль Союза, организационно и политически оформлявшего забастовку массовым выпуском листовок, устройством собраний и устной агитацией, заставила полицию обратить пристальнейшее внимание на его деятельность. В специальной записке, которая говорит о «мерах, принимавшихся охранным отделением по поводу забастовки», эти меры сведены к 3 пунктам: усиление секретной разыскной агентуры, особое внимание к работе полицейских конспиративных квартир в фабричных районах и «особое внимание секретных агентов и бдительный надзор за появляющимися в рабочей среде подстрекателями из лиц интелигентного класса».

Надо сказать, что полиция достигла некоторых результатов: она сумела получать воззвания до выхода их в свет и после их выхода (так, напр., один агент получил от Д. Воронцова 100 экз. листовки «Чего требуют...», а другой — от С. Гофмана 200 экз. «Ко всем петербургским рабочим»), но, кроме того, ей удалось выяснить и некоторых деятелей Союза. По агентурным сведениям это были Ив. Шестопалов, Ф. И. Гурвич (Дан), Дм. Воронцов, С. А. Гофман и В. Орлова — причем начало деятельности последних трех было установлено еще до декабрьских арестов.

---

[1] Надо указать, что Тахтарев, несомненно, имел в своих руках эту корреспонденцию и ею пользовался как в этом, так и в других местах при описании стачки: некоторые диалоги, которые он приводит в своих очерках, прямо выписаны из этой корреспонденции. А тогда только что приведенное его сообщение теряет свой характер первоисточника и свидетеля, равноценного корреспонденту «Работника».

Корреспондент «Работника» писал, что «вообще стачка показала наличность в рабочей среде элементов, в обыкновенное время совершенно индиферентных ко всему, но в подобные минуты проявляющих большую смелость и решительность, как в разговорах с полицией и инспекцией, так и в препятствии нерешительным товарищам продолжать работу». Усилиями полиции и здесь было выяснено многое и в заключении прокурора рабочие распределены по отдельным фабрикам, причем на каждой фабрике оказались свои, местные, организаторы, которые побуждали к забастовке, поддерживали настроения рабочих, распространяли воззвания, вели переговоры. По особому дознанию таких главнейших руководителей из рабочих оказалось 56 человек, которые подлежали высылке и подчинению гласному полицейскому надзору, на сроки 2-3 года, причем им было запрещено жительство также и в фабричных губерниях — Тверской, Ярославской, Владимирской и Нижегородской. Небезынтересно и то, что пятеро из этих рабочих приняли вновь участие в январской стачке 1897 г.

Листовка 4 июня была первым тревожным сигналом того, что забастовка текстильщиков кое-где начинает сдавать. Со стороны фабричной инспекции, со стороны градоначальства и со стороны самих предпринимателей был сделан ряд усилий, чтобы сломать стачку: предприниматели были готовы пойти на кое-какие уступки; градоначальство действовало двояко: арестами, с одной стороны, и заявлениями, без ведома фабричной инспекции и вопреки ее намерениям, которые передавались официально от имени градоначальника на фабриках как раз в день 4 июня о том, что «градоначальник предлагает рабочим успокоиться и стать на работу, что просьбы их и жалобы будут внесены в самом непродолжительном времени на обсуждение главного по фабричным делам присутствия» [1].

Рабочие Кенига, по крайней мере некоторая их часть, заколебались уже 3 июня, когда на фабрике оказалось 100 желающих работать, но без остальных 1200, конечно, начать работу было невозможно. 4 же июня, как говорит «хронологическая справка» «усилиями фабричной инспекции» и приехавшего на мануфактуру градоначальника была восстановлена работа у Кенига и на Триумфальной мануфактуре, но на последней работа продолжалась всего 2 часа, а потом рабочие ушли. Но в общем этот день еще не был началом общего спада. Охтенская мануфактура, 3 июня уже работавшая половину дня, 4 июня совсем не работала; присоединилась к забастовке небольшая фабрика Бека.

Варгунинская фабрика не примкнула к забастовке текстильщиков, и не забастовала самостоятельно, но листки оказали свое действие на администрацию тотчас, и этим объясняется спокойствие на этот раз варгунинских рабочих. Вот что сообщает о действии листка корреспондент «Работника»: «После июньских листков шабашат в 7 часов вместо 8. Тряпичниц, которых собирались заменить машинами, не расчитали. Тотчас после листков удалили тряпичную мастерицу и тряпичного прикащика, побитого работницами. Тоже собираются сделать с управляющим. В тряпичном отделении прежде вырабатывали задельно 8—12 коп. в день. Теперь поденно 60 коп. В окончательном отделении оставлена задельная плата, но

[1] Не останавливаемся детальнее на действиях в этот момент градоначальства и фабричной инспекции, так как они охарактеризованы в статье Т. И. Ш. в «Красной Летописи», 1931, № 2, стр. 100 и сл.

повышена (введена та же плата, что была в старину до понижения расценка)».

32 Листовка 5 июня знаменовала уже серьезный прорыв на фронте стачки, хотя впоследствии, при уменьшившемся незначительно 6 июня числе бастующих, стачка 7 и 8 июня вновь и в последний раз дала движение вверх. Серьезен был этот прорыв потому, что 5 июня на работу стали Екатерингофская мануфактура, которая начала забастовку, и Российская, на которой прежде всего начались волнения, не говоря о сравнительно малой Триумфальной.

Листовка подчеркивает то разлагающее влияние, которое мог оказать градоначальник на ряд событий. Если в своем первоначальном объявлении градоначальник угрожал высылкою из Петербурга всем тем, кто не приступит в течении трех дней к работе, то уже начиная с 3 июня градоначальник разъезжал по фабрикам. 3 июня на Старо-сампсониевской мануфактуре он был встречен «насмешками и дерзостями» и дело кончилось вызовом роты солдат и взвода конных жандармов. 4 июня градоначальник посетил опять две мануфактуры. Для характеристики действий градоначальника, очень характерно одно место корреспонденции в «Работник». Корреспондент пишет: «Была депутация рабочих по требованию градоначальника от каждой фабрики: он принял всех в два раза. Не выслушав их совсем, сказал, что знает, что фабриканты рабочих обирают, что он отдал дело на рассмотрение особой комиссии и предлагал становиться на работу».

Помощь заграничных рабочих раньше всего начала приходить из Германии (ср. прим. к № 61); оттуда было получено 287 руб. еще, повидимому, в дни забастовки; ждали «крупную сумму», как пишет корреспондент «Работника», и из Вены (перечень этих сумм см. в денежном отчете, № 62). По его же сообщению (оно датировано 15 июля), «на очереди стоит листок с известием о помощи от иностранных рабочих». Листок этот, однако, не был издан.

Вопрос о поддержке забастовки рабочими механических заводов мало, к сожалению, освещается имеющимися в нашем распоряжении материалами.

Тахтарев пишет: «Материальную помощь и в более обширных размерах оказывали рабочие больших механических заводов, поставленные в смысле заработка в лучшие условия, чем какие-либо другие рабочие. На заводах шли правильно организованные сборы по мастерским. Деньги немедленно же и непосредственно передавались стачечникам... Был момент, когда шли усиленные толки о забастовке на больших механических заводах под влиянием прокламаций Союза... Однако, стачки не состоялось. Насколько я знаю, среди рабочих механических заводов, возражавших против стачки, выдвигалось такое соображение: «кто же будет помогать забастовщикам, если они забастуют».

33 9-го июня, нерабочий воскресный день, когда была издана листовка, был самым критическим днем забастовки. Накануне, 8-го июня, состоялось на Волковом кладбище собрание рабочих, о котором корреспондент «Работника» сообщает лишь, что «многие рабочие отправились на Волково поле потолковать о своем деле», добавляя, что «больше я пока об этом факте не знаю». Тахтарев же пишет, что собрание это было «замечательно по своему духу; там было высказано глубочайшее негодование рабочих на отношение правительства к рабочему классу и его нуждам». Несмотря на это, кризис все же был на лицо: 10 июня забастовка пошла на

убыль. Листок Союза, по словам корреспондента «Работника», оказался «очень своевременным»: листок появился в обращении 9 июня вечером, а 10 июня утром было вывешено объявление градоначальника, в котором он заявлял, что «все претензии и требования» рабочих, «послужившие предлогом и поводом к забастовке, останутся без всякого рассмотрения, пока рабочие не станут на работу». Далее, градоначальник заявлял, что те требования, которые подлежат «удовлетворению, согласно закону», «будут удовлетворены немедленно», а остальные «будут представлены на усмотрение высшего начальства». При таких условиях прокламация, призывающая к продолжению забастовки, была по справедливому замечанию корреспондента «Работника», «как бы ответом на объявление градоначальника».

Выпуск особого листка к рабочим Новой бумагопрядильни объясняется скорее всего тем, что по числу рабочих она была самою крупною и к ней было привлечено наибольшее внимание «Союза». Об этом говорит также и то, что половина всей корреспонденции в «Работник» (около $^1/_2$ печатного листа) отведена той же Новой бумагопрядильне. Что касается самого хода забастовки на Новой бумагопрядильне, то она шла очень дружно и кончилась только 13 июня, т. е. когда забастовка явно уже шла к концу. Пользуясь корреспонденцией, Тахтарев привел из нее несколько сцен и фактов, характеризовавших бодрое настроение рабочих. В корреспонденции приведен еще ряд фактов, показывающих, как рабочих хотели обманом заманить на работу (6 или 7 июня 50 переодетых дворников отправились якобы рабочими на работу, но были узнаны и осмеяны) или принудить к тому же силою (7 июня городовые ходили по квартирам рабочих, но рабочие или заблаговременно уходили или же не впускали их). По словам корреспондента «Работника», рабочие Новой бумагопрядильни «держались пока очень дружно и спокойно» (речь идет о времени до издания листовки).

Листовка аппелирует прежде всего к стачке, которая была «17 лет» тому назад. Две стачки на Новой бумагопрядильне, в 1878 и 1879 г.г., составили эпоху в рабочем движении Петербурга и в революционном движении вообще. Для рабочего движения Петербурга это было революционным выступлением, которое привлекло настолько большое внимание, что даже легальная газета «Новости» напечатала составленное Плехановым сообщение о стачке. Вместе с тем эти стачки были первыми, в которых революционная организация, в лице «Земли и Воли», приняла участие, издала листовку и была среди рабочих в эти дни.

Упоминаемый в листовке Говард — это директор фабрики, Андрей Андреевич Говард (англичанин).

Метка, о которой идет речь в листовке, обусловлена техникой измерения куска ткани при приемке работы. Ткань при этом наматывается на вал; через каждые несколько аршин (напр. через 5 аршин) кладется автоматическая метка; фабрикант передвигает расстояние между метками (напр. до $5^1/_2$ аршин) и тем самым удлиняет весь кусок.

34 Н. К. Крупская в своих воспоминаниях о «Союзе» пишет: «Общество, интеллигенция сочувствовали этой забастовке, давали денег, прятали литературу. Это была пора весны русского рабочего движения, когда для большинства публики не видно было еще, к чему она приведет. Диктатура пролетариата, низвержение власти капитала — кто же думал об этом тогда?». Мартов, говоря о том, что

доходило в тюрьму о стачке, пишет тоже об «энергичной работе по собиранию в «обществе» и среди студенчества средств на ее поддержку». Иначе звучат замечания на эту тему Тахтарева, который пишет относительно «русского общества», что «даже передовые элементы относились к этой действительно величественной стачке довольно равнодушно». И при обращении к «различным редакциям наиболее передовых газет и журналов» «сколько нибудь значительных сумм получить не могли». Тахтарев приводит в пример редакцию «Русского Богатства», где «не проявили особого сочувствия к нашему делу» и лишь В. Г. Короленко дал 10 р. В годичном отчете Союза (см. № 62) в графе о приходе на дела стачки находим особую рубрику «от редакций» с суммою 150 руб.

О рассылке этой листовки Б. И. Горев сообщает, что она была «разослана по почте по ряду адресов известных либеральных писателей и известных деятелей». (Н. К. Крупская, сб. «От подпольного кружка к пролетарской диктатуре» с. 15; Ю. Мартов, с. 306; К. Тахтарев, с. 68—69; Б. Горев, с. 25—26).

35 Эта листовка является последнею в ряду листовок, связанных с забастовкой. Ее краткость, повидимому, была обусловлена очевидным спадом забастовки. Ссылка в ней на угрозы расчета вызвана соответствующим объявлением градоначальника; так, на Новой бумагопрядильне 11 июня было вывешено объявление, что все не вставшие на работу рабочие «считаются уволенными с фабрики» и что расчет их «назначен на завтра, среду 12 июня, в 1 ч. дня» (не явившимся рабочим объявление угрожало вручением паспортов через полицию и выдачею заработка на родине через волостные правления). Вопрос о расчете сыграл существенную роль в ходе забастовки, напр., на Новой бумагопрядильне, и, возможно, что листовка, по приводимым ею фактам вообще обращенная к Новой бумагопрядильне (напр. указанный в ней далее случай с попыткою полиции взять рабочих с квартир, см. примеч. к № 33), именно ее имела в виду. Здесь, как рассказывает корреспондент «Работника», более всего опасались срыва забастовки, по примеру срыва ее в 1879 г., когда рабочие, как только их расчитали, тотчас вновь стали наниматься на работу. Действительно, дело так произошло на Новой бумагопрядильне и на этот раз. 12 июня прядильщики, которые первыми начали забастовку, явились за расчетом (ткачи не явились) и на следующий же день, 13 июня, первыми же стали на работу. Это знаменовало конец забастовки.

6 и 39 15 июня министр государственных имуществ предупреждал департамент полиции, что, по его сведениям, путиловские рабочие собираются 17 июня предъявит требования о введении 8-часового рабочего дня. О дальнейших событиях на Путиловском заводе без даты, во «вторник» со знаком вопроса (вторник после 15 июня падал на 18 июня), рассказывает корреспондент «Работника». В описываемый им день 100 слесарей паровозо-механической мастерской прекратили работу, но остальные рабочие их не поддержали. Был вызван фабричный инспектор, которому были предъявлены требования, прямо заимствованные из первой листовки. В ответ на требование рабочих о 8-ми часовом рабочем дне, инспектор заявил, что вопрос этот разрабатывается; когда речь зашла об эксплоатации со стороны старших, начальник (повидимому, начальник мастерской) прервал рабочих замечанием, что это де неправда; вопрос о работе в воскресенья и праздничные дни был связан со штрафами, которые брали за отказ от работы, что ад-

министрация пыталась отрицать, — однако корреспондент «Работника» сообщает о фактах таких штрафов; наконец, фабричному инспектору было заявлено и не содержащееся в листовке требование об уплате за коронационные дни, а также указано на непорядки в общественной лавочке.

Об упоминаемом в листовке инциденте на Александровском заводе см. следующее примечание.

37 8-го июня рабочие вагонных мастерских Александровского механического завода Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги отказались выйти на работу, предъявив требования, суть которых видна из настоящей листовки. Когда на завод приехал начальник петербургского отделения петербургского жандармского полицейского управления железных дорог, подп. Ладыженский, о чем говорится в листовке, и, напуганный, очевидно, событиями, решил уступками воспрепятствовать стачке, то выяснилось следующее. Согласно рабочей книжке расплата на заводе должна была производиться два раза в месяц, между 7 и 12 и между 22 и 25 числами. Администрация на этот раз назначила уплату на 15 июня, но, узнав о недовольстве рабочих, решила уплатить 12 июня. Однако, рабочие потребовали, чтобы уплату произвести 8 июня, в субботу, канун праздника. Жандармский подполковник тотчас по телефону условился с начальником Николаевской железной дороги об уплате рабочим на следующий день, в воскресенье 9-го июня. Точно также было удовлетворено и второе требование рабочих об уплате им за коронационные дни, так как из стремления предотвратить забастовку тот же Ладыженский уже 4 июня договорился об этом с управлением железной дороги.

Рабочие паровозных мастерских той же дороги прекратили работу в тот же день, после обеденного перерыва. (Дело департамента полиции, 3 делопр., 1896 г., № 606, т. 1, л.л. 8—9).

2 «Сладкие речи министра финансов», о которых говорится в листовке, — обращение Витте к стачечникам от 15 июня (оно перепечатано в приложениях к «Сочинениям» В. И. Ленина, изд. 2 и 3, т. I, стр. 481—482). В нем министр финансов, обращаясь к рабочим бумаго-прядильных и ткацких фабрик Петербурга изображал стачку, как следствие подстрекательства рабочих «злонамеренными людьми, которые давно уже приглашают их забастовать и сулят, что этим путем рабочие добьются для себя разного рода выгод». Витте доказывал, что стачка — дело беззаконное, а что следует обращаться к властям, вплоть до самого министра финансов: «никогда жалобы рабочих в департамент или министру не оставались без расследования и удовлетворения, если они не были противозаконны». Далее же следовала известная фраза, ставшая особенно благодарной темой для листовок: «пусть рабочие будут уверены, что правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих». Призвав не верить «тем кто пишет подметные листки», Витте обещал заботу «царского правительства» тем, кто будет «долг свой выполнять по закону и жить по правде божьей».

53 Обстоятельства выпуска этих листовок одинаково излагаются всеми, о них писавшими. После августовского разгрома Союза борьбы, когда оставалась почти одна молодежь (из стариков уцелели Потресов и Радченко), группа Тахтарева, «учитывая, по его словам, положение дел», решила «немедленно же выступить с воззванием от его (Союза борьбы) имени, считая себя вправе сделать это, т к как еще до окончательного разгрома Союза мы начали

действовать как одна из групп, входивших в его состав и уже стали считаться его членами». Эти листовки были первыми документами нового состава Союза борьбы; выпуск их должен был показать, что Союз «не умер и собирается удвоить, удесятерить свою работу».

Обе эти листовки, повидимому, одновременно изданные (см. далее), путаются в памяти мемуаристов. Так, Б. И. Горев, автор первой листовки «К петербургским рабочим», им же перепечатываемой в приложении к своим воспоминаниям, в тексте воспоминаний умалчивает о прокламации «К обществу». Так же и Катин-Ярцев говорит только о листовке «К обществу». Одновременность выпуска этих листовок, их общая задача и значение, которое им придавали, видны из характера рассылки. Материалы департамента полиции свидетельствуют о широкой рассылке по всей России конвертов со вложением обоих прокламаций (во всех конвертах, повидимому, была и прокламация к обществу и прокламация к рабочим); об этом поступили донесения от губернаторов нижегородского, тверского, калужского, тульского, ярославского, харьковского, костромского, пермского, уфимского и тамбовского. (Б. Горев, с. 28; К. Тахтарев, с. 80 81, В. Катин-Ярцев, Тени прошлого, «Былое», 1924, № 25 с. 108; дело департамента полиции, 3 делопроизв., 1896 г., № 580, т. 3, лл. 51, 52, 54, 55, 60, 64, 67, 70, 75, 80.)

54 В воспоминаниях Б. И. Горева находим указание на историю этой листовки, которая была послана в Кострому вместе с деньгами (декабрьский отчет Союза борьбы, см. № 63, указывает сумму в 105 рублей) со специально отправленной туда О. В. Неустроевой. Точно также и Н. К. Крупская в своих воспоминаниях упоминает о сборе денег на эту стачку.

Стачка на фабрике бр. Зотовых в Костроме явилась несомненно откликом петербургской стачки. В тетради копий Б. Кричевского (архив ИМЭЛ) сохранилось описание начала этой стачки - повидимому это письмо, направленное в Петербург и Москву (в конце письма идет речь о денежной помощи, а денежная помощь пришла из этих городов) в самом начале стачки. Приводим его целиком:

«Из всех рабочих в Костроме зотовские рабочие всегда славились, как наиболее развитые и проникнутые сознанием своей солидарности. В течение двух последних лет у них несколько раз выходили пререкания с администрацией, но ни разу еще, по крайней мере в последнее время, дело не доходило до открытой забастовки. Несколько дней тому назад была вывешена новая расценка работ, по которой заработок уменьшался не только сравнительно с летом, но и с предыдущей зимой. Среди рабочих пошли толки и 25 сентября после получки все рабочие ткацкой в числе 400 заявили о прекращении работ. Трое из них отправились к фабричному инспектору, но не были им приняты. Рабочие заявили следующие требования: 1) повышение заработной платы, 2) уничтожение примерок (способ обсчитывания, основанный на каких-то особенностях техники ткацкого производства), 3) смещения управляющего фабрикой г. Нечаева. Фабричный инспектор начал говорить с рабочими, указывал, главным образом, на грозящее им за стачку тюремное заключение от 2-х до 4-х месяцев. Рабочие просили его для переговоров сойти с пролетки, на которой он продолжал сидеть, но он повернул и велел ехать. Вслед ему раздалось почему-то: «ура» и «дурак». Позднее явилась полиция, сначала в лице пристава, а потом полицеймей-

стера Власьевского, перед которыми рабочие повторили свое требование, а на приглашение разойтись и не буянить, мирно разошлись, заявив, что буянить не хотят. На другой день на работу не явился ни один из ткачей. Рабочие продолжают собираться отчасти по квартирам, отчасти перед зданием фабрики. Забастовавшие принадлежат к так наз. «маленькой фабрике». Тем же Зотовым принадлежит еще большая фабрика, на которой всего работает до 3000 человек. Дружная стачка ткачей вызвала среди них брожение, готовое при первой возможности перейти в открытую забастовку. Средств нет, без посторонней помощи рабочие в состоянии выдержать не больше недели, в крайнем случае 2-х. Дальше будет есть нечего. Городской ломбард ссуд не выдает. Предприниматели Зотовы известны в Костроме, как люди просвещенные, постоянные жертвователи на народные читальни и пр. Один из них — автор статей по рабочему вопросу, печатавшихся в «Русском Богатстве». Поддержите, помогите денежной помощью».

В «Работнике» мы имеем описание продолжения этой стачки, когда, повидимому, после дальнейших совещаний были выработаны более детальные требования, из которых самым важным было сокращение рабочего дня до 9 часов вместо существующих 13 (требование 9-часового дня было обусловлено местным фактом открытия в Костроме новой фабрики Сидорова, где был установлен 9-часовой рабочий день). «Стачечники не довели дела до конца, пишет «Работник», однако, требование их было частично удовлетворено; еще более значения имела ее воспитательная роль для дальнейшего рабочего движения Костромы». (Б. Горев, с. 35; Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, вып. 1, с. 23; Архив ИМЭЛ, тетрадь Б. Кричевского, с. 164-167; «Работник», № 1-2, с. 64-68; «Летучие листки» Фонда Вольной Русской Прессы, № 36, с. 2).

57 Листовка «Царскому правительству» явилась ответом на официальные попытки затемнения фактов и значения рабочего движения конца 1895 г. и лета 1896 г. Первый, цитируемый В. И. Лениным, документ — циркуляр Витте фабричным инспекторам — в настоящее время хорошо известен, благодаря его перепечатке в приложениях к т. I «Сочинений» В. И. Ленина, изд. 2 и 3, с. 480—481. Второй — правительственное сообщение о стачках, первое подобного рода сообщение, было напечатано сперва в «Правительственном вестнике», но уже на следующий день обошло всю остальную прессу. Изложив вначале официальную версию фактического хода забастовки, сообщение далее попыталось затушевать значение ее, а также роль Союза борьбы. Так, по словам сообщения, «громадная масса» в 68.445 рабочих оставалась «в стороне от стачки бумагопрядильщиков, не оказывая им материальной поддержки при наступившей безработице» (ср. прим. к № 31); цифре 68. 45 не бастовавших рабочих сообщение противопоставляло преуменьшенную цифру 14.712 бастовавших; оно подчеркивало «специальный характер» забастовки, вызванный «особенностями бумагопрядильного и ниточного производства». Далее, по словам сообщения, забастовка дала «повод злонамеренным личностям попытаться придать стачкам преступный политический характер». «С достоверностью» сообщение предполагало, что «сочинители этих листков пытались воспользоваться уже совершившимися стачками, с целью придать им социальный характер и в этом смысле руководить забастовщиками». Эти места сообщения, как и общий его вывод, что «эта преступная

пропаганда, однако, не имела успеха» ни среди рабочих, ни в обществе, послужили материалом для листовки.

О впечатлении, произведенном листовкой, можно судить по словам Тахтарева: «Осенью Союзом была выпущена длинная прокламация, которая обличала лицемерие правительства, разъясняла рабочим его поведение и выясняла важность и значение стачек вообще». (К. Тахтарев, с. 87; Б. Горев, с. 32; В. Акимов-Махновец, с. 49 и 54: «Сочинения» В. И. Ленина, изд. 2 и 3, с. 510, 480—481; «Правительственный вестник», 1896 г., № 158).

61 Забастовка текстильщиков вызвала за границей в рабочих кругах взрыв сочувствия. Первая помощь подоспела из Германии, и в уже не раз цитированной корреспонденции в «Работник» говорится о получении из Берлина 230 р. и об ожидающейся помощи из Вены. Цифры этой помощи помещены в годичном отчете Союза борьбы (см. № 62). Однако, наибольший размах эта помощь получила именно в Англии. Ее историю можно восстановить по «Летучим листкам» Фонда Вольной Русской Прессы, который явился в Лондоне застрельщиком этого дела; благодаря своим обширным и давним связям среди англичан он мог собрать более, чем кто либо другой. Дело помощи было здесь начато поздно, тогда, когда стачка по существу была уже закончена — 15 (27) июня, так как, боясь газетных преувеличений, Фонд начал действовать лишь тогда, когда получил «от товарищей первое сообщение из Петербурга». Фонд снесся с Верой Засулич, которая тогда жила в Лондоне, и с дочерью Маркса, Элеонорой Эвелинг, и они сделали сообщение о стачке на состоявшемся, вероятно 16(28) июня, заседании подготовительного комитета по созыву международного социалистического конгресса. Здесь и было положено начало сборам на стачку, а позднее была принята сочувственная резолюция. Ряд организаций, перечисленных в подписи под обращением, постепенно вошел в образованный 26 июня (8 июля) «Соединенный комитет по делам стачки», а устная и газетная агитация привели к значительной денежной помощи.

В конце октября (начале ноября по н. ст.) английский комитет получил сведения, что деньги, им посланные, получены, но что необходима помощь семьям арестованных рабочих. 31 октября (12 ноября) состоялось новое заседание комитета. Из прочитанного отчета оказалось, что всего было отослано 1837 руб. Обсудив положение дел, Комитет решил отослать в Россию все имевшиеся у него в наличности деньги («Летучие листки» Фонда Вольной Русской Прессы, №№ 34 и 36; здесь же напечатаны резолюции ряда английских организаций по поводу стачки).

63 Листовка 1 января, хотя она и подводит итог всему предшествовавшему году борьбы, не имела такого значения, как, напр., первомайская листовка накануне майской стачки текстильщиков. На следующий день, 2 января, началась новая, так называемая январская стачка рабочих, но ни в одном документе, ни в воспоминаниях, ни в очень чувствительных в этом отношении жандармских донесениях, январская стачка не приводится ни в какую связь с этою листовкою. Да, повидимому, и Союз сам в этот момент не ожидал взрыва новой волны забастовок и листовка поэтому и кончалась довольно неопределенным призывом «готовиться к новым забастовкам».

Что же касается самого содержания листовки, то и оно довольно бледно — в ней слабо повторено то, что было по существу уже сказано Лениным в листке «Царскому правительству».

Если предшествовавшая листовка еще совсем не предполагала начала стачки, то вторая листовка, изданная 7 января, в то время, как стачка началась 2 января, в достаточной мере запаздывала. Январская забастовка вспыхнула, как непосредственный отклик летних событий. Видя, что обещания о сокращении рабочего дня вплоть до начала нового года не выполнены, рабочие решили вновь их возобновить своею забастовкою. За дни, предшествовавшие выходу листовки, как она сама об этом говорит, забастовка 2 января и 4 января охватила всего два предприятия (одно из них — Александровский завод — не текстильное, а листовка почему то обращена только к текстильщикам). Началась она на двух мануфактурах, Петровской и Спасской, принадлежавших товариществу Губарт (оно же Максвель). Градоначальник в своем донесении от 3 января так описывает ее начало: «2 сего января на Петровской и Спасской ткацко-прядильных мануфактурах Товарищества Губарт и К. (Шлиссельбургский пр., № 72 и 76) рабочие в числе 2700 человек прекратили работы при следующих обстоятельствах: собравшись на работы, по обыкновению, в 5 часов утра, рабочие не прерывали работ до 12 часов дня, хотя между ними уже было заметно волнение. В час дня на фабрику явились все рабочие, но из них рабочие Петровской мануфактуры, заняв свои места, к работам не приступали. На предложение администрации объяснить причины сего, рабочие вышли во двор, и не давая никаких объяснений по существу, стали шуметь, требуя впустить их в прядильное отделение. Прядильщики в свою очередь подняли шум, стучали в окна, пока администрация не распорядилась отворить двери, после чего рабочие этого отделения также вышли во двор. В то же время несколько забастовавших ткачей пришли во двор Спасской мануфактуры, рабочие которой моментально равным образом прекратили работы. Ближайшею причиною, вызвавшею прекращение работ, рабочие выставляют продолжительность рабочего дня. Кроме того, некоторые жалуются на недостаток тепла в помещении Петровской мануфактуры и чрезмерно высокие штрафы, будто-бы налагаемые при забраковке изделий. В течение 3 сего января забастовка продолжалась».

В тетради Кричевского имеется запись, сделанная со слов лица, говорившего с максвельским рабочим, где перечислены и другие требования рабочих фабрики Максвеля. Так, кроме главного требования о сокращении рабочего дня, было выставлено требование об увеличении заработной платы: ранее кусок миткаля был в 50 аршин, теперь он стал в 70 аршин, а оплата осталась та же — рабочие требовали возвращения к старой расценке; было выставлено также требование о своевременном пуске машин, которые пускались на 10 минут позже прихода рабочих на фабрику, и это время рабочим приходилось сидеть без дела. «Петербургский рабочий листок» сообщает, что сейчас же после забастовки максвельцы разослали депутатов по разным фабрикам с приглашением примкнуть к стачке. Всюду начались волнения: рабочие собирались в кучки и в толпы и поговаривали о всеобщей стачке. Хозяева приглашали выборных в контору, спрашивали о требованиях рабочих и вместе с фабричными инспекторами убеждали не бросать работу, а продолжить до крещения. Так в эти дни 2—4 января (5—воскресенье, 6—крещение) забастовка и не перекинулась на другие текстильные фабрики.

Только на Александровском заводе, который уже в прошлом году во время летней стачки был единственным механическим заводом,

который заволновался, вспыхнули и теперь волнения 4 января, причем начальник петербургского губернского жандармского отделения в своем донесении от 5 июня прямо ставит это в связь с максвелевской забастовкою. По его словам, было «вполне установлено», что «рабочие бумагопрядилен Губарта, собираясь в кучки на улице около завода, прямо задерживали 4 января шедших уже в мастерские на работу после обеда товарищей (рабочих)». Поводом к забастовке на заводе было невыполнение июньского обещания об окончании работ по субботам в 2 часа дня. Ее начало описано градоначальником в день ее возникновения, 4 января, в его донесении в департамент полиции таким образом: «4 сего января утром рабочие паровозо-механических мастерских Александровского чугунного завода управления казенных железных дорог, в числе 1700 человек, явясь на работы, обратились к директору завода с следующими требованиями: 1) чтобы работы по субботам и канунам праздников прекращались в 2 часа; 2) чтобы время, употребляемое на расчеты по выдаче жалованья, зачислять в рабочие часы и 3) чтобы из фонда сберегательной кассы завода выдавалась рабочим ссуда заимообразно. После чего толпа направилась в мастерские, где рабочие исполняли работы до 12 часов дня. По возвращении с обеда рабочие возобновили свои требования, на этот раз в форме беспорядков, начав шуметь у здания завода по Александровской улице, но, заметив присутствие полиции, толпа стала расходиться; часть же до 200 человек рабочих направилась к вагонным мастерским в видах воспрепятствования рабочим этих мастерских продолжать работы и, подойдя к воротам на рельсовом пути, начала ломать таковые. Прибывшим, однако, своевременно отрядом полиции во двор впущены не были и, пошумев, разошлись».

В тетради Кричевского требования, записанные со слов рабочих завода, более детальны. Первое из них не было разобрано переписчиком и можно только понять, что речь идет о повышении расценок, а далее следуют: «II. Штраф за $^1/_4$ часа опоздания уничтожить. III. Расценочная книга постоянно должна находиться в мастерской: когда расценочная книга будет находиться в мастерской, то каждый рабочий всегда будет иметь возможность проверять расценки, и таким образом не будут повторяться случаи стирания условленной цены и вписывания пониженной, по которой рабочим выдают жалованье. IV. В субботу кончать работу в 2 часа (теперь кончают в субботу в 7 часов, как и обыкновенно). V. Уничтожить пожарные штрафы. Пояснение, что такие пожарные штрафы. Некоторые рабочие должны являться на пожар и исполнять обязанности пожарных. Выдается № на 2 недели. За опоздание такого рабочего на пожар на $^1/_4$ часа его штрафуют на один рубль. Обязанности эти несут поочередно все рабочие».

«Петербургский рабочий листок» сообщает, что 6 января было вывешено объявление об удовлетворении основного требования рабочих об окончании работ по субботам в два часа. Однако, сохранившийся в деле текст этого объявления, приглашающий рабочих возобновить работу, не говорит ничего об удовлетворении этого требования. (Дело департамента полиции, 3 дел., 1896 г., № 606, т. I, лл. 40 и сл; Архив ИМЭЛ, тетрадь Кричевского, стр. 137—138).

65 Листовка 9 января была издана, когда забастовка получила новое расширение после уступок, сделанных, ввиду брожения, вла-

дельцами фабрик. Тотчас после начала забастовки у Максвеля фабриканты, предвидя развитие забастовки, решили пойти на уступки и получили согласие на это министерства финансов, в июне настоявшего на неделании никаких уступок забастовавшим текстильщикам. 3 января, как сообщал того же 3 января градоначальник в департамент полиции, к министру финансов поступили заявления от представителей мануфактур — Петровский, Спасской (т. е. от забастовавших), Новой бумагопрядильни, Старо-сампсоньевской и Российской, о том, что они по собственному желанию сокращают рабочее время, «так как забастовки происходят от утомительной работы», и что поэтому на этих мануфактурах будут вывешены объявления о том, что с 1 апреля работы будут производиться с 6 утра до 12 дня и с 1 ч. 30 м. до 7 час. Но когда, после состоявшегося в министерстве совещания, эти объявления появились 7 января на фабриках, они появились в видоизмененном виде: сокращение вводилось только с 16 апреля. На Российской бумагопрядильне рабочие, прочтя объявление, забастовали; на Екатерингофской мануфактуре инициативу взяла фабричная молодежь и 180 мальчиков мюльного отделения прекратили работу; точно также на Невской бумагопрядильне забастовало 80 мальчиков мюльного отделения. 8 января забастовка разрослась, вновь забастовала Невская ниточная мануфактура и бумагопрядильня Кенига; за то максвельцы, начавшие январскую забастовку, приступили к работам, а на Екатерингофской мануфактуре не работали только 134 мальчиков подручных. На фабрике Кнопа работали с утра, но в 1 час дня потребовали увеличения заработной платы ввиду предстоящего сокращения рабочего дня, а когда им было отказано, то, по словам донесения начальника петербургского губернского жандармского управления, «стали буйствовать, разбивать катушки, уничтожать пряжу на шпульках и ломать решетки машин»; прекратилось это после вызова полиции и жандармов. 9 января забастовала еще Охтенская мануфактура (в листовке от 11 января дата указана — 8 января), а на бумагопрядильне Джемса Бека прекратили работу 36 подручных мальчиков (Дело департамента полиции, 3 дел., 1896 г., № 606, т. I, лл. 43—44; «Петербургский рабочий листок», № 1; тетрадь Кричевского, с. 134—149; К. Тахтарев, с. 87—92).

Забастовка в январе 1897 г. не получила ни такого распространения, как летняя, не отличалась и такой солидарностью. «Петербургский рабочий листок», оценивая результаты забастовки, писал, что среди рабочих «было мало единодушия и общности, затем не было средств держаться дольше нескольких дней; наконец, не было возможности сговариваться всем между собою для выработки общего плана действий». Но, по словам Тахтарева, собрания все же удалось устроить, и на одном таком собрании 10 января был выработан текст листка от 11 января.

9 января были вывешены объявления, угрожавшие расчетом, если рабочие не станут на работу и, как констатирует «Петербургский рабочий листок», «после расчета стачка уже начала клониться к упадку». 11 января бастовало еще 6733 человек (по цифрам градоначальства), но забастовка пошла быстро на убыль и уже 14—15 января она закончилась (источники см. в предшествующем примечании).

Описание стачки на шелко-ткацкой фабрике Гольдарбейтер оставил «Петербургский рабочий листок». Хотя фабрика летом 1896 г.

не приняла участия в общей забастовке, однако и здесь было обещано сокращение рабочего дня с нового года.

18 января в присутствии фабричного инспектора Лебедева владелице фабрики были предъявлены требования сокращения рабочего дня до 10 часов (на $10^1/_2$ часов она была согласна, рабочие требовали большего сокращения ввиду трудности работы) и повышения расценки на 10 коп. с аршина. Хозяйка не согласилась, а фабричный инспектор (по словам «Листка» он был пьян) набросился на рабочих, «как зверь». Рабочие тогда оставили работу. Ночью на 21 января было арестовано 8 человек. 22-го было вывешено объявление о расчете, но рабочие расчета не взяли. Стачка окончилась 23 января — рабочий день был сокращен на 1 час и вычеты за кипяток уничтожены. (Петербургский рабочий листок, № 1; дело департамента полиции, 3 дел., 1896 г. № 606, т. I, л. 83).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. СПИСОК НЕ ИМЕЮЩИХСЯ ЛИСТОВОК ГРУППЫ «СТАРИКОВ» И «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА».[1]

1. К Семянниковским рабочим. Начало 1895 г.
Написана В. И. Лениным. См. стр. 134.

2. «Чего следует добиваться портовым рабочим». Февраль 1895 г.
В связи с волнениями в порту 7-13 февраля. О ней упоминают: И. Бабушкин, Воспоминания. Л., 1925, стр. 65; Обзор важнейших дознаний за 1895-96 гг., стр. 101; «Летучие листки» Фонда Вольной Русской Прессы, 1895, № 23; Т. Копельзон, Страничка из воспоминаний, в сб. «О Ленине», под ред. Н. Мещерякова, вып. III, стр. 21. О сохранившемся ее экземпляре сообщает: Б. Николаевский, К истории петербургской социал-демократической группы стариков. «Летописи марксизма», 1927, № 3, стр. 64, прим. 3.

3. К Семянниковским рабочим. Февраль 1895 г.
В связи с волнениями 21-22 февраля. О ней упоминает Т. Копельзон, стр. 21.

4. «Чего требуют ткачи». Середина ноября 1895 г.
См. стр. 135.

5. «К прядильщикам фабрики Кенига». Конец ноября-начало декабря 1895 г.
См. стр. 139.

---

[1] В литературе имеются два официальных списка листовок этой эпохи. Один, составленный в министерстве юстиции, напечатан в издании: «Революционное движение в России в докладах министра Муравьева», с пред. Л. Мартова, Спб. 1907 (перепечатан, со значительными дополнениями, в «Сочинениях» В. И. Ленина, т. I, изд. 2 и 3, стр. 483—488). Другой, составлявшийся погодно в департаменте полиции, напечатан в «Обзоре важнейших дознаний за 1895—1896 гг.», стр. 295 и сл. (издания 1895 г.) и стр. 321 и сл. (издания 1896 г.). Пользование этими списками затрудняется неточным описанием листовок. Иногда поэтому трудно решить, идет ли речь в списке о листовке Союза борьбы или же другой группы (не Союзу, полагаем, принадлежат листовки без его подписи, как-то у Муравьева №№ 18 и 26; вторая из них — группы народовольцев); несомненно, в списках, особенно у Муравьева, есть и прямые ошибки (под №№ 3 и 10 — дважды описана одна листовка «Ко всем петербургским папиросницам»); так же трудно иногда утверждать, имеем ли мы дело с тою же листовкою, о которой идет речь в списке (так, № 6 списка Муравьева с заглавием «К рабочим Путиловского завода», ср. также № 12 списка, есть № 5 нашего сборника). Кроме этих официальных списков, при составлении перечня была привлечена и другая литература предмета.

6. Листовка с предложением избрать Г. В. Плеханова представителем петербургских рабочих на Международный социалистический конгресс. Начало июня 1896 г.

Об ней упоминания: взята по обыску 11 июня у Павла Феденина (дело департамента полиции, 3 дел., 1896 г. № 580, т. I, л. 113 и сл.); на сходке 2 июня Ф. Ленгник и Л. Мертенс раздавали этот листок; этот листок составлен Ф. Ленгником и Мертенсом (Обзор важнейших дознаний, стр. 116 и 118); в «Доме Плеханова» в Ленинграде имеется билет Плеханова, как представителя на конгрессе Петербургского Союза борьбы.

7. Листовка к московским рабочим. Июнь 1896 г.

Об ней говорит корреспонденция из Москвы от 16 (28) июня в «Летучих листках» Фонда Вольной Русской Прессы», 1896 г., № 34, с. 3 — в ней Союз борьбы призывал московских рабочих или примкнуть к стачке, или помочь деньгами.

8. «Товарищи рабочие».

Об ней: «Обзор важнейших дознаний», стр. 322 — «гектографированное воззвание на полулисте писчей бумаги за подписью Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; «воззвание призывает рабочих не прекращать стачки и по прежнему дружно защищать свои интересы».

2. ВАЖНЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА О ГРУППЕ «СТАРИКОВ» И «СОЮЗЕ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА» 1893—1897 гг.

АКИМОВ (МАХНОВЕЦ), В. Очерк развития социал-демократии в России. Спб., 1906.

АНГАРСКИЙ, Н. Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса. «Творчество», 1920, № 7-10 (перепечатано в кн.: «От подпольного кружка к пролетарской диктатуре». М.-Л., «Молодая Гвардия», 1930, вып. I, стр. 17-22).

АНГАРСКИЙ, Н. О влиянии немецкой аграрной дискуссии (1895) на выработку взглядов Ленина по аграрному вопросу. «Большевик», 1927, № 2, стр. 69—75.

БАБУШКИН, И. В. Воспоминания (1893—1900 г. г.). Л., «Прибой», 1925.

БОДРОВ Ф. Мое первое знакомство с Ильичем. «Рабочая Москва», 1930, № 18, 22 января.

В. И. Отчет о поездке в Берлин, Мюнхен и Лейпциг. «Записки Института Ленина», 1927, I, стр. 171—175.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ У КЛАССОНА. «Красная Летопись», 1925, № 2/13, стр. 144—145.

ГОЛОВИНА, Н. В. И. Ленин в воспоминаниях рабочего революционера (записано со слов Б. С. Жукова). «Каторга и Ссылка», 1925, № 1 (14), стр. 17—21.

ГОРЕВ Б. И. Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895—1905. Гос. Изд., Л., 1924.

ДОКЛАД ПО ДЕЛУ О ВОЗНИКШИХ В ПЕТЕРБУРГЕ В 1894 и 1895 г.г. ПРЕСТУПНЫХ КРУЖКАХ ЛИЦ, ИМЕНУЮЩИХ СЕБЯ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ». «Сборник материалов и статей». Ред. журнала «Исторический архив». Вып. 1. Гос. Изд., 1921, стр. 93—178 (перепечатано: В. И. Ленин, Собрание сочинений, изд. I, т. I, стр. 520—626).

ИЛЬИН, А. П. В. И. Ульянов в рабочих кружках Петербурга в эпоху «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». «Бакинский рабочий», 1926, № 20.

КАРЕЛИНА В. Три встречи. «Красная Летопись», 1924, № 1, стр. 10—11.

К[АТИН-]Я[РЦЕВ, В.] Первые шаги (Воспоминания б. члена «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», 1896—97 г.г.). «Былое», 1907, сентябрь, стр. 134—152.

КАТИН-ЯРЦЕВ, В. Тени прошлого. Воспоминания. «Былое», 1924 г., № 25, стр. 101—108.

КНЯЗЕВ, В. Из моих воспоминаний о В. И. Ульянове. (В кн.: «Об Ильиче». Л., 1926, стр. 110—114).

КОЛПЕНСКИЙ, В. К истории рабочего движения в Петербурге в 1896 г. «Красная Летопись», 1922, № 4, стр. 242—249.

КОПЕЛЬЗОН, Т. Страничка из воспоминаний. (В кн. «О Ленине», под ред. Н. Мещерякова, вып. III, М. 1925, стр. 19—22).

КРАСИН, Г. Б. Степан Иванович Радченко (В кн.: «Старый Большевик», сб. № 2 (5), М. 1933, стр. 186—189).

КРЖИЖАНОВСКИЙ, Г. М. О Владимире Ильиче. М., ИМЭЛ, 1933.

КРЖИЖАНОВСКИЙ, Г. М. Письмо в редакцию. «Летописи марксизма», 1927, № 4, стр. 140.

КРУПСКАЯ, Н. К. Воспоминания о Ленине. Выпуск I, М.-Л., Гос. Изд., 1930.

КРУПСКАЯ, Н. К. Из далеких времен. Политпросветработа среди петербургских рабочих в девяностые годы. М.-Л., Гос. Изд., 1930.

КРУПСКАЯ, Н. К. Союз борьбы за освобождение рабочего класса. «Творчество», 1920, №№ 7—10 (переп. в кн : «От подпольного кружка к пролетарской диктатуре». М.-Л., «Молодая Гвардия», 1930. Вып. I, стр. 9—16).

КУДЕЛЛИ, П. Из дальних и ближних лет. (В кн.: «Об Ильиче». Л., «Прибой», 1926, стр. 86—93).

КУДЕЛЛИ, П. Народовольцы на перепутьи. Л., Гос. Изд., 1926.

ЛАЛАЯНЦ, И. О моих встречах с В. И. Лениным за время 1893—1900. «Пролетарская Революция», 1929, № 1 (84), стр. 38—70.

ЛЕНИН, В. И. Иван Васильевич Бабушкин. Сочинения, М., 1929, т. XIV, стр. 396—399.

ЛЕНИН, В. И. Сочинения. Т. I, М. 1926.

ЛЕНИН, В. И. Что делать? Сочинения. М., 1927, т. IV, стр. 359—508.

ЛЕПЕШИНСКИЙ, П. Н. Владимир Ильич в тюрьме и ссылке. М., ЦК МОПР'а, 1924.

ЛЕПЕШИНСКИЙ, П. Н. На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). Петербург, Гос. Изд., 1922.

МАРТОВ, Ю. Записки социал-демократа. М., «Красная Новь», 1924.

МАСЛОВ, П. Владимир Ильич Ленин (Отрывок из воспоминаний). «Экономический бюллетень Конъюнктурного Института», 1924, № 2 (29), стр. 1—2.

МАТАСОВА, Ф. Стачки 1881—1895 г. г. М., 1930.

МИЛОВАНОВА, И. К истории одной ленинской листовки (Из истории революционного движения на фабрике Торитона). «Красная Летопись», 1928, № 3 (27), стр. 222—226.

МИТРЕВИЧ, Б. Воспоминания о рабочем революционном движении 1895—1896 г.г. «Пролетарская Революция», 1922, № 4, стр. 199—202.

МОГИЛЯНСКИЙ, М. В девяностые годы. Воспоминания. «Былое», 1924 г., № 23, стр. 150—161.

НАЗВАНОВ, М. Каким я помню Владимира Ильича. (Девяностые годы). «Пролетарская революция», 1931, № 2—3 (109—110), стр. 95—102.

НЕВЗОРОВА-КРЖИЖАНОВСКАЯ, З. Наброски воспоминаний о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». «Творчество», 1920 г., №№ 7—10 (перепечатано в кн.: «От подпольного кружка к пролетарской диктатуре». М.-Л., «Молодая Гвардия», 1930. Вып. I, стр. 23—27).

НЕВЗОРОВА-ШЕСТЕРИНА, С. Запорожец, П. К. (В кн.: «Старый Большевик», Сб. № 2 (5), М., 1933, стр. 136—152.

НЕВЗОРОВА-ШЕСТЕРИНА, С. Якубова, А. А. (В кн.: «Старый Большевик». Сб. № 2 (5), М. 1933, стр. 152—158.

НЕВЗОРОВА-ШЕСТЕРИНА, С. Страничка воспоминаний о Ленине. «Пролетарская Революция», 1930, № 1 (96), стр. 85—89.

НИКОЛАЕВСКИЙ, Б. В. И. Ульянов-Ленин в Берлине в 1895 г. «Летописи марксизма», 1926, № 1, стр. 81—90.

НИКОЛАЕВСКИЙ, Б. К истории петербургской социал-демократической группы «стариков». «Летописи марксизма», 1927, № 3, стр. 61—66.

ОБЗОР ВАЖНЕЙШИХ ДОЗНАНИЙ, ПРОИЗВОДИВШИХСЯ В ЖАНДАРМСКИХ УПРАВЛЕНИЯХ ИМПЕРИИ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ. За 1895—1896 г. г.

П. Ф. Ленин в 1894 г. «Красная Летопись», 1924. № 1, стр. 57.

ПЕРЕПИСКА Г. В. ПЛЕХАНОВА С П. Б. АКСЕЛЬРОДОМ. Изд. М. Плехановой, М., 1924, т. I.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТКАЧИ. (В кн.: «Наше время». Изд. О-ва Народного Права. 1897.).

А. ПОТРЕСОВ О ЛЕНИНЕ. «Красная Летопись», 1925, № 2 (13), стр. 146—147.

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСА В. И. (ЛЕНИНА) ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЮРЬМЕ. «Записки Института Ленина», 1927, I, стр. 128—131.

РАДЧЕНКО, И. И. Степан Иванович Радченко (В кн.: «Старый Большевик», № 2 (5), М. 1933, стр. 177—186.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В ДОКЛАДАХ МИНИСТРА МУРАВЬЕВА. С предисл. Л. Мартова. Спб., Книгоизд. «Летописец», 1907.

СИЛЬВИН, М. А. Анатолий Александрович Ванеев. (В кн.: «Старый Большевик». Сб. № 2 (5), М. 1933, стр. 159—177).

СИЛЬВИН, М. А. К биографии В. И. Ленина. «Пролетарская Революция», 1924, № 7 (30), стр. 66—81.

СОРИН, В. Ленин накануне возникновения массового рабочего движения (1893—1894). «Борьба классов», 1933, № 7, стр. 31—42.

СОРИН, В. Начало борьбы Ленина с экономизмом. «Борьба классов», 1933, № 5, стр. 23—41.

СОРИН, В. Первые шаги Ленина по созданию партии. «Борьба классов», 1933, № 8—9, стр. 43—62.

СПОНТИ, Е. Встречи с Лениным. «Записки Института Ленина», 1928, III, стр. 71—73.

СТАРКОВ, В. В. Воспоминания о В. И. Ленине (Ульянове). «Красная Новь», 1925, № 8, стр. 107—113.

СТАТКОВСКИЙ, П. Петербургское охранное отделение в 1895—1901 г.г. «Былое», 1921, № 16, стр. 113—117.

СТОЛПЯНСКИЙ, П. П. Ленин в Петербурге. Л., Академия Художеств. 1924.

СТРУМИЛЛО, Б. Старая гвардия. К 30-летию Союза борьбы за освобождение рабочего класса. 1895—1925. Сборник воспоминаний и материалов о подпольной работе русских марксистов 90-х г. г.. М.-Л., Гос. Изд., 1926.

ТАЛАЛАЕВ, В. Социал-демократическая типография в Новгороде в 1896—97 г.г. «Красная Летопись», 1930, № 3 (36), стр. 241—249.

ТАХТАРЕВ, К. О Владимире Ильиче. (В сб.: «Об Ильиче». Л., 1926 стр. 115—129).

[ТАХТАРЕВ, К.] ПЕТЕРБУРЖЕЦ. Очерки петербургского рабочего движения 90-х г. г. Лондон, 1902.

[ТАХТАРЕВ, К.] ТАР, К. М. Очерк Петербургского рабочего движения 90-х годов. По личным воспоминаниям. Изд. 2, Спб., 1906; Изд. 3, Петроград, 1918.

ТАХТАРЕВ, К. М. Рабочее движение в Петербурге. 1893—1901 г.г. По личным воспоминаниям и заметкам. Л., «Прибой», 1924.

Ш., Т. И. К истории петербургской стачки 1896 г. «Красная Летопись», 1931, № 2, стр. 94—107.

ШАБАЛИН, И. К истории рабочего движения в 1896 г. «Каторга и ссылка», 1931, № 6, стр. 58—69.

ШАПОВАЛОВ, А. И. На пути к марксизму. Л., Гос. Изд., 1926.

ШЕЛГУНОВ, В. Воспоминания. (В кн.: «От группы Благоева к Союзу борьбы». 1886—1894. Гос. Изд., Донское Отделение, 1921, стр. 52—59).

ШЕЛГУНОВ, В. Воспоминания о петербургском рабочем движении 90-х годов. «Творчество», 1920 г., №№ 7—10.

ШЕЛГУНОВ, В. Из далекого прошлого Ильича. (В кн.: «Об Ильиче». Л., «Прибой», 1926, стр. 108—110).

ШЕЛГУНОВ, В. На заре ленинской партии. (В кн.: «Старый Большевик». Сб. № 1, М. 1930, стр. 105—108).

ШОТМАН, А. Записки старого большевика. М., «Старый Большевик», 1932.

УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА, А. И. Воспоминания об Ильиче, Изд. 4, доп. М.-Л., «Молодая Гвардия», 1931.

[УЛЬЯНОВА-]ЕЛИЗАРОВА, А. И. Владимир Ильич в тюрьме. «Пролетарская Революция», 1924, № 3, стр. 107—125.

[УЛЬЯНОВА-]ЕЛИЗАРОВА, А. И. Профессор-оппортунист о Ленине. «Пролетарская Революция», 1924, № 11, стр. 126—136.

ФЕДОРОВА, В. К истории петербургского кружка социал-демократов. 1894—1895 г.г. «Красная Летопись», 1925, № 2 (13), стр. 186—208.

ФИШЕР, А. Е. В России и в Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего (1890—1921 г. г.). М., Гос. Изд., 1922.

УКАЗАТЕЛИ

1. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ[1].

Адресс петербургских рабочих французским рабочим 16
Годовой отчет Союза борьбы за освобождение рабочего класса 62
К папиросницам фабрики Лаферм 12
К петербургским рабочим 42
К прядильщикам, возобновившим работу 32
К путиловским рабочим 36
К рабочим Александровского чугунного завода и Варшавской железной дороги 50
К рабочим Балтийского завода 43, 46, 56
К рабочим бумагопрядильни Кенига 31
К рабочим бумагопрядильной мануфактуры Кенига 59
К рабочим бумагопрядильной фабрики Зотова в Костроме . . . 54
К рабочим бумагопрядильной фабрики Кенига 13
К рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик 51
К рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик в Петербурге 35
К рабочим Варшавской железной дороги 40, 47
К рабочим всех петербургских бумагопрядилен 27
К рабочим и работницам Российско-американской резиновой мануфактуры 58
К рабочим Калинкинской бумагопрядильной мануфактуры . . . 25
К рабочим Колпинского завода 49
К рабочим Невского механического завода 38
К рабочим Невской писчебумажной фабрики Варгунина 29
К рабочим Нового адмиралтейства 14, 18, 23, 24
К рабочим Новой бумагопрядильни 33
К рабочим петербургских бумагопрядилен и ткацких 64
К рабочим петербургских бумагопрядилен и ткацких фабрик . 63
К рабочим писчебумажной фабрики Варгунина 48
К рабочим Путиловских заводов 39
К рабочим Путиловского завода 55
К рабочим Резво-островской мануфактуры А. И. Воронина . . . 20
К рабочим ткацких и прядильных фабрик 41
К рабочим фабрики «Лаферм» 44
К рабочим фабрики Паля 45
К рабочим чугунного Александровского завода 37
К русскому обществу 53
К ткачам фабрики Лебедева 9
Ко всем петербургским папиросницам 11
Ко всем петербургским рабочим 7, 28, 66
Ко всем рабочим петербургских заводов 30

[1] Цифры обозначают номера листовок.

Ко всем с.-петербургским рабочим 52
Оружейникам Сестрорецкого завода от Союза рабочих в Петербурге 17
От Союза борьбы за освобождение рабочего класса 6
Ответ на адресе Лондонского Совета рабочих Союзов 61
Отчет Союза борьбы за освобождение рабочего класса 22
Петербургским ткачам и прядильщикам 65
Письмо Лондонского Совета рабочих союзов 61
Рабочие и работницы фабрики Торнтона 2
Рабочие паровозомеханической мастерской Путиловского завода 5
Рабочий праздник 1 мая 21
Рабочим Екатерингофской мануфактуры 60
Рабочим фабрики Гольдарбейтера 67
Русскому обществу 34
Товарищи! в паровозомеханической мастерской 4
Товарищи, неужели мы так и позволим 15
Товарищи рабочие Александровского чугунного завода 19
Требования ткачей на фабрике Лебедева 10
Царскому правительству 57
Чего требовать работницам фабрики «Лаферм»? 3
Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен? 26
Что такое социалист и политический преступник? 8

---

2. УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ.

Бабушкин И. В. 8
Горев Б. И. . . . 18, 43, 52, 54, 56, 65
Гофман С. А. 11, 12, 13
Зиновьев Б. И. 4
Катин-Ярцев В. Н. 55
Кржижановский Г. М. 1, 7
Ленгник Ф. В. 46, 47
Ленин В. И. 2, 57
Лурье М. А. 33
Ляховский Я. М. 9
Мартов Ю. О. 6
Попов Л. Г. 20
Потресов А. Н. 16, 34, 61
Сильвин М. А. . . . 15, 23, 25, 45, 46, 47

СОДЕРЖАНИЕ

1895 г.

Стр.

Предисловие . . . . . .

1. [К рабочим Семянниковского завода]. *Январь 1895 г.* . . 1
2. Рабочие и работницы фабрики Торнтона! *12 ноября 1895 г.* 6
3. Чего требовать работницам фабрики «Лаферм»? *Не позже 18 ноября 1895 г.* 12
4. Товарищи! В паровозомеханической мастерской... *4 декабря 1895 г.* 13
5. Рабочие паровозомеханической мастерской Путиловского завода требуют... *4 декабря 1895 г.* 14
6. От Союза борьбы за освобождение рабочего класса. *18 декабря 1895 г.* . . . . . —
7. Ко всем петербургским рабочим. *18 декабря 1895 г.* . . 16
8. Что такое социалист и политический преступник? *Конец декабря 1895 г.* 20

1896 г.

9. К ткачам фабрики Лебедева. *1 января 1896 г.* 22
10. Требования ткачей на фабрике Лебедева. *1 января 1896 г.* 23
11. Ко всем петербургским папиросницам. *Конец января 1896 г.* 24
12. К папиросницам фабрики Лаферма. *Конец января 1896 г.* 26
13. К рабочим бумагопрядильной фабрики Кенига. *Не позже 12 февраля 1896 г.* 28
14. К рабочим Нового адмиралтейства. *Не позже 16 февраля 1896 г.* 30
15. Товарищи, неужели мы так и позволим... *1 марта 1896 г.* 31
16. Адресс петербургских рабочих французским рабочим. *3 марта 1896 г.* 33
17. Оружейникам Сестрорецкого завода от Союза рабочих в Петербурге. *5 апреля 1896 г.* 34
18. К рабочим Нового адмиралтейства. *Не позже 12 апреля 1896 г.* 36
19. Товарищи рабочие Александровского чугунного завода. *15 апреля 1896 г.* 38
20. К рабочим Резво-островской мануфактуры А. И. Воронина. *Не позже 16 апреля 1896 г.* 40
21. Рабочий праздник 1 мая. *19 апреля 1896 г.* 42
22. Отчет Союза борьбы за освобождение рабочего класса с 1 декабря 1895 г. по 1 апреля 1896 г. *Около 19 апреля 1896 г.* 45
23. К рабочим Нового адмиралтейства. *27 апреля 1896 г.* . . 47
24. К рабочим Нового адмиралтейства. *30 апреля 1896 г.* 48

Стр.

25. К рабочим Калинкинской бумагопрядильной мануфактуры. *Апрель 1896 г.* 50
26. Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен? *30 мая 1896 г.* 51
27. К рабочим всех петербургских бумагопрядилен. *1 июня 1896 г.* 52
28. Ко всем петербургским рабочим. *3 июня 1896 г.* 56
29. К рабочим Невской писчебумажной фабрики Варгунина. *4 июня 1896 г.* 57
30. Ко всем рабочим петербургских заводов. *4 июня 1896 г.* 58
31. К рабочим бумагопрядильни Кенига. *4 июня 1896 г.* . . 59
32. К прядильщикам, возобновившим работу. *5 июня 1896 г.* 61
33. К рабочим Новой бумагопрядильни. *9 июня 1896 г.* . . 63
34. Русскому обществу. *10 июня 1896 г.* 65
35. К рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик в Петербурге. *12 июня 1896 г.* 68
36. К путиловским рабочим. *15 июня 1896 г.* . . . . . —
37. К рабочим чугунного Александровского завода. *15 июня 1899 г.* 70
38. К рабочим Невского механического завода. *17 июня 1896 г.* 72
39. К рабочим путиловских заводов. *19 июня 1896 г.* 73
40. К рабочим Варшавской железной дороги. *19 июня 1896 г.* 74
41. К рабочим ткацких и прядильных фабрик. *27 июня 1896 г.* 76
42. К петербургским рабочим. *27 июня 1896 г.* 77
43. К рабочим Балтийского завода 27 *июня 1896 г.* 78
44. К рабочим фабрики «Лаферм». *19 июля 1896 г.* 80
45. К рабочим фабрики Паля. *19 июля 1896 г.* 81
46. К рабочим Балтийского завода. *24 июля 1896 г.* 82
47. К рабочим Варшавской железной дороги. *25 июля 1896 г.* 85
48. К рабочим писчебумажной фабрики Варгунина. *30 июля 1896 г.* 87
49. К рабочим Колпинского завода. *Июль 1896 г.* 88
50. К рабочим Александровского чугунного завода и Варшавской железной дороги. 2 *августа 1896 г.* 89
51. К рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик. *6 августа 1896 г.* 91
52. Ко всем с.-петербургским рабочим. *15 сентября 1896 г.* 93
53. К русскому обществу. *Около 15 сентября 1896 г* 94
54. К рабочим бумагопрядильной фабрики Зотова в Костроме. *4 октября 1896 г.* 95
55. К рабочим Путиловского завода. *12 ноября 1896 г.* . . . —
56. К рабочим Балтийского завода. *14 ноября 1896 г.* . . . 97
57. Царскому правительству. *Ноябрь [не позже 26] 1896 г.* 99
58. К рабочим и работницам Российско-американской резиновой мануфактуры. *Начало декабря 1896 г.* 106
59. К рабочим бумагопрядильной мануфактуры Кенига. *14 декабря 1896 г.* 108
60. Рабочим Екатерингофской мануфактуры. *Декабрь 1896 г.* 110
61. Письмо Лондонского Совета рабочих союзов и Ответ на адресс Лондонского Совета рабочих союзов. *Декабрь 1896 г.* . 112
62. Годовой отчет Союза борьбы за освобождение рабочего класса. *Декабрь 1896 г.* 116

1897 г.

Стр.

63. К рабочим петербургских бумагопрядильных и ткацких фабрик. *1 января 1897 г.* 121
64. К рабочим петербургских бумагопрядилен и ткацких. *7 января 1897 г.* 125
65. Петербургским ткачам и прядильщикам. *9 января 1897 г.* 126
66. Ко всем петербургским рабочим. *11 января 1897 г.* . . 128
67. Рабочим фабрики Гольдарбейтера. *21 января 1897 г.* . 132

Примечания 134

Библиография:

1. Список не имеющихся листовок группы «стариков» и «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 163
2. Важнейшая литература о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» 164

Указатели:

1. Алфавитный указатель 168
2. Указатель авторов 169

Иллюстрации:

Группа «стариков», основателей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» VII
К семяниковским рабочим 3
Рабочие и работницы фабрики Торнтона 9
К рабочим всех петербургских бумагопрядилен 53
Царскому правительству 101

Карта:

Петербург в 1895—1897 гг.

1. Никольская мануфактура.
2. Фабрика Воронина.
3. Невская ниточная („Невка").
4. Новосампсоньевская мануфактура.
5. Старосампсоньевская мануфактура.
6. Фабрика Лебедева.
7. Охтенская мануфактура.
8. Фабрика Джемса Бека.
9. Фабрика насл. Гольдарбейтера.
10. Фабрика Воронина.
11. Северная ткацкая мануфактура.
12. Фабрика "Лаферм".
13. Балтийский завод.
14. Новое адмиралтейство.
15. Российская (Калинкинская) мануфактура.
16. Митрофаньевская мануфактура.
17. Российско-Американская резиновая мануфактура.
18. Фабрика Кенига.
19. Резвоостровская мануфактура Воронина.
20. Екатерингофская мануфактура.
21. Триумфальная мануфактура.
22. Путиловский завод.
23. Мастерские Варшавской жел. дор.
24. Новая бумагопрядильня.
25. Фабрика Кожевникова.
26. Фабрика „Александр" (б. Жукова).
27. Фабрика Степанова.
28. Невская бумагопрядильня.
29. Невская ниточная.
30. Семянниковский (Невский механический) завод.
31. Фабрика Паля.
32. Петровская мануфактура.
33. Спасская мануфактура.
34. Александровский чугунный завод.
35. Фабрика Торнтон.
36. Писчебумажная фабрика Варгунина.

Примечание: на карту не занесены пункты распространения листовок вследствие случайности имеющихся данных; из забастовок 1895—1897 гг. на карте отмечена только летняя забастовка текстильщиков 1896 г.

159 5/94